

“A.S. PUŞKİN VE DOĞU: ALGI, ANLAYIŞ, KAVRAYIŞ”

Uluslararası Sempozyum
17 Aralık 2024, Eskişehir

BİLDİRİ KİTABI

Международная научно-практическая конференция
«А.С. ПУШКИН И ВОСТОК: ВОСПРИЯТИЕ,
ПОНИМАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ»
17 декабря 2024 г. Эскишехир, Турция

СБОРНИК СТАТЕЙ

“A.S. PUŞKİN VE DOĞU: ALGI, ANLAYIŞ, KAVRAYIŞ”

Uluslararası Sempozyum
17 Aralık 2024, Eskişehir

BİLDİRİ KİTABI

Международная научно-практическая конференция
«А.С. ПУШКИН И ВОСТОК: ВОСПРИЯТИЕ,
ПОНИМАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ»
17 декабря 2024 г. Эскишехир, Турция

СБОРНИК СТАТЕЙ

A.S. Puşkin ve Doğu: Algı, Anlayış, Kavrayış: Anadolu Üniversitesi Yayınları No: 4472,
Edebiyat Fakültesi Yayınları No: 40, ISBN: 978-975-06-4663-8

CIP-Anadolu Üniversitesi Kütüphane ve Dokümantasyon Merkezi

A.S. Puşkin ve Doğu: Algı, Anlayış, Kavrayış (2024: Eskişehir)

A.S. Puşkin ve Doğu

1. Puşkin, Aleksandr Sergeyeviç, 1799-1837 -- Kongreler 2. Rus yazarları -- 19. yüzyıl --
Kongreler I. Anadolu Üniversitesi. Edebiyat Fakültesi II. Sabziyeva, Makbule III. Aktay,
Şekip IV. E. a. V. Dizi: Anadolu Üniversitesi. Edebiyat Fakültesi yayınları; no. 40

PG3356. A86 2024

ISBN: 978-975-06-4663-8

2025-2

Sempozyum Onursal Başkanı

Prof. Dr. Kemal ŞENOCAK, Anadolu Üniversitesi Rektör Vekili

Sempozyum Düzenleme ve Yürütme Kurulu Başkanları

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA (Anadolu Üniversitesi)

Prof. Dr. Gülmira KURUOĞLU (İzmir Dokuz Eylül Üniversitesi)

Öğr. Gör. Dr. Zeyne ORAZBEKOVA (Kazakistan, Korkut Ata Kızılorda Üniversitesi)

Sempozyum Sekreterleri

Öğr. Gör. Dr. Şekip AKTAY

Öğr. Gör. Dr. Sevinç NASİBOVA

Arş. Gör. Dr. Cihan KARA

Sempozyum Bilim ve Danışma Kurulu

Prof. Dr. Zinaida SABİTOVA (New York Üniversitesi, ABD)

Prof. Dr. Marina SHCHERBAKOVA (Bilimler Akademisi, Rusya)

Prof. Dr. Asif HACIYEV (Azerbaycan Üniversitesi, Azerbaycan)

Prof. Dr. Aleksandr KATSEV (Kırgız Rusya Slav Üniversitesi, Kırgızistan)

Prof. Dr. Svetlana ANANYEVA (Auezov Edebiyat Enstitüsü, Kazakistan)

Prof. Dr. Bartosz GOLOMBEK (Jagielloń Üniversitesi, Polonya)

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Prof. Dr. Leyla ŞENER (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Doç. Dr. Nilüfer DENİSSOVA (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Doç. Dr. Kevser TETİK (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Dr. Öğr. Üyesi Onur AYDIN (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Dr. Öğr. Üyesi Hakan SARAÇ (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Dr. Öğr. Üyesi Sonnur AKTAY (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Öğr. Gör. Dr. Şekip AKTAY (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Öğr. Gör. Dr. Sevinç NASİBOVA (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Arş. Gör. Dr. Cihan KARA (Anadolu Üniversitesi, Türkiye)

Sempozyum Düzenleme ve Yürütme Kurulu

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA

Prof. Dr. Leyla ŞENER

Doç. Dr. Nilüfer DENİSSOVA

Doç. Dr. Kevser TETİK

Dr. Öğr. Üyesi Onur AYDIN

Dr. Öğr. Üyesi Hakan SARAÇ

Dr. Öğr. Üyesi Sonnur AKTAY

Öğr. Gör. Dr. Şekip AKTAY

Öğr. Gör. Dr. Sevinç NASİBOVA

Arş. Gör. Dr. Cihan KARA

Nilüfer BAHAR

***Başta Anadolu Üniversitesi yönetimi olmak üzere bu kitabın
basılmasında emeği geçen herkese teşekkür ediyoruz.***

“A. S. PUŞKİN VE DOĞU: ALGI, ANLAYIŞ, KAVRAYIŞ” adlı uluslararası sempozyum Dokuz Eylül Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Kazakistan Cumhuriyeti Korkut Ata Kızılorda Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü ve Anadolu Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümünün ortaklığıyla düzenlenmiştir.

Kitabın yayın hakkı Anadolu Üniversitesi'ne aittir ve tüm yayın hakları saklıdır. Bildirilerin bilimsel içerikleri ile ilgili sorumluluk yazarlarına aittir. Bu eserin herhangi bir bölümünün kopyalanması, başka dillere tercüme edilmesi, basılması ve çoğaltılması Anadolu Üniversitesi'nin iznine bağlıdır. Kaynak göstermek suretiyle alıntı yapılabilir.

Mart, 2025

Editörler:

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA
Öğr. Gör. Dr. Şekip AKTAY

İletişim Adresi:

Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü
Edebiyat Fakültesi
Anadolu Üniversitesi
Yunus Emre Kampüsü
26470 Tepebaşı/Eskişehir
Tel: (0222) 335 05 80 / 43-02
E-posta: anadolurusdili@gmail.com

İÇİNDEKİLER

AÇILIŞ KONUŞMALARI	1
____ Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA.....	1
____ Prof. Dr. Gülmira KURUOĞLU.....	4
____ Öğr. Gör. Dr. Zeyne ORAZBEKOVA.....	6
____ Prof. Dr. Fuat GÜLLÜPINAR	7
____ Andrey RIJENKOV	8
BENİM PUŞKİN’İM	
ATAOL BEHRAMOĞLU	9
ТЕМА ВОСТОКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА	
ЭМИНЕ ИНАНЫР.....	11
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА	
ТУСУПОВА, А. К., УЗБЕКОВА, Ж. В., ЖАЛАЛОВА А. М., СМАГУЛОВА А. С.	24
ПУШКИН В ТУРЦИИ (К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА)	
ТЮРКАН ОЛДЖАЙ	34
ALEKSANDR PUŞKİN VE TÜRKÇE ÇEVİRİLERİ: “YEVGENİY ONEGİN” MANZUM ROMANI ÖRNEĞİNDE	
KANŞAUBİY MİZİEV	48
PUSHKIN IN KAZAKHSTAN: TRANSLATIONS, RESEARCH, FICTION	
АНАНЬЕВА, С.В.	55
ПУШКИНИАНА ИНДИИ	
АНЖУ РАНИ.....	64
КОРАН И ПУШКИН	
АБДРАХМАНОВ, С. А.	72
МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЗВУЧАНИЯ «ПОДРАЖАНИЙ КОРАНУ» А. С. ПУШКИНА (СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЕ НАЧАЛА IV «ПОДРАЖАНИЯ...» ПОЭТА)	
РАХМАНОВА, А.Х.	83
К ВОПРОСУ О ПУШКИНСКОМ «ПРОРОКЕ» КАК ЗАЩИТЕ НЕКОТОРЫХ ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	
НАСИБОВА, С.	92

PUŞKİN'İN YARADICILIĞINDA QAFQAZIN TÜRK MÜHİTİ VƏ TÜRK SÖZLƏRİ

TEKELİ, N. M. 96

EASTERN TOPONYMS IN A. S. PUSHKIN'S TRAVELOGUE "JOURNEY TO ARZURUM"

ORAZBEKOVA, Z. S. 111

"ERZURUM YOLCULUĞU" ESERİNDEKİ EPİTETLER TEMELİNDE PUŞKİN'İN ORYANTALİST BAKIŞ AÇISI

ONUR AYDIN 118

A. S. PUŞKİN'İN "BAHÇESARAY ÇEŞMESİ" POEMASINDA KAHRAMANI ŞEKİLLENDİREN BAĞLI MOTİFLER

MEHMET FIRAT ARAMACI 138

PUŞKİN'İN ESERLERİNDEKİ UNVAN ASİMETRİSİ ANLATILARININ GÜÇ MESAFESİ KAVRAMIYLA İLİŞKİLİ OLARAK DEĞERLENDİRİLMESİ

UĞUR KESKİN 146

ЦИКЛ ЗАНЯТИЙ ПО СТИХОТВОРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А.С. ПУШКИНА НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 5-6-Х КЛАССАХ КЫРГЫЗСКОЙ ШКОЛЫ

ЖОЛДОШАЛИЕВА, Ж. 159

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР ПУШКИНА

МАКБУЛЯ САБЗИЕВА 171

EKLER..... 179

AÇILIŞ KONUŞMALARI

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA

Anadolu Üniversitesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölüm Başkanı / Марбуля Сабзиева, проф., доктор наук,
Заведующая отделением Русского языка и литературы Анатолийского университета,
makbulesabziyeva@anadolu.edu.tr

Sayın Rektör Yardımcım, Sayın Dekan Yardımcım, Sayın Rusya'nın Ankara Temsilciliği Rus Evi'nin Özel Kalem Müdürü, Değerli Konuklar, Sevgili Öğrenciler;

Aleksandr Sergeyeviç Puşkin'in anısına İzmir Dokuz Eylül Üniversitesi, Kazakistan Kızılorda Üniversitesi ve Anadolu Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümlerinin ortaklaşa düzenlediği Uluslararası Sempozyuma hoş geldiniz.

Bugün burada, Rus edebiyatının en önemli isimlerinden biri olan Aleksandr Puşkin'i anmak ve onun Doğu ile olan bağlarını incelemek üzere bir aradayız. Puşkin, yalnızca Rusya değil, dünya edebiyatının da en önemli şairlerinden biri olarak kabul edilir. Romanları, şiirleri ve öyküleriyle yüzyıllardır milyonlarca insanın kalbini fethetmiş, onlara ilham vermiş ve düşündürmüştür.

Puşkin'in eserlerinde, Doğu kültürlerinin izlerini görmek mümkündür. Arap masalları, Fars şiirleri, Kur'an'dan alıntılar onun eserlerine zenginlik katmış ve evrensel bir boyut kazandırmıştır. Puşkin, Doğu'nun mistik atmosferini, aşkını, coşkusunu ve melankoliyi Rus edebiyatına taşımıştır.

Bugün, dünyanın yedi ülkesinden bilim insanları, Puşkin'in esrarengiz sanatı üzerine araştırmalarını bizimle paylaşacaktır. Puşkin'in eserlerindeki Doğu motiflerinden, bu motiflerin kaynaklarından, Rus ve dünya edebiyatına olan etkilerinden bahsedecek; ayrıca Puşkin'in Doğu'ya olan ilgisi, o dönemin Rusya'sındaki entelektüel atmosferi ve Doğu-Batı ilişkileri üzerine mülahazalarda bulunacaktır.

Bu sempozyumun, Puşkin'e olan saygımızı ifade etmenin yanı sıra, onun eserlerini bir kez daha hatırlayarak bize bıraktığı zengin mirasın gelecek nesillere aktarılmasına da vesile olacağımızı düşünüyorum.

Değerli katılımcılar, bugün burada değinmek istediğim bir konu daha var. Az önce söylediğim gibi bu sempozyum, üç üniversitenin Rus Dili ve Edebiyatı bölümleri

tarafından ortaklařa d zenlenmiřtir. Bu ortak abanın  nemi, bence sempozyumun  z n  oluřturmaktadır.

Puřkin ve Doęu gibi kapsamlı ve ok y nl  bir konuda, ancak farklı kurumlardan ve farklı deneyimlere sahip insanların bir araya gelmesiyle daha geniř kapsamlı sonulara ulařılabilir. Bu sempozyum, aynı zamanda yeni iřbirlikleri ve projelerin doęmasına da zemin hazırlamaktadır.

Bu vesileyle, İzmir Dokuz Eyl l  niversitesi Rus Dili ve Edebiyatı B l m Bařkanı Prof. Dr. Sayın G lmira Kuruoęlu'na, Kazakistan Kızılorda  niversitesi Rus Dili ve Edebiyatı B l m   ęretim  yesi Do. Dr. Sayın Zeyne Orazbekova'ya teřekk r ediyorum.

Son olarak, her zaman yanımızda olan ve hep bize destek olan Ankara Rus Evi Bařkanı Do. Dr. Sayın Aleksandr Sotnienko'ya ve bug n burada bulunan yardımcısı Andrey Riјenkov'a, sempozyumun gerekleřmesini saęlayan  niversite y netimine, emeęi geen herkese ve bu anlamlı g nde bizimle birlikte olduęunuz iin siz deęerli konuklar ile sevgili  ęrencilerimize teřekk r ediyorum.

Уважаемый проректор, уважаемый заместитель декана! Уважаемый заместитель главы Русского дома в Анкаре, дорогие коллеги, гости, студенты!

Сердечно приветствую вас на международной конференции, посвященной памяти Александра Сергеевича Пушкина, организованной совместно отделениями русского языка и литературы Университета 9 Eyl l (İzmir), Кызылординского университета (Казакстан) и Анатолийского университета (Эскишехир, Турция).

Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память одного из величайших поэтов не только русской, но и мировой литературы Александра Сергеевича Пушкина, а также исследовать его связи с Востоком. В произведениях Пушкина отчетливо прослеживаются следы восточных культур. Арабские сказки, персидская поэзия, цитаты из Корана обогатили его произведения и придали им универсальный характер. Пушкин перенес в русскую литературу мистическую атмосферу Востока, его любовь, страсть и меланхолию.

Сегодня ученые из семи стран мира поделятся с нами своими исследованиями. Они расскажут о восточных мотивах в произведениях Пушкина, их истоках, влиянии на русскую и мировую литературу, а также о том, как интерес Пушкина к Востоку был связан с интеллектуальной атмосферой России того времени и отношениями между Востоком и Западом.

Думаю, что эта конференция не только выразит наше уважение к творчеству Пушкина, но и поможет привлечь внимание к его творчеству новых поколений.

Уважаемые участники, я также хотела бы отметить еще один важный момент. Как я уже говорила, организаторами этой конференции являются три университета. Эта совместная работа, на мой взгляд, составляет суть этой конференции. Такую обширную и многогранную тему, как “Пушкин и Восток”, следует и можно исследовать гораздо глубже и получить более всеобъемлющие результаты, только объединив усилия представителей разных научных учреждений. Этот симпозиум также будет способствовать созданию основы для новых сотрудничеств и проектов.

В связи с этим я хотела бы выразить благодарность заведующей отделением русского языка и литературы Университета Dokuz Eylül, профессору Гюльмире Куруоглу, доценту кафедры русского языка и литературы Кызылординского университета Зейне Оразбековой. Также хочу поблагодарить доцента Александра Сотниченко, президента Анкарского Русского дома, который всегда и во всём рядом с нами и также его помощника Андрея Рыженкова, который сейчас вместе с нами в этом зале. Благодарю также руководство университета и всех тех, кто принимал участие в организации этого симпозиума, и вас, дорогие гости и коллеги, за то, что вы сегодня с нами.

Приятного времяпровождения.

Prof. Dr. Gülmira KURUOĞLU

İzmir Dokuz Eylül Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölüm Başkanı / Гюльмира Курюоглу, проф., доктор наук, Заведующая кафедрой Русского языка и литературы, Литературного факультета, Университета Докуз Эйлюль, gulmira.kuruoglu@deu.edu.tr

Sayın Sempozyum katılımcıları, bugün Anadolu Üniversitesi, Dokuz Eylül Üniversitesi ve Kazakistan Korkut Ata Kızılorda Üniversitesi Rus dili ve Edebiyatı Bölümleri'nin ortak düzenledikleri “Puşkin'in Eserlerinde Doğu: Algı Anlayış, Kavrayış” konulu sempozyumda katılımcıları İzmir Dokuz Eylül Üniversitesi adına selamlıyorum.

Rus edebiyatında müstesna bir rolü olan ve eserleriyle ismi dünya edebiyatına altın harflerle yazılan Aleksandr Sergeyeviç Puşkin'in doğumunun 225. Yılı, bu yıl tüm dünyada kutlanmaktadır. Bugünkü sempozyum da bu kutlamalar kapsamında düzenlenmiştir. Puşkin, 37 yıllık kısa hayatında ürettiği eserlerle dehasını ortaya koymuştur. Ağırlıklı olarak şair olarak bilinen Puşkin, meşhur poemlerinin dışında, yazar olarak da edebiyatın tüm türlerinde eserler üretmiştir: Masallardan piyeslere kadar birçok türdeki eserleri dünya dillerine çevrilmiştir.

Puşkin, Rusya devleti için sadece şair ve yazar değil, aynı zamanda günümüz Rus edebi, ölçünlü dilinin kurucusu olarak da bilinmektedir. Bu nedenle, Puşkin'in doğum günü olan 6 Haziran, Rusya'da aynı zamanda Rus Dili Günü olarak kutlanmaktadır.

Puşkin'in yazdığı dönemden 200 yıl geçmesine rağmen, şiirleri ve diğer eserleri bugünün okuyucusu için tümüyle anlaşılır bir dildir. Puşkin'in eserlerinin Türkiye'de daha fazla tanıtılması gerektiğini düşünüyorum. Bu sempozyumun, bu açıdan önemli katkılar sağlayacağına inanıyorum.

Sempozyum düzenleme komitesine, başta Prof. Dr. Makbule Sabziyeva Hocamız olmak üzere, tüm emeği geçenlere teşekkürlerimi sunuyorum. Sempozyuma farklı ülkelerden çok değerli katılımcıların katılacağını biliyorum. Sizlerle beraber olmayı çok istesem de maalesef katılma durumum olmadığı için buradan sizleri selamlıyorum ve sempozyumun başarılı geçmesini diliyorum.

Уважаемые участники конференции, от имени Измирского университета имени Докуз Эйлюль приветствую участников конференции «Восток в творчестве Пушкина: восприятие, понимание, осмысление», организованной отделениями русского языка и литературы университетов Анадолу и Докуз Эйлюль, и Казахстанского университета Кызылорда Коркут Ата.

В этом году отмечается 225-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Во всём мире эта дата отмечается различными мероприятиями, и в рамках этих мероприятий организована сегодняшняя конференция.

Пушкину принадлежит исключительная роль в русской литературе, а его имя золотыми буквами вписано в мировую литературу. За свою короткую, всего 37-летнюю жизнь Пушкин раскрыл свой гений через свои произведения. Известный в основном как поэт, Пушкин, помимо своих уникальных поэм, создавал произведения во всех жанрах литературы: от сказок до пьес, его произведения разных жанров были переведены на многие языки мира.

Пушкин для России — не только поэт и писатель, но и основоположник современного русского литературного языка. Поэтому день его рождения — 6 июня — отмечается в России как День русского языка. Несмотря на то что произведениям Пушкина более 200 лет, язык его произведений полностью понятен современному читателю.

Думаю, что наследие Пушкина должно быть более известно в Турции, и данная конференция внесет важный вклад в этом направлении.

Я хотела бы поблагодарить организационный комитет конференции, в частности профессора Макбуле Сабзиеву. Приветствую всех участников и желаю успешного проведения конференции.

Öğr. Gör. Dr. Zeyne ORAZBEKOVA

Konya Selçuk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü / Зейне Оразбекова, канд.
Филол. наук, Отделение РЯЛ Факультета литературы Сельджукского университета,
zeine.orazbekova@selcuk.edu.tr

Как всем известно, нынешний год отмечен празднованием юбилея великого поэта А. С. Пушкина. Это поистине всенародное торжество. Во многих странах проходят Пушкинские чтения, творческие конференции литературоведов и т.д. В этой связи хочется выразить огромную благодарность руководству данного университета, оргкомитету и профессору Сабзиевой Макбуле ханум за организацию данной научной конференции, посвященной юбилею великого поэта.

Цель конференции охватывает изучение различных аспектов творчества Пушкина, где основным акцентом будет выступать Восточная тема творчества Пушкина.

Общеизвестно, что тема восточных мотивов в Пушкинском творчестве не нова и привлекла внимание литературоведов еще в XIX веке и по мнению многих ученых, именно Восточная тема поэта требует более глубокого исследования на сегодняшний день.

Спасибо за внимание!

Prof. Dr. Fuat GÜLLÜPINAR

Anadolu Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi Dekan Yardımcısı / Фуат Гюллюпынар, проф., доктор наук, Заместитель декана гуманитарного факультета Анатолийского университета, fgullupinar@anadolu.edu.tr

Değerli konuklarımız, Rusya'nın önemli kurumlarından gelen kıymetli misafirlerimiz, saygıdeğer meslektaşlarım ve sevgili öğrenciler;

Öncelikle bu sempozyumun düzenlenmesinde emeği geçen tüm hocalarıma içten teşekkürlerimi sunuyorum; öğrencilerimizin performansı ise oldukça etkileyiciydi, beni gerçekten çok etkiledi.

Bence bu sempozyum bu yönüyle kendi misyonunu da yerine getiriyor. Peki, bu misyon nedir? Doğu ile Batı arasında bir köprü kurmak... Bana göre Puşkin, bu köprüyü kuran en önemli yazarlardan biridir. Hepimiz, Puşkin'in eserlerinde 'Doğu: Algı, Anlayış ve Kavrayış' temalı bu özel sempozyumda bulunmaktan büyük bir mutluluk duyuyoruz. Edebiyat dünyasının ölümsüz isimlerinden biri olan Aleksandr Puşkin'in eserlerinde Doğu'nun yansımalarını, bu zengin coğrafyaya dair algısını ve sanatsal kavrayışını öğrencilerimizle birlikte keşfetmek üzere bugün burada bir araya geldik.

Bugünkü oturumlarda tartışılacak konuların, Puşkin'in Doğu'ya bakışını daha derin bir anlayışla ele alacağından ve eserlerine daha kapsamlı bir perspektiften yaklaşmamıza katkı sağlayacağından eminim. Edebiyat öyle bir olgudur ki, Doğu, Batı, Kuzey, Güney... Hepsini bir araya getiren, sınırları aşan evrensel dili sayesinde, aslında bu tür çalışmaların Doğu ile Batı, Kuzey ile Güney, kültürler arasında köprüler kurma görevini üstlendiğini özellikle vurgulamak isterim.

Bu önemli sempozyumun hazırlanmasında emeği geçen tüm çalışma arkadaşlarıma, katkıda bulunan kurum ve kuruluşlara ve bu salonda bulunan her birinize içtenlikle teşekkürlerimi sunuyorum. Sözü daha fazla uzatmak istemiyorum, sadece öğrencilerimizden ne kadar etkilendiğimi söylemek istiyorum. Öğrencilerimizin performansı gerçekten çok iyiydi. Bu tür etkinliklerin devam etmesini temenni ediyorum. Tüm katılımcılar için ilham verici ve verimli bir sempozyum geçmesini diliyor; hepinizi saygıyla selamlıyorum.

Andrey RIJENKOV

Rusya Federal Ajansı Türkiye Cumhuriyeti Temsilciliği Başkan Yardımcısı, Андрей Рыженков, Заместитель руководителя представительства Федерального агентства России «Русский дом» в Турецкой Республике

Değerli arkadaşlar, iyi günler!

Müsaadenizle Türkçe konuşacağım. Elbette benim Türkçem, Anadolu Üniversitesi öğrencilerinin Rusçası kadar güzel değildir. Ama lütfen bana karşı hoşgörülü olun. Öncelikle teşekkür ederek başlamak istiyorum. Anadolu Üniversitesi yönetimine ve Rus Dili ve Edebiyatı Bölümüne, bu güzel konferans, sempozyum ve konser için içtenlikle teşekkür etmek istiyorum.

Biraz Puşkin'den söz etmek istiyorum. Gerçekten de Puşkin, dünya çapında Tolstoy ve Dostoyevski'ye kıyasla yabancılar tarafından biraz daha az okunan bir Rus yazar ve şair gibi görünüyor. Onun öykü ve hikâyeleri, büyük ölçüde Fransız ve Alman romantizminden etkilenmiştir. Bu etkiyi biz de görebiliyoruz. Ancak onun şiirleri bambaşka bir şeydir; şiirleri çok daha önemlidir. Puşkin neden daha az tanınan bir yazar? Çünkü şiir, çevirisi zor olan bir türdür. Bir şiiri başka bir dile çevirmek, adeta yeni bir şiir yaratmak gibidir. Atol Hoca maalesef bugün aramızda olmadı; sanırım bu konuda benimle tartışabilirdi (nüktedan bir şekilde – Ş. A.); ama iyi ki de gelmedi o zaman!

Rusya'da Puşkin'in şiirleri yediden yetmiş kadar herkes tarafından sevilir. Gerçekten küçük çocuklar bile Puşkin'i okur, sever ve ezberler. Peki, neden? Çünkü Puşkin'in dili aslında modern Rusçadır. Yani biz rahatça Puşkin'in şiirlerini anlayabiliyoruz. Bu arada, Puşkin'in 19. yüzyılın başında yaşadığını biliyorsunuz. Aslında, Puşkin modern Rusça dilinin kurucusudur ve bu dili tam olarak kendi şiirlerinde kurdu. Şöyle diyebilirim: Dil, bizim zihniyetimizi şekillendiriyor. Yani, Rusya'yı anlamak için biraz zihniyetimizi değiştirmemiz gerekiyor. Puşkin'in şiirleri ise bu konuda büyük bir yardımcı olabilir. Yani, Puşkin'i okurken, Puşkin'i ezberlerken biz, yani siz, Rusçayı okuyanlar, Rusya'yı daha iyi anlıyorsunuz.

Burada Puşkin'e karşı duyulan bu büyük ilgiyi görmekten gerçekten çok memnunum; bu gerçekten çok güzel bir şey. Umarım bugün gördüğümüz öğrenciler, Rus-Türk ilişkilerinde ve ikili ilişkilerimizde büyük bir katkı sağlayacaktır. Tabii ki bir kez daha Anadolu Üniversitesi'ne, Makbule Hanım'a ve dekan yardımcısına bu sempozyumu düzenledikleri için teşekkür etmek istiyorum. Teşekkür ederim, arkadaşlar.

BENİM PUŞKİN'İM

Ataol Behramoğlu, Türk şair, yazar, çevirmen, akademisyen.

Мое знакомство с Пушкиным произошло в библиотеке моего отца. Я был учеником средней школы. Библиотека моего отца открыла мне очень богатый мир мировой литературы. Среди книг, которые я нашел и прочитал, была и повесть Пушкина «Дубровский». Таким образом, я познакомился с Пушкиным через его прозу а не через поэзию. Повесть, переведённая Хасаном Али Эдизом, известнейшим переводчиком русской литературы, на Турецкий казалась мне незаконченной. Позже я понял что Пушкин оставил конец повести немножко не ясным. Я нашёл ответ на свой вопрос много лет спустя. На этот раз в «Капитанской дочке», по-настоящему революционном романе, который в этот раз я прочитал на русском языке, я перевёл на турецкий.

Моими первыми переводами с русского языка, еще будучи студентом филологического факультета, были пьесы Антона Чехова и стихи Михаила Лермонтова. За ними последовали все повести и романы Пушкина уже в первые годы после окончания университета. Я не могу забыть, что эти книги я переводил и писал рукой на самых обыкновенных тетрадях с жёлтыми страницами. С тех пор и по настоящее время эти переводы переиздавались и продолжают переиздаваться бесчисленное количество раз.

Говоря ещё раз о повести Дубровский, Мне придётся подчеркнуть, что Среди персонажей этой повести произвел на меня наибольшее впечатление, ни сам главный герой Дубровский, ни его прекрасная любимая девушка, а кузнец Архип. Этот простой человек, который не пошевелил ни единым мускулом, пока офицеры, пришедшие забрать вещи из сгоревшего дома, который всё еще горел, рисковал своей жизнью и забрался на крышу, чтобы спасти кошку, которая застряла на крыше. Таким образом я ничуть не удивился, когда позднее в «Капитанской дочке» увидел двойников Архипа вокруг мятежника Пугачева. Хочу прибавить ещё, что в «Борисе Годунове» Пушкин вкладывает в уста одного из своих героев слова о том, что «народ тайно склонен к беспорядкам». Я думаю, было бы не ошибкой интерпретировать здесь слово «хаос» как восстание. Я не сомневаюсь, что он был столь же революционен, как и декабристы, революционеры пушкинской

эпохи, но он был бы самообытной и выдающейся личностью, рассматривавший общественные события более реалистичным взглядом.

Поэт Пушкин, несомненно, отражает в своих стихах гениальность русского языка. Суть гениальности языка кроется в разговорном языке народа. Пушкин усвоил этот язык и, обладая современным пониманием, вынес его на самые высокие горизонты мировых языков. Сочетание простоты, реализма и лиризма в его стихах обладает неповторимой самообытностью. Его интеллект как человека и поэта поражает. Для меня большая радость и гордость быть первым переводчиком сборника стихов Пушкина, после перевода его прозаических произведений.

В моем большом труде под названием «История русской литературы с XI по XXI век», плод многолетних работ и стараний, который, я надеюсь, будет опубликован скоро. Моя любовь к русской классической литературе и в особенности бесподобному Александру Сергеевичу Пушкину будет видна во всём её объёме и деталях.

ТЕМА ВОСТОКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Эмине Инаныр, Стамбульский университет, emineinanir@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена частичному анализу произведений с восточными мотивами А.С. Пушкина. В статье предпринята попытка выявить и осмыслить желание поэта проникнуть в загадочный мир Востока, ссылаясь на методы феноменологического исследования и феноменологической редукции Эдмунда Гуссерля. Цель статьи- на примере «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» показать гениальное разкодирование поэтом универсальной символики сёл и городов Востока и Турции. Приведены также факты из родословни Пушкина, связывающие его со Стамбулом.

Ключевые Слова: Восточный Мотив, Родословня, А.С. Пушкина, Феноменология, Феномен.

ÖZET

Çalışmada A.S. Puşkin'in doğu motifleri içeren birkaç eserinin incelenmesi hedeflenmektedir. Bu araştırmada Edmund Husserl'in fenomenoloji yöntemleri ve olgularına atıfta bulunarak şairin Doğu'nun gizemli dünyasına nüfuz etme arzusunun nedenleri tespit edilerek açıklanmaya çalışılmaktadır. Amacımız, şairin "Erzurum Yolculuğu- 1829 Seferi" notlarında Doğu'nun ve Türkiye'nin köy ve şehirlerinin evrensel kodlarını dahice çözümlediğini göstermektedir. Puşkin'in soy kütüğünden bilgilere ve onu İstanbul'a bağlayan gerçeklere de yer verilmektedir.

Anahtar Kelimeler: Doğu Motifi, A.S. Puşkin'in Soyağacı, Fenomenoloji, Fenomen.

ABSTRACT

This work is devoted to the analysis of works with oriental motifs by A.S. Pushkin. The article makes an attempt to identify and comprehend the poet's desire to penetrate the mysterious world of the East, referring to the methods of phenomenological research and phenomenological reduction of Edmund Husserl. The purpose of the article is to use the example of "Travel to Arzrum during the campaign of 1829" to show the poet's ingenious decoding of the universal symbolism

of villages and cities of the East and Turkey. Facts from Pushkin's genealogy that connect him with Istanbul are also given.

Keywords: Oriental Motif, Genealogy of A.S. Pushkin, Phenomenology, Phenomen.

Термин «социокультурный феномен» призван в данном случае выделить концептуально выбранную нами тему Востока в творчестве А.С. Пушкина. Феноменологу Э. Гуссерлю (1859-1937) принадлежит призыв «назад к самим вещам», призывающий к тому, чтобы в познании бытия иметь целью достижение точного знания о бытии, возвратиться к вещам, т. е. анализировать то, что непосредственно дано в созерцании и что в связи с этим несомненно. (Степанович, 2018). А цель феноменологических редукции по Гуссерлю «исключить из образов сознания объективные и субъективные компоненты и сосредоточить созерцание на внутренней структуре сознания — его феноменах. Таким образом, созерцание направляется не на образ, а на его суть» (Степанович, 2018).

Исходя из этого, сам по себе год рождения поэта намекает на некую нереальность, для феноменологов это сущность действительных и недействительных предметов, явлений. С. Рассадин отмечает, что: «Столетия обычно завершаются не точно по хронологии, а как правило, позже или раньше, чем на табло истории появятся два нуля» (Рассадин, 2001, 39-40). Будущий поэт родился в 1799 году, на рубеже двух столетий, но этому гению было предсказано родиться в тот день «когда Пётр впервые остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме черный, светлый, веселый и страшный взгляд. Этот взгляд был приказ *Пушкину быть*» (Цветаева, 1937).

Пушкин ещё с детства стал проявлять интерес к восточной теме. Всем известно, что прадедом Пушкина по материнской линии был уроженец Центральной Африки генерал Абрам Петрович Ганнибал (1696?-1781). Маленький Александр мечтал о родине своего прадеда, представляя её волшебной страной, страной богатых дворцов, удивительных женщин, загадочной, райской природы.

Гуссерль отмечал, что «для того чтобы отвлечься от стереотипов общения, субъективизма» нужно как-то их «заклЮчить в скобки», и узреть

«феномены чистого сознания», т. е. найти сущное и неменяющееся в чистом виде феномена (Иглтэн, 2006, с. 74-75).

В России друг Пушкина, П.Я. Чаадаев в своём «Первом философическом письме» (1828), впервые и наиболее ясно проанализировал противопоставление, известное под названием «Запад- Восток» и культурную принадлежность России, расположенной между «старой» Европой и «старым» Востоком. По Чаадаеву, беды России шли именно «с Востока» и определялись тем, что «мы (русские) обратились к ... Византии» (Чаадаев, 1829).

Вот и Пушкин открывая страницы Востока, начинает с Византией. Легендарный поход киевского князя Олега на Царьград (Стамбул) в 907 году, который подробно описан в «Повести временных лет» был положен в основу известной баллады А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822).

Победой прославлено имя твое,
Твой щит на вратах Цареграда,
И волны, и суша покорны тебе,
Завидует недруг столь дивной судьбе.
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал... (Пушкин, 1978, с. 145).

Несмотря на историческую направленность стихотворения, интерес Пушкина к Царьграду и Востоку можно объяснить тем фактом, что к началу 19-го века, когда все развитые страны Европы устремили свои усилия на колонизацию стран Востока, в 1804 г. был опубликован первый устав русских университетов, который устанавливает кафедру восточных языков. Коллегия иностранных дел вырабатывает в 1806 г. проект учреждения классов арабского, татарского и турецкого при Казанской гимназии, а немного позже при Тифлисской. В 1809 г. выдвигается план образования при Казанском университете «восточного училища», по образцу существовавших в Париже и Вене. В 1810 г. В Петербурге идёт усиленная работа над «Проектом Азиатской Академии» (Гросманн, 1941).

Тема Востока в творчестве поэта начинается условно с написанием его романтической поэмы «Кавказский пленник» (1821) во время южной ссылки. Наблюдательность и талант поэта, помогли ему пересоздать достаточно выразительные картины малознакомого читателям быта черкесов, их обычаи и

нравы. В черновом тексте «Путешествия в Арзурум», Пушкин пишет: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre (привесок). Сам не понимаю, каким образом мог я так верно изобразить нравы и природу» (Пушкин, 1978, с. 450). Культура, быт, обычаи вольнолюбивых людей потрясли молодого поэта. Это была жизнь вольная, заманчивая, а кругом необычные картины гор, невиданные племена, сакли, аулы, жизнь в горах, саклях и аулах. Позже всё это найдет выражение в поэмах и сказках, стихах посвященных этому загадочному для поэта миру.

Образ романтического героя хана Гирая, сильные характеры женщин, любовь, готовая на жертвы, описание крымских ночей—вот мотивы другой южной поэмы Пушкина – «Бахчисарайский фонтан» (1824). В этой поэме уже нескрываемый интерес поэта к мусульманскому востоку. Другу Вяземскому поэт пишет: ««Бахчисарайский фонтан» между нами дрянь, но эпиграф его прелесть», в рукописи был назван «Харемом», но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы), соблазнил меня» (Пушкин, 1978, с. 456). Эпиграфом поэмы стали слова персидского поэта Саади Ширази (1210-12919):

Многие, так же как и я,
Посещали сей фонтан; но
Иных уже нет, другие
Странствуют далече. (Пушкин, 1978, с. 117).

Наблюдая представителей другой культуры, другой религии, поэт исследует «...мир, но не таким, как он есть «в себе», а таким, каким он есть для меня (него). Место реального мира занимает мир как бы появившийся в моём сознании, содержащийся в сознании смысл. Наше сознание интенционально, т. е. в нём исключено все, что для него является внешним. Сущность предмета и интенциональное сознание этого предмета связано: интенциональность переводит вещи в сферу чистого сознания. Вещи даются нам в феноменах, в явлениях. В явлении наиболее важной является сущность; сущность — это смысл явления (Степанович, 2018).

Желание Пушкина узнать побольше об этих загадочных краях, его желание «духовной жаждою томим» («Пророк») оказаться в этих краях, а также декодировать сложную символику сёл и городов Востока можно также объяснить тем фактом, что среди друзей и знакомых Пушкина находился и Осип Иванович Сенковский (1800 – 1858) русско-польский востоковед, полиглот и писатель, редактор знаменитой «Библиотеки для чтения», один из основателей русского востоковедения. Любовь к Востоку в 19 лет позвала Сенковского, известного также под псевдонимом Барон Брамбеус в двухгодичное путешествие по Турции, Сирии и Египту, откуда он привёз в Петербург научные труды и древние арабские, персидские и турецкие рукописи. Сенковский начинает выступать как писатель в альманахе «Полярная звезда», где появились его первые произведения из цикла «Восточных повестей». Они очень заинтересовали читателей, критиков и Пушкина, который в письме к Бестужеву пишет о повести «Витязь буланого коня» (1824): «Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского» (Пушкин, 1962, с. 90).

«Я шагнул навстречу своей судьбе», — напишет Пушкин по поводу знакомства с Наталией Николаевной Гончаровой в декабре 1828 года, которой тогда было только 16 лет (Инаньир, 2022, сс. 164-165). В апреле 1829 года, Александр Пушкин сделал юной Наталье предложение, мать девушки ответила уклончиво на предложение поэта. Отчаявшись от этого отказа (ранее получив отказ императора на службу в армии), Пушкин упорно настаивает принять участие в событиях продолжавшейся русско-турецкой войны. Поездка Пушкина на Восток начинается 5-го марта 1829 года (первое путешествие на Кавказ, как известно, он совершил в 1820 году во время южной ссылки). По приезде на Кавказ, Пушкин начал вести путевые записки, которые значительно позднее (в 1835 году) доработал, назвав их «Путешествием в Арзрум». Поводом для написания «Путешествия» повествователь указывает необходимость литературного ответа на вышедшую в Париже книгу французского дипломатического агента В. Фонтанье, в «которой содержались не только язвительные замечания по поводу участия в арзурумском походе поэта Пушкина, но и резкая критика политики российского правительства на Востоке, характеризующейся как «варварская» и «азиатская» (Алексеев, 2014, с. 6).

Это произведение было выбрано неслучайно; как отмечают многие исследователи, оно «замыкает круг» текстов поэта, посвященных Востоку («Бахчисарайский фонтан» (1821-23), «Подражания Корану» (1824), «Пророк» (1826), «Из Гафиза» (1829), «Делибаш» (1829)), а кроме этого в этом путевом очерке, поэт помещает «странные» по его словам стихи о Стамбуле.

В «Путешествии» Пушкин по-своему «регистрирует» оппозицию чужое пространство - свое пространство. Поздней ночью едя по дороге, автор отмечает, что *«грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель... Солнце село, но воздух все еще был душен:*

Ночи знойные

Звезды чужие!» (Пушкин, 2011, с. 401).

Таким образом, в «Путешествии» мы сталкиваемся с теми художественными знаками, используемые поэтом, которые создают определенный мир и одновременно намечают границы между «своим» миром и «чужим».

Ощущение «своего» или скорее всего его поиски, не покидает поэта и в Тбилисси, когда, описывая город и быт, он делится с читателями, что *«Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские»* (Пушкин, 2011, с. 399).

В «Путешествии» содержатся представления о кавказских и восточных городах и домах архитектурные образцы национального образа жизни: *«чистенькие дорожки, зеленые лавочки», «осетинские аулы», «легкий одинокий минарет», «калмыцкая кибитка», «тифлисские бани», «каравансарай», «комната убранная низкими диванами и ветхими коврами»*. Выходя за пределы композиционной матрицы Россия - Кавказ, помимо архитектурно-исторических топов, автор выявляет и социально-политические противопоставления, которые намного важнее пространственных. Постепенное «размывание» дома, которое характерно для XX-го столетия (*«И веселое слово «дома», никому теперь не знакомо»* - А. Ахматова) у Пушкина уже проявилось в первой четверти XX-го века (Инаньр, 2020, с. 64).

В творчестве А.С. Пушкина второй половины 1820-х - 1830-х гг., тема дома также становится идейным фокусом, который вбирает в себя мысли о

культурной традиции, истории, гуманности и «самостояньи человека» (İnanır, 2022, с. 164). Проследив тенденцию «противопоставления дома своего - дому чужому», следует отметить, что за пушкинским словом «дом» таятся такие глубокие «пласты» действительности, которые не были доступны его предшественникам по перу.

Канонические мотивы выявляют жанровую принадлежность пушкинского произведения, помогают создать атмосферу путешествия и, конечно, не в последний счёт придают повествованию тон нейтральности, к которому стремился автор почти во всех своих произведениях. В описаниях посещаемых поэтом мест нет конкретных мелочей, единичных явлений, а скорее всего периферийное изображение. Однако, в действительности это не так, потому что все мелочи, описанные вроде бы незримо, оказываются выброшенными поэтом наружу, в открытое пространство природы, где становятся универсальным явлением. «Место реального мира занимает мир как бы появившийся в (моём) сознании», т.е. в сознании поэта (Степанович, 2018). Пушкин своеобразным образом превращает их в мифопоэтические знаки для изображения мира «своего» и «чужого» по его словам «с высоты»:

Арзрум..основан около 415 года, во время Феодосия Второго... В нем считалось до 100 000 жителей... город выстроен в лощине, возвышающейся над морем на 7000 футов (....) Дома в нем каменные, кровли покрыты дернам, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты (Пушкин, 1962, сс. 419-420).

Степанович подводя итог феноменологического восприятия действительности Гуссерлем отмечает, что «посредством восприятия для человека появляется Другой, т. е. отличный от меня субъект. Первоначально я воспринимаю его лишь как «живое тело» (психофизическое единство, тело в сочетании с субъективностью) — моё собственное. Обнаруживая другое тело, подобное моему, я ... — приписываю ему и свойство быть психофизическим «живым телом», т. е. субъектом. Вслед за этим и мой мир «становится общим и для другого объективным» (Степанович, 2018). В «Путешествии» Пушкина, мы сталкиваемся как раз с таким переходом:

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса ис-

чезают, холмы сглаживаются трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников (Пушкин, 2011, с. 385).

Но вместе с перечислением конкретных географических пунктов, нетрудно заметить и те художественные знаки, при помощи которых осуществляется плавный переход из одного пространства (Европы) в другое (Азию).

Такое отношение к чужому пространству может интерпретироваться как идея гуманности, которая пронизывает многие произведения Пушкина о Востоке. Следовательно, сюжетной мотивировкой произведения становится не путешествие и географическое описание Востока, а художественная связь различных пространственных планов, объединенных драматизмом войны между Россией и Турцией и острыми проблемами на Кавказе.

Опираясь на модели Лотмана о «наиболее простых разграничениях пространства культуры», следует отметить, что анализируемый нами выше текст из пушкинского «Путешествия», показывает, что «мир за чертой враждебен (или «просто чужой») и ничем в принципе не отличается от «моего» (Лотман, 2004, сс. 471-472).

Даже «чалма», этот «чужой» атрибут неприятеля, не вызывает у автора неприязнь, так как вместо убитого врага, он видит перед собой только нелепость смерти молодого человека. В «Путешествии» Пушкин ещё раз описывает этот довольно чужой атрибут одежды вражеских войск:

«Их высокие чалмы, красивые долиманы и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено» (Пушкин, 2011, 628).

Это беглое описание предметов восточной, ориентальной экзотики показывает желание автора сосредоточит своё внимание скорее всего на психологическую сторону описываемого, нежели на внешнюю, «красота» — которой контрастирует драматизм событий. Автор рассказывает, что на Кавказе местное население было вытеснено завоевателями «из привольных

пастбищ», также и на турецкой территории, путешественник видит руины аулов и деревень: разорённый аул, груды камней, следы «исчезнувшего селения», «развалины какого-то замка», «развалины крепости».

Характерной особенностью стилизации пространства в произведении поэта является и «впервые найденный Пушкиным приём «неузнавания» предмета» (Михельсон, 2014, с. 24). Как будто сам поэт не может разобраться в пространственной матрице, которая окружает путешественника по дороге, «сущность действительных и недействительных предметов одна и та же» (Степанович, 2018). Горы показались ему облаками: вечное, неподвижное - летучим, изменчивым. Ожидаемое обыкновенное, мирное оказывалось необыкновенным, тревожным:

Темнота увеличивалась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а были шакалы, звери в той стороне обыкновенные (Пушкин, 2011, с. 395).

Здесь автор намекает на взаиморастворение или взаимопроникновение человека-природы-вещей, на неуправляемость законов природы и среды, созданной самим человеком, на позиции одновременной зависимости и господства человека в пространстве. Замкнутые человеком «свой дом» и «свой мир» становятся «чужими» для него под напором неподвластных ему природных стихий и войн, которые он сам изобрёл в стремлении расширить очертания «своего дома» (Инаныр, 2020, с. 64).

Город, через который осуществляется «главная сухопутная торговля между Европой и Востоком» в символике «Путешествия» стал знаком «азиатской бедности». Поэтому Арзрум в произведении расположен «на краю» культурного пространства. С нескрытым сарказмом Пушкин отмечает, что эта «поговорка (азиатская роскошь-Э.И.), вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы» (Пушкин, 2011, с. 420).

Когда действие растекается по различным сюжетным линиям, имеющим различное пространственное и временное выражение, появляется загадочная фраза: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою» (Пушкин, 2011, с. 421). Поэт, словно ощутив потребность соединить эти линии в «странной сатирической поэме», выделяющейся отдельными стихами внутри произведения, предлагает заново осмыслить противопоставление «Восток - Запад»:

Стамбул гяуры нынче славят.
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пройдут - и так оставят,
Стамбул заснул перед бедой... (Пушкин, 2011, с. 421).

В последней части стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» речь идет о самом драматическом событии в новейшей истории Турции — подавлении султаном-«западником» Махмудом II восстания янычарей в июне 1826 года и последующем уничтожении их войска. В. Кошелев полагает, что позиция автора в этом стихотворении совпадает с позицией нарратора, а также, что то Пушкин словами арзурумского мусульманина осуждает отступления от национально-религиозной традиции (Кошелев, 1994, с. 12). Ближайшие параллели нетрудно отыскать и в русской общественной жизни того времени.

В «сатирической поэме», сочинённой по словам поэта янычарем Амин-Оглу, Стамбул изображён как город передовой, вот почему его «ныне славят» иноверцы, но ему грозит и опасность оказаться под «кованой пятой» «лукавого Запада» (Инаньыр, 2020, с. 67).

Следует отметить также, что в «Путешествии» мы сталкиваемся с разрушением восточного мифа о гареме. Повествователь сообщает читателю о том, что он свободно посетил то «чужое» пространство, куда вход посторонним мужчинам запрещен. *«...я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу...»* (Пушкин, 2011, сс. 423-424).

Хотя Пушкин не успел побывать в Стамбуле, город этот имеет прямое отношение к его родословне, к которой он всегда проявлял большой интерес. Незавершенный роман «Арап Петра Великого» (1827) является попыткой представить историю семейно-родовых преданий и мифов. В четвёртой главе «Арапа Петра Великого», боярин Гаврила Афанасьевич Ржевский, его родственники и гости возмущаются новыми петровскими обычаями и воздают «похвалы старине» (Павленко, 1999, с. 24). Этот конфликт «старое- новое» находит выражение во многих других произведениях Пушкина. Эта та ситуация, с которой Петр I наталкивался во враждебной ему Москве. Часть событий в романе развиваются в Париже, куда «был отправлен Петром Великим ... для приобретения сведений, ... арап Ибрагим» (Павленко, 1999, с. 5). Но в действительности всё начиналось в Стамбуле. Благодаря усердному старанию и дипломатической дальновидности П.А. Толстого, на протяжении 12 летнего периода его службы в Стамбуле (1703-1714) в начале 19-го века устанавливаются мирные отношения между двумя государствами. После долголетних домоганий России «по Чёрному морю плавание чинить» наконец-то Толстой успел получить разрешения отправки торгового судна в Азов и таким образом началось торговое судоходство через Чёрное море (Павленко, 1999, сс. 439-449). Стамбульский торговец сербского происхождения Сава Владиславич (Рагузинский), получивший право свободной торговли во всех городах России, по поручению посла Толстого, в 1704 г. привёз из Османской империи несколько мальчиков-арапов в Россию. Один из них, Ибрагим Петров, дед прадед Пушкина (Павленко, 1999, сс. 445-446).

В стихотворении «Моя родословная» (1830) в *post scriptum'e*; поэт, возвращается к теме о своих корнях и рассказывает с иронико-патетическим тоном о том как «был куплен дед мой (поэта-Э.И.) Ганнибал за бутылку рома», который «возрос усерден, царю наперсник, а не раб» (Пушкин, 2011, сс. 5-38).

На страницах «Путешествия», в сатирическом стихотворении автор создав ирреальное пространство Стамбула- идеального города будущего, собирает на одной площадке «осетинские аулы», «легкий одинокий минарет», «калмыцкую кибитку», «тифлисские бани», «караван-сарай», реализуя таким образом стыковку различных национальных, социально-политических, эстетических, архитектурных реликтов.

Именно Пушкин открыл русской литературе путь к культуре столь загадочного для России 19-го века Востока, он приобщил русскую интеллигенцию к восточной мысли. В 1829 году поэт осуществив самое долгое, важное и единственное в жизни заграничное путешествие, «сосредоточил созерцание на внутреннюю структуру сознания» и таким образом им был создан социокультурный феномен Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- İnanır, E. (2022). Aleksandr Sergeyeviç Puşkin (1799-1837). *19. Yüzyıl Rus Edebiyatı Altın Kalemler*, ed. T. Günör. Ankara, Nobel Akademik.
- Алексеев, П. В. (2014). Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина. *Филология. Вестник Томского государственного университета*. N. 382. С.6. <https://cyberleninka.ru/article/orientalizatsiya-prostranstva-v-puteshestvii-v-arzrum-a-s-pushkina/viewer> (дата обращения 12.08.2019)
- Гроссман, Л. (1941). *Лермонтов и культуры Востока*. М. Ю. Лермонтов. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Кн. I. С. 673—744. (Лит. наследство; Т. 43/44). <https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-673-.htm>, Москва, Изд-во АН СССР.
- Иглтън, Т. (2006). *Увод в литературната теория*, София, Агата.
- Инаныр, Э. (2020). Пушкин и Восток. Мифы и реальность. *Болдинские чтения 2020 /*
- Кошелев, В. А. (1994). Историческая оппозиция «Запад-Восток» у Пушкина», *Русская литература*. N 4. С. 3—15.
- Лотман, Ю.М. (2004). *Семиосфера*, Санкт-Петербург, Искусство-СПБ.
- Михельсон, В. А. (1974). «Путешествие» в русской литературе, Ростов-на-Дону, Изд-во РГУ.
- Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Гос. лит.-мемор. и природ. Музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино». 62-69.
- Пушкин, А. С. (2011). *Капитанская дочка. Избранная проза. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года*, С.382-426, Москва, ЭКСМО.
- Пушкин, А. С. (1962). *Собрание в десяти томах. Т.9. Письма 1815 – 1830*, Москва.

- Пушкин, А. С. (1978). *Сочинения в трех томах*, Т. I., Москва, Художественная литература.
- Степанович, В. А. (2018). *История философии: Курс лекций в 2-х томах*. Т. 2: Неклассическая философия. Москва, Прометей.
https://psyera.ru/filosofskaya-fenomenologiya-e-gusserlya_16050.htm (дата обращения 12.01.2025)
- Цветаева, М. (1937). *Мой Пушкин*, Художественная литература.
<https://azbyka.ru/fiction/moj-pushkin-marina-cvetaeva/> (дата обращения 15.08.2019)
- Чаадаев, П. Я. (1829). *Философические письма*. Первое. Библиотека «Вехи» (Электронный ресурс). <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения 01.08.2019)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА

Тусупова Алма Кокбаевна, Каспийский Социальный Университет, a.tussupova@mail.ru

Узбекова Жанна Вадимовна, Каспийский Социальный Университет

Жалалова Акшай Максutowна, Казахская Национальная Академия Искусств им.Т.

Жургенова, akshaim01@mail.ru

Смагулова Айгерим Советханова, КазНУ им. аль-Фараби, aigerim_0715@mail.ru

АННОТАЦИЯ

К 225-летию великого Александра Сергеевича Пушкина можно с уверенностью сказать, что его творчество оказало глубокое влияние на мировой литературный процесс и сыграло важную роль в культурном обмене между Россией и Англией. Первые переводы произведений Пушкина на английский язык, опубликованные в 1827 году, стали настоящим мостом между двумя культурами, открыв британским читателям уникальность русской литературы. Неоценимую роль в этом процессе сыграл Джордж Борро — талантливый переводчик и один из первых исследователей творчества Пушкина за пределами России. Его искренняя любовь к произведениям великого поэта, умение точно и тонко передать глубокие мысли и образы Пушкина сделали возможным приобщение англоязычных читателей к русской литературной традиции, позволив им проникнуться её исключительной силой и красотой.

Ключевые Слова: Перевод, Мировая Литература, Диалог Культур

ÖZET

Büyük Aleksandr Sergeyeviç Puşkin'in doğumunun 225. yıldönümünde, eserlerinin dünya edebiyat sürecinde derin bir etki yarattığını ve Rusya ile İngiltere arasındaki kültürel alışverişte önemli bir rol oynadığını güvenle söyleyebiliriz. Puşkin'in eserlerinin 1827'de İngilizceye yapılan ilk çevirileri, iki kültür arasında gerçek bir köprü oluşturdu ve İngiliz okuyuculara Rus edebiyatının özgünlüğünü gösterdi. Bu süreçte, yetenekli bir çevirmen ve Puşkin'in eserlerinin Rusya dışında ilk araştırmacılarından biri olan Georgy Borro'nun paha biçilmez bir rolü oldu. Büyük şairin eserlerine duyduğu içten sevgi, Puşkin'in derin düşüncelerini ve imgelerini doğru ve incelikli bir şekilde aktarma yeteneği, İngilizce konuşan okuyucuların Rus edebiyat geleneğiyle tanışmasını, onun olağanüstü gücü ve güzelliğiyle dolmasını mümkün kılmıştır.

Anahtar Kelimeler: Çeviri, Dünya Edebiyatı, Kültürler Diyalogu

ABSTRACT

On the 225th anniversary of the great Alexander Sergeevich Pushkin, one can confidently say that his work profoundly influenced the world literary process and played an important role in the cultural exchange between Russia and England. The first translations of Pushkin's works into English, published in 1827, became a real bridge between the two cultures, revealing the uniqueness of Russian literature to British readers. George Borrow, a talented translator and one of the first researchers of Pushkin's work outside of Russia played an invaluable role in this process. His sincere love for the great poet's works and his ability to accurately and subtly convey Pushkin's deep thoughts and images made it possible for English-speaking readers to become familiar with the Russian literary tradition, allowing them to be imbued with its exceptional strength and beauty.

Keywords: Translation, World Literature, Dialogue Of Cultures.

ВВЕДЕНИЕ

С давних времен русская литература пользовалась большим вниманием в Англии. Первые английские переводы А. С. Пушкина появились в 1827 г. Два года - с августа 1835-го - прожил в Петербурге английский литератор Джордж Борро, выдающийся лингвист, переводчик произведений А. С. Пушкина на английский язык, вышедших тогда же в двух изданиях.

Пушкин интересовался записками английских путешественников, как старого времени, так и современными. С некоторыми он встречался лично, о других мог слышать от своих друзей, постоянно общался с жившими в Англии представителями дипломатического мира.

Английская жизнь и культура сделались предметом его интереса и серьезного изучения. Сообщения, рассказы, новости об Англии, характеристика английского быта, общественной жизни, политические и литературные вести, полученные из первых рук, существенно дополнили в сознании Пушкина представления о «туманном Альбионе», поэтому круг английских знакомств поэта представляет большой интерес.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Из всех английских путешественников по России, которых Пушкин встречал лично или о которых он слышал, особый интерес представляет для нас Джордж Борро (George Borrow, 1803-1881). Он был один из первых переводчиков Пушкина на английский язык, и эти переводы были изданы и в России.

Борро - оригинальный писатель, с своеобразным стилем и образом жизни, нисколько не походивший на привычный облик путешествующего иностранца. Он был в какой-то степени авантюристом (в хорошем смысле этого слова: *avante* - вперед), но вся его авантюрная, бурная жизнь сублимировалась в поэзии и прозе его художественных произведений. И его отношение к Пушкину было, прежде всего, отношением поэта к поэту. И дело не только в стихотворных переводах. Борро действительно глубоко любил творчество русского поэта, понимал его значение для русской литературы и свято берег память о нем.

А. С. Пушкин знал эти переводы, они имелись в библиотеке поэта. Известен и такой факт: однажды он получил в подарок книгу от Борро и ответил ему любезной запиской.

Около двух лет Борро жил в Петербурге и очень полюбил этот город, где приобрел много друзей. О жизни Борро в Петербурге нам известно прежде всего из деловой переписки с лондонским библейским обществом, в котором он изучал маньчжурский язык. Он готовил к изданию переведенные библейские тексты, получил разрешение выпустить их в свет, приобрести подходящую для этого бумагу, договориться с типографией. Сам наблюдал за ходом печатания. С августа 1835 года по осень 1837 года он прожил в Петербурге, прилежно занимаясь восточными языками и готовя себя к путешествию в Восточную Азию.

Весной 1835 года Борро издал в Петербурге на английском языке книгу-антологию своих стихотворных переводов - образцов мировой поэзии под названием «Таргум или Стихотворные переводы с тридцати языков и наречий». На ста шести страницах Борро поместил свои переводы с древнееврейского, арабского, персидского, турецкого, татарского, китайского и

других языков. С русского языка в антологию вошли переводы одного стихотворения Б. Федорова («The glory of the cossak»), двух стихотворений А.С.Пушкина: «Черной шали» («The black shawl») и песни из «Цыган», хранящиеся в настоящее время среди рукописей Шотландской национальной библиотеки (National library of Scotland) в Эдинбурге.

В творчестве Дж. Борро эта книга занимает важное место как результат поэтических исканий, воссоздающих типические черты сложивших эти песни национальностей, отражая при этом все основные этапы его собственных и реально-жизненных, и литературных скитаний по отдаленным уголкам древнего и нового мира.

Дж. Борро проявил себя как типичный романтический поэт с присущими ему универсализмом, ретроспективными тенденциями и поисками экзотического «местного колорита». Интерес Борро к пушкинской поэме «Цыгане» объясняется тем, что герой поэмы помог ему лучше понять самого себя, разобраться в собственных идейных исканиях, вызвал интерес к личности и творчеству русского поэта. Из всех разнообразных работ переводы, выполненные Дж. Борро из Пушкина, занимают видное место в ранней английской пушкинской литературе.

О жизни Борро в Испании во второй половине 1830-х годов было известно русским читателям по его книге «Библия в Испании. Приключения и рассказы» (1843), имевший шумный успех во всей Европе и вскоре переведенной на немецкий и французский языки. В 1845 г. отрывки из этой книги появились и в русском переводе, и вторично через 15 лет после ее выхода в свет, в английском подлиннике. Появление французского перевода отметил в одном из своих парижских писем А.И. Тургенев, не пропускавший ни одной сколько-нибудь примечательной европейской книги.

Во многих местах книги, неожиданно для читателя, у автора прорывались ранние русские воспоминания.

Описывая в своей книге прибытие на корабле в Лиссабон в конце 1835 г., Борро замечает, что его вступление на португальскую почву было не очень приятным. «Не прошло и часа, как я начал с сожалением вспоминать о России, где я оставил добрых друзей и знакомых», Борро замечает вновь, что он очень

страдал от холода! «Несмотря на шубу, которой я запасаю в России, я продрог до костей». В другом месте, характеризуя Кастилию, Борро опять прибегает к сравнению: «Горы ее недостижимы, равнины необозримы, это не гладкие степи, какие удавалось мне видеть в России».

Особый интерес представляет переписка Борро с Гасфельдом. До сих пор ответные письма Борро известны не были; однако большая связка их (за 1836 - 1846 г.г.) нашлась в рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде. Письма эти имеют двойной интерес:

С одной стороны, они, как и предполагал Шортер, действительно написаны с присущим Борро мастерством и развертывают весьма живописные эпизоды его жизни; с другой - посланные в Россию, они полны лирических воспоминаний об этой стране и любопытных фактических данных, позволяющих гораздо ближе узнать историю его жизни в Петербурге в 1835 - 1837 г.г. В письмах «русские» эпизоды звучат значительно острее, чем в совпадающей с письмами в некоторых отношениях автобиографической книге «Библия в Испании». Однако особый интерес придает им то обстоятельство, что Борро несколько раз говорит в них о Пушкине, и все эти упоминания заслуживают пристального внимания. Прежде чем перейти к самим письмам, следует познакомиться несколько с их адресатом.

Джон (или Иван Петрович, как его называли в России) Гасфельд был датчанин родом и жил постоянно в Петербурге. Одно время он служил в министерстве иностранных дел в Копенгагене, затем появился в Петербурге в качестве переводчика при датском посольстве, сделался потом преподавателем европейских языков в Морском кадетском корпусе и других петербургских учебных заведениях. В конце концов он оставил службу и жил частными уроками английского языка, пользуясь славой прекрасного преподавателя. Английский язык и литература были излюбленными предметами его занятий.

О петербургских приятелях Борро узнается из его последующих писем к тому же Гасфельду, из которых второе письмо (от 23 мая 1836 г.) представляет исключительный интерес, так как оно начинается с указания на какие-то автографы Пушкина и Жуковского, полученные Борро через Гасфельда уже в Испании. Пребывание его в Португалии было непродолжительным. В начале

января 1836 г. Борро перешел через Гвадиану, небольшую речку, отделяющую Испанию от Португалии, и очутился в маленьком пограничном городе Бадахосе, откуда вскоре же отправлен в Мадрид. Второе неопубликованное письмо Борро к Гасфельду (из ленинградской коллекции) послано им уже из испанской столицы. И это письмо, несмотря на его объем, заслуживает того, чтобы быть приведенным в отрывке, и по заключающимся в нем автобиографическим данным и, в особенности благодаря интересным для нас намекам на петербургские литературные и общественные связи их автора.

Мадрид, 23 мая 1836 г.

- Дорогой друг.

Вот уже несколько недель, как я получил от вас два письма с автографами Пушкина и Жуковского. Сердечно благодарю вас за беспокойство, которое вы себе причинили, добывая их для меня... (Литературное наследство, 1982, с. 210).

Многое в этом любопытном письме заслуживает самого пристального внимания и прежде всего указание на «автографы» Пушкина и Жуковского, полученные Борро в Мадриде из Петербурга. Добывая их, и вероятно, не без труда, насколько можно судить об этом по приведенному письму, Гасфельд, несомненно, выполнял просьбу своего друга. Зачем Борро нужны были эти автографы посреди тревог и неудобств его скитаний по испанским провинциям, бок-о-бок с разбойниками, цыганами и контрабандистами, когда он всюду таскал за собой контрабандные экземпляры запрещенной в католической Испании протестантской Библии, подвергаясь опасностям всякого рода? Не были ли эти автографы для него прежде всего теми реликвиями, которые вместе с другими сувенирами и на глухих дорогах, и в трактирах Испании должны были напоминать ему о связях с милой для его сердца Россией и с русской литературой, которую он узнал и полюбил в Петербурге?

В одном из писем к Гасфельду (от 20 ноября 1838 г.) Борро пишет: «Вы спрашиваете, храню ли я ваш прощальный подарок? Так вот, в эту самую минуту я сжимаю его в левой руке, и много раз на песчаных равнинах Ламанчи и Кастилии, среди оливковых и апельсиновых рощ Андалусии, меж диких

Астурийских гор и темных чащ вечно-зеленой галислие я смотрел на него, пока слезы не застилали мне глаза, ибо он напоминал мне о более счастливых временах и лучшей стране».

Вот что писал Гасфельд: *«Вскоре после того, как я узнал, что Пушкин находится в городе, я навестил его и преподнес ему вашу книгу (речь идет о «Таргуме» и «Талисмане», сохранившихся в библиотеке Пушкина в одном переплете). Он очень сожалел, что не познакомился с вами, пока вы были здесь. Он спросил меня, переписываюсь ли я с вами, и, получив утвердительный ответ, просил выразить вам свою благодарность. Воспользовавшись удобным случаем, я мгновенно вытащил из своего кармана этот лист бумаги и просил его написать несколько слов, которые вы найдете ниже вместе с их хорошей копией не столь поэтической каллиграфии; в противном случае вам пришлось бы их долго изучать, прежде чем вы смогли бы расшифровать его каракули (crow' stracks)»* (Литературное наследство, 1982, с. 105) .

«Таргум» сохранился среди книг Пушкина. Любопытно, что экземпляр книги, отправленный Жуковскому, также нашелся в библиотеке Жуковского. Местонахождение оригиналов записок Пушкина и Жуковского в настоящее время неизвестно. Не оказалось их ни среди бумаг Нэппа, находящихся ныне в Америке, ни в той части архива Борро, которая хранится в Нориче.

Об «Энциклопедическом лексиконе» Гасфельд с большой похвалой отзывался в своей петербургской (январской) корреспонденции в лондонский «Атенеум», где весьма лестные слова сказаны были также и по адресу Греча, «автора лучшей грамматики русского языка, которому русские обязаны некоторыми прекраснейшими произведениями, написанными на этом языке». Впрочем, помимо Греча, поручение Борро доставить «Таргум» Пушкину и Жуковскому получить их письменные приветствия по этому поводу - могли выполнить и сам Гасфельд, и другие лица из числа петербургских знакомых Борро, например, Иакинф Бичурин или барон П.Л. Шиллинг. О том и о другом Борро нередко спрашивал в письмах к Гасфельду (Тусупова, 2006, с. 122).

Приведенное письмо Борро от 23 мая 1836 г. не единственное, в котором упоминается Пушкин. В последующих письмах к тому же корреспонденту имя

Пушкина встречается еще несколько раз. Так, в письме из Мадрида от 15 февраля 1837 г., ничего не зная еще о дуэли и смерти Пушкина, Борро справлялся о нем у Гасфельда и просил вестей из столь милого его сердцу Петербурга. Все интересовало его здесь: придворные сплетни, литературные новинки, известия об общих знакомых и различных событиях городской жизни. «Мне хотелось бы, чтобы вы в письмах ко мне иногда сообщали различные русские новости, которые в высшей степени интересуют меня, писал Борро, как поживает благородный император? Чем ныне занят Пушкин? Что Греч и Потте? Закончен ли Исаакиевский собор или подходит к концу? Выступила ли нынче Нева из своих берегов и произвела ли свои обычные опустошения?» (Литературное наследство, 1982, с. 85). Когда это письмо дошло до Петербурга, Пушкин давно уже был мертв, но городская молва все еще шумела по поводу различных загадочных обстоятельств его дуэли. Гасфельд не мог не сообщить об этом в одном из писем к своему другу. Однако до Борро весть о гибели Пушкина дошла с большим опозданием: он говорит об этом лишь в письме к Гасфельду от 20 ноября 1838 г. Письмо это послано из Лондона, куда Борро прибыл ненадолго из Испании по делам Библейского общества и откуда он вскоре должен был возвратиться в Испанию.

В указанном большом письме Борро рассказывает, что весь прошедший год он провел в странствованиях верхом по старой и новой Кастилии, что, заехав на мыс Финистерре, он был арестован в качестве кариитского шпиона и едва избежал казни.

«Я приехал в Лондон лишь несколько дней назад, предварительно пробравшись через Пиренеи... С печалью услышал я о смерти Пушкина. Поистине это потеря не только для России, но и для всего мира» (Литературное наследство, 1982, с. 127). Остается неясным, откуда узнал Борро о смерти Пушкина из письма ли Гасфельда, или из сообщений лондонских газет - но искренность выраженной Борро печали по этому поводу не подлежит сомнению, как и его высокая оценка русского поэта. Мировое значение Пушкина предвидели в то время лишь очень немногие из его западных читателей.

В последующих письмах Борро к Гасфельду имя Пушкина встречается еще дважды, и оба раза в таком контексте, который действительно убеждает в

искренности высказанных им ранее сожалений о гибели поэта. Так, в письме из Ультона (от 18 июля 1841 г.) Борро напоминает Гасфельду, что его попрежнему интересует современная русская литература: «Когда будете мне писать, не забудьте о положении литературы в России; нашелся ли кто-нибудь, чтобы заменить бедного Пушкина? Думаю, что нет: такие люди не появляются в каждом году...» (Тусупова, 2006, с. 120).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни Лермонтова, ни Гоголя Борро, повидимому, не знал. Уехав из пушкинского Петербурга середины 1830-х годов, Борро не смог даже из писем своего корреспондента расширить круг своих тогдашних впечатлений или обновить их. Сначала скитальческая жизнь не позволяла ему из дальних краев следить за движением и успехами русской литературы, потом оседлая, но уединенная жизнь в Уинстоне не способствовала этому: он так и остался с литературными горизонтами гостиной Греча. Кроме того, Борро стал забывать русский язык. В свои письма к Гасфельду (в которых английский текст перемешивается со многими страницами, писанными на чистейшем кастильском языке или по-датски) он любил вставлять и русские фразы; в одном из писем, он, например, в утешение своему петербургскому другу приводит «поговорку» «без деньга ничего можно»; однако с течением времени он сам начал понимать, что уже утрачивает чувство живой русской разговорной речи. В письме от 30 апреля (1840 г.) Борро признается Гасфельду, что познания его в русском языке ослабели, «так как со времени отъезда из России я слышал его только однажды, и то из уст поляка» (Литературное наследство, 1982, с. 501).

А. С. Пушкин имеет репутацию не только величайшего русского поэта, но и создателя значимого моста между англоязычными читателями и русской литературной традицией. Этому свидетельствует история перевода литературных произведений Александра Пушкина на европейские языки.

ЛИТЕРАТУРА

- Серия: Литературное наследство* (1982). Том 91. Русско-английские литературные связи (XVIII век - первая половина XIX века). Под ред. Г. П. Бердников, Д. Д. Благой и др. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. 863 с., Москва, Наука.
- Тусупова, А. К., (2006). Пушкин и Борро, *Литература народов мира*. №1, стр. 121–125. Алматы, Аманат.

ПУШКИН В ТУРЦИИ (К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА)

Тюркан Олджай, Стамбульский университет, turkanolcay@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В работе предпринимается попытка воссоздания в наиболее полном виде истории ознакомления с творчеством А. С. Пушкина в Турции. Исходя из тех или иных социально-политических условий в стране выделяются следующие четыре периода: 1893-1920-ые гг.; 1930-1950-ые гг.; 1960-1980-ые гг. и с 1990-х до наших дней) На основании данных периодов прослеживается поступательный прогресс относительно качества переводов и издания произведений Пушкина. Акцент делается на упорядочение литературно-переводческой и издательской деятельности со стороны государства под эгидой Министерства Просвещения, а также на разработанный им в мае 1939-го года масштабный план ознакомления турецкого народа с образцами мировой литературы, в частности русской, центральное место в которой занимает Пушкин.

Ключевые Слова: Пушкин, История Перевода, Русская Литература В Турции

ÖZET

Çalışmada, Türkiye'deki A. S. Puşkin'in eserlerinin çevirisinin kapsamlı bir şekilde tarihçesinin oluşturulması amaçlanmıştır. Ülkedeki sosyo-politik koşullara bağlı olarak söz konusu tarihçe, 1883-1920'li yıllar, 1930-1950'li yıllar, 1960-1980'li yıllar ve 1990'lı yıllardan günümüze kadar olarak dört döneme ayrılmıştır. Bu dönemlere dayanarak, çeviri etkinliklerinin planlı ve sistematik hale gelmesinin yanı sıra niteliksel yönden de gelişimi irdelenmiştir. Çeviri sürecinin dönüm noktası olan Maarif Vekaletince Mayıs 1939'da düzenlenen Birinci Türk Neşriyat Kongresinde, belirlenen geniş çaplı planın hayata geçirilmesinin izleri sürülmüştür. Türk halkının, dünya ve Rus edebiyatının şaheserleriyle tanışması sonucunda bunların arasında önemli yer tutan Puşkin'in de tüm eserlerini çok sayıdaki çeviriler üzerinden okuma olanağı bulunduğu örneklerle ortaya konulmuştur.

Anahtar Kelimeler: Puşkin, Çeviri Tarihi, Türkiye'de Rus Edebiyatı.

ABSTRACT

The article attempts to recreate the most comprehensive history of the presence and general knowledge of A. S. Pushkin's literary works in Turkey. Based on certain socio-political conditions in the country four periods can be distinguished (1893-1920s; mid-1930s-1950s; mid-1960s-1980s; mid-1990s to present day). Hence through these four periods the article traces the progressing development regarding the quality of translations and editions of Pushkin's works. Also the efforts made by the State, particularly the Ministry of Education, to reorganize literary, translation, and publishing activities are highlighted. In May 1939, the Ministry of Education developed a comprehensive plan to introduce Turkish people to the best works of world literature, including Russian literature, among which were the works of Pushkin.

Keywords: Pushkin, History Of Translation, Russian Literature In Turkey.

Начало знакомства турецкой читающей публики с Александром С. Пушкиным датируется 1889 годом, когда впервые его имя было упомянуто в шеститомном «Универсальном словаре личных имен и историко-географических названий», Шемседдина Сами-бея: «Пушкин – один из величайших поэтов России; родился в 1799 г. в Петербурге и умер в 1837 году. У него большое количество драм и трагедий, а также стихов; многие из его произведений переведены на европейские языки» (Samî, 1306/1889, с. 1554).

К тому же времени стали появляться и сами произведения Пушкина в переводе на турецкий.¹ Впервые они были представлены востоковедом Ольгой

¹ О переводе сочинений Пушкина на турецком впервые писал пушкиновед, кандидат наук Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета Петр Д. Драганов (1857-1928). В приуроченном к 100-летию со дня рождения Пушкина исследовании «Кто впервые принялся переводить А.С. Пушкина и прототипы переводов его на 50 языках и наречиях мира» Драганов датирует первый перевод на османо-турецком 1867-м годом и называет имя первого переводчика Пушкина:

«Крымский караим г. Иосиф Эряк перевел в Петербурге в 1867 г, "Бахчисарайский фонтан" и "Талисман" на османо-турецкий, а в 1868 году отлитографировал этот перевод с посвящением "его превосходительству, г-ну мирзе Александру Касимовичу Казембеку, заслуженному профессору Императорского С.-Петербургского университета и декану факультета восточных языков" и проч.» (Драганов, 1899, с. 675-676).

В XX-ом веке вопрос о переводе Пушкина на турецком рассматривается такими видными российскими востоковедами и тюркологами как Михаил С. Михайлов (1896–1969) (Михайлов,

Сергеевной Лебедевой из Казани, ставшей известной в Турции как Мадам Гюльнар или Ольга де Лебедеф (см. Bekiroğlu, 1993; Akün, 1996; Olca, 2017). Приехав в Османскую империю в октябре 1890 г. по приглашению крупного издателя и писателя Ахмеда Мидхата, с которым она познакомилась в 1889 г. на VIII конгрессе востоковедов в Стокгольме, Лебедева привезла с собой несколько переведенных ею ранее произведений. Через неделю после ее приезда они стали печататься, по частям, в газете А. Мидхата «Терджуман-и Хакикат» (рус. «Толкователь истины»), а ко второму ее приезду в октябре 1891 года вышли отдельным изданием.

Первым произведением Пушкина, представленным Лебедевой читающей публике стала «Метель» из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» (Puşkin'den Kar fırtınası, 1307/1891). За нею вышла «Пиковая дама», под названием «Карточная игра» (Kâğıt Oyunu (Puşkin'den Tercüme), 1308/1892). Согласно К. А. Беловой, Лебедевой же были переведены одновременно на турецкий и татарский «Капитанская дочка» и «Бахчисарайский фонтан» (Белова, 1991, с. 85). К сожалению, не удалось установить ни год, ни место их публикации. Предполагаем, что они были изданы в Крыму, в газете Гаспыралы Исмаил-бея «Терджуман» (рус. «Переводчик»).

Творческая деятельность Лебедевой не ограничивается только переводами художественных произведений. В трех номерах газеты «Терджуман-и Хакикат» от 3, 4 и 6 января 1891 года печатался подготовленный ею биографический очерк «Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения». Последний включает краткое содержание некоторых произведений: «Евгений Онегин», «Полтава», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Борис

1951), Владимир А. Гордлевский (1876-1956) (Гордлевский, 1961), Борис Л. Кандель (1816-1912) (Кандель 1978; 1984), Калерия А. Белова (Белова, 1999) и другие.

В Турции вопрос перевода литературных произведений, среди которых и русские, в частности пушкинские, исследуется в докторской диссертации тюрколога Али Ихсана Колджу (Kolcu, 1995), а также в работе Джафера Гарипера (Gariper, 1999). Полный обзор истории перевода русской литературы в Турции, а также наследия писателей XIX века, включая Пушкина, осуществлен русистом Тюркан Олджай (см. Олджай 2003, 2004, 2008, 2010; Olca 2005, 2017 и др.). Ею же установлена авторская принадлежность русских художественных произведений и названия первых переводов. Литературное наследие Пушкина в Турции прослеживается тюркологом Ильясом Устюнйером в работе «От “Пиковой дамы” до “Тайного дневника” А. С. Пушкина: приключение переводов в Турции» (Üstünyer, 2005) и в магистерской диссертации русиста Сабри Гюрсеса касательно сравнительного анализа трех переводов «Евгения Онегина» на английском и турецком языках (Gürses, 2006).

Годунов», а также и музыкальные произведения, в основу которых легли пушкинские сочинения².

С целью обратить внимание любителей литературы на очерк, он был представлен самим издателем А. Мидхатом, назвавшим Пушкина «реформатором русского языка и мысли, творения которого вошли в сокровищницу мировой культуры и переведены на французский и английский» (Lebedef, 1308/1892, с. 2). Подчеркивая своеобразие Пушкина, им было высказано также мнение о большом влиянии, оказанном Пушкиным не только на русскую, но и на всю европейскую литературу (там же).

Несмотря на некоторые недостатки в переводах (пропуски, вольные добавления, использование усложненных синтаксических конструкций вместо коротких пушкинских фраз и др.) и в очерке (неточность фактов в биографии, субъективность их оценок) Лебедева сумела донести до турецких читателей представление о Пушкине как о русском писателе первой величины.

Очерк о Пушкине с небольшими изменениями был включен в монографию «Русская литература»³, опубликованную Лебедевой в 1894 г. (Lebedef, 1311/1894).

Ознакомлению турецкой интеллигенции с пушкинскими стихотворными произведениями способствовали переводы передовой турецкой поэтессы Нигяр Ханым и хозяйки известного литературного салона в Стамбуле. Нигяр Ханым в совершенстве владела восемью иностранными языками и перевела с языков-посредников ряд стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В.

² M-me Gülnar Olga De Lebedef. Şair Puşkin: hayatı, sanatı, eserleri // Tercüman-ı Hakikat № 3745 03.01.1306; № 3746 04.01.1306; № 3748 06.01.1306. Спустя два года очерк вышел отдельным изданием (Lebedef, 1308/1892).

³ Монография Лебедевой (объемом в 132 страницу) является первой крупной литературно-критической работой о русской литературе в Турции. На первых 9-ти страницах очерка даются краткие сведения о зарождении и развитии русской литературы до XVIII-го века, с 10-ой страницы следуют 19 портретных характеристик известных писателей, начиная с Антиоха Кантемира и кончая Львом Толстым. Читатели подробно знакомятся также с творчеством Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Дмитриева, Хераскова, Жуковского, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Гончарова, Островского, Тургенева и с содержанием произведений, ставших мировой классикой. Интерес представляет факт, что в очерке отсутствуют имена таких крупных писателей как Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов. И почему она так решила – непонятно. В 1895-м Ф. М. Достоевского уже не было в живых, т.е. были опубликованы и известны все его романы. А в 1894-5 гг. А. П. Чехов хотя еще и не признанный мастер слова, все-таки опубликовал некоторые свои рассказы. Может быть Лебедева в качестве источника пользовалась каким-то пособием, в котором этих авторов просто не было. На это же указывает то, что Л. Н. Толстого, хотя она была с ним лично знакома и переписывалась, она включила дополнительно.

А. Жуковского и басен И. А. Крылова. После того как переводы были опубликованы в периодической печати, они вошли в сборник поэтессы «Эфсус» 1891 года (рус. «Сожаление»). Появление переводов Нигяр Ханым сразу же вызвало отклик в Петербурге. В 1892 г. в 5-ом номере журнала «Звезда» вышла заметка, посвященная этому событию (Белова, 1999, с. 394).

Кроме Нигяр Ханым стихи Пушкина переводили также Абдуллах Джевдет и Джеляль Эниси из Тифлиса, работавший в то время переводчиком в Стамбуле.

Переведенное Джевдетом с французского пушкинское четверостишие было опубликовано в 15-ом номере журнала «Мектеб» (рус. «Школа») в августе 1894 г. без указания на название (Garipet, 1999, с. 117). Первые две строки являются точным переводом строк «Бахчисарайского фонтана», описывающих Зарему, а в остальных наблюдается вольный перевод.

Переведенные Эниси два пушкинских стихотворения, были опубликованы в 44-ом номере журнала «Малюмат» (рус. «Известия») в июле 1896 г. с примечанием: «Вольный перевод двух стихотворений Пушкина, одного из знаменитых поэтов России» (Kolcu, 1995, с. 246).

К 100-летию со дня рождения Пушкина в январском номере газеты «Икдам» (рус. «Усердие») была опубликована статья, находившегося во Франции Али Кемаля «Поэзия и поэт. Кто такой А. С. Пушкин?». В статье, являвшейся частью рубрики «Парижские письма» Кемаль отметил, что французская печать отводит широкое место русской и польской литературе и публикует переводы, и попытался ознакомить читателей с Пушкиным, приводя прозаичный перевод с французского одно из его произведений (Kolcu, 1995, с. 247). Нами было установлено, это отрывок из «Медного всадника», составленный из начальной и конечной частей поэмы.

С началом режима Абдульхамида II в 1900 году любая деятельность в области культуры замерла. В 1908 г. было объявлено Второе Конституционное Правление, а через год Абдульхамид II был свергнут с трона. С отменой цензуры появилось большое количество газет и журналов, в следствие чего оживилась издательская и переводческая деятельность. Однако это оживление продолжилось недолго. Война в Ливии, вспыхнувшие сразу за ней войны на

Балканах, а за ними Первая Мировая война воспрепятствовали этому оживлению, однако ускорили упадок Османской империи. 29 октября 1923 года Высшее Национальное Собрание Турции провозгласило республиканское правление в стране.

В первые десятилетия своего существования Турецкая Республика восстановила с Советским Союзом добрососедские отношения, что побудило живой интерес к русской культуре, и в частности к ее литературе.

Первым произведением Пушкина, переведенным в республиканский период стала поэма «Цыгане». Отрывки из нее были переведены прозой и с языка посредника Неджметтином в 1925 году.

В 1930 г., уже новым алфавитом на латинской основе издательством Хильми были изданы две из «Повестей Белкина»: «Станционный смотритель» и «Гробовщик» в переводе Хасана Шукрю, опять же с языка посредника.

С языка посредника переводил и Самизаде Сюрея. Перед тем как издать переводы из Пушкина в 1932 г. им был опубликован очерк «Выдающийся поэт Пушкин и его произведения» в двух главах: первая включает биографию Пушкина, а вторая, подкрепленная высказываниями крупных писателей указывает на его место в мировой литературе (Süreyya, 1932).

Сюрея перевел «Капитанскую дочку» (1933), «Метель», «Выстрел» и «Барышню-крестьянку». Последние три повести вышли в сборнике под названием «Метель» (1934), однако «Выстрел» и «Барышня-крестьянка» были названы по именам главных героев «Сильвио» и «Акулина». К своим переводам Сюрея написал и предисловия.

Надо учесть, что предисловия являлись важным источником ознакомления читателей с авторами произведений. Написанные издателем, либо переводчиком, они в большинстве случаев превышали двадцати страниц и содержали подробную информацию о писателе и его творчестве, в них очень часто высказывалось восхищение русской литературой.

Вот пример из предисловия Сюреи к «Капитанской дочке»:

Мы турки не знаем Пушкина и вообще русская литература, культура и искусство у нас мало известны. В эпоху салтаната не сумели

узнать русских, а между тем, узнали бы наших соседей ближе, полезнее было бы для нас... У нас ощущается острая нужда в переводах. Отчего бы нам не обеспечить большую часть этой потребности при помощи русской литературы? Русская литература ближе к нашему сердцу и вкусу, и во многом превосходит западную литературу (Süreyya, 1933, с. 4).

В 1937 году наблюдается интерес к творчеству Пушкина. К 100-летию со дня смерти поэта турецкие газеты массово помещают очерки о жизни и творчестве Пушкина, как и сообщения о подготовке к пушкинским дням в СССР и других странах.

К чествованиям присоединились и издательства, выпустившие специальные книги, посвященные Пушкину (см. Ediz, 1937; Duru, 1937; Süreyya, 1937). В них приводились отрывки из неопубликованных ранее пушкинских произведений, а также материалы о Пушкине из западной прессы и множество фотографий. Вместе с тем с 1937 по 1939 год, приуроченные к юбилею, стамбульское издательство Бозкурт выпустило переводы и прозаические переложения «Бориса Годунова», «Цыган», «Пиковой дамы», «Египетских ночей», «Дубровского», «Гробовщика» и «Барышни-крестьянки» в переводе знатока русского языка и литературы Хасана Али Эдиза.

Все это имело ценность для популяризации знаний о русской литературе и утверждения мирового значения имени Пушкина.

С 1940 года под эгидой Министерства просвещения в стране началась настоящая государственная «переводческая мобилизация». Выступила новая когорта переводчиков специалистов, хорошо владеющих языком, среди которых вышеназванный Хасан Али Эдиз, Нихаль Ялаза Талуи, Вала Нуреттин, Эрол Гюней, Огуз Пельтек, Зейнель Аккоч и др. Требования к профессионализму были весьма высокими, а выполняемые переводы были действительно качественными и адекватными оригиналам, в отличие от многих переводов прежних лет. Тщательно следилось за всеми переводами, особенно за выпускаемыми частными издательствами, при необходимости переводчики критиковались за ошибки и безответственность, с которой они относились к переводу произведений (см. Олджай, 2004; Олджай, 2010).

Из произведений Пушкина в 40-ые годы в серии «Мировые классики», выпускаемой Министерством просвещения отдельными томами вышли «Борис Годунов» (пер. З. Аккоч и О. Пельтек, 1943), «Капитанская дочка» (пер. Э. Гюней и С. Али, 1944 г), «Пиковая дама» (1944), «Повести Белкина» (1945), «Дубровский» (1945) (пер. Х. А. Эдиз), «Маленькие трагедии» (пер. Э. Гюней и О. Пельтек, 1946). Каждый том сопровождался предисловием. В предисловии выдвигались главные особенности творчества Пушкина, его народность и реализм. Так, Эрол Гюней в предисловии к «Борису Годунову» пишет, что *«сцены, где выступает народ самые самобытные в мировой драматургии. Здесь Пушкин обратился к народу не как к декорации, а как к основному элементу в построении пьесы»* (Güneş, 1943, с. 4).

В предисловии к «Маленьким трагедиям» тем же Гюнеем подчеркивается, что *«у Пушкина все герои от старого цыгана до Фауста, от средневековых рыцарей до блестящего гения новой культуры – Моцарта живут глубочайшими проблемами человечества»* (Güneş, 1946, с. 5).

Переводы из Пушкина публиковались также и на страницах, выпускаемого под эгидой Министерства просвещения журнала «Терджуме». Так например, в его 11-ом номере вышла трагедия «Моцарт и Сальери», а в 14-ом – поэма «Цыгане» в переводе В. Нуреттина. Перевод «Скупого рыцаря» О. Пельтеком и Э. Гюнеем вышел в 31-ом номере журнала (см. Олджай, 2006).

В вышеназванных переводах нет пропусков мест из оригиналов. Однако, делая перевод прозаических стихотворных пушкинских произведений, переводчики отступают от структуры оригиналов, вследствие чего можно говорить лишь о воспроизведении их содержания. Перевод Пушкина в прозе вряд ли мог донести до турецкого читателя дух пушкинского стиха.

Это в определенной степени осуществил Сефер Айтекин с переводом стихотворения «К поэту», опубликованного в специальном номере «Терджуме» 1946 года, посвященном мировой поэзии.

Перешедшая в наступление в 1947 г. реакция нанесла тяжелый удар по прогрессивно настроенной интеллигенции. Устранение Х. А. Юджеля с поста министра просвещения неблагоприятно отразилось на всей переводческой деятельности. В эти годы из пушкинских произведений свет увидели лишь

«История пугачевского бунта» (пер. Р. Ачикгёз, 1949) и «Избранные сочинения» (пер. Орхан Шамхал, 1953). В 1954 г. вышла из печати книга Анри Труайя «Пушкин».

В 1960 г. вышел новый перевод «Капитанской дочки» (пер. Нихаль Ялаза Талуи, 2-ое изд. в 1966, 3-ье – в 1973), а через год «Путешествие в Арзрум» (пер. Зеки Баштимар).

Вторая половина 60-ых годов XX века знаменует новый этап в истории русско-турецких литературных связей. В 70-ые годы наблюдалось массовое увлечение русской и советской литературой, в полном смысле этого слова. Переиздавались в старых и новых переводах или издавались впервые практически все крупные произведения русской прозы XIX века.

На этой волне интереса молодой в ту пору известный поэт и переводчик Атаол Бехрамоглу заново перевел пушкинскую прозу и опубликовал в 1972 г. двухтомник «Полное собрание сочинений» (Puşkin, 1972). В конце 70-ых годов он осуществил первые свои переводы нескольких пушкинских стихотворений («Я вас любил», «К Чаадаеву») и эпиграмм.

Бехрамоглу с правом можно определить лучшим переводчиком Пушкина-стихотворца в Турции. Исключая самые первые стихотворные переводы Нигяр Ханым и Джелыла Эниси, как перевод Сефера Айтекина «К поэту» и лирические отрывки из «Египетских ночей» (пер. Н. Хикмет), «Стамбул гяуры нинче славят» (пер. З. Баштымар), осуществленные в 40-ых годах, пушкинская поэзия долгое время оставалась недоступной турецким читателям. Они познакомились с лирикой Пушкина лишь в 1996 г. когда множество стихов гения, переведенных Бехрамоглу вышло отдельной книгой «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» (Puşkin, 1996).

Другим известным переводчиком третьего поколения, хорошо владеющим русским языком и наделенным поэтическим даром является также Азер Яран. Им переведены «Медный всадник», «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан», вышедшие в 1995 г. сборником под названием «Медный всадник» (Puşkin, 1995). Крупнейшей заслугой Ярана является перевод гениального произведения Пушкина «Евгений Онегин» (2003, YKY), над которым переводчик работал долгие годы. Однако, он остался в тени другого перевода

того же произведения, вышедшего в том же году и выполненного в стихотворной форме Каншаубием Мизиевым и турецким поэтом Ахметом Неждетом (Puşkin, 2003). Последнему был присвоен приз в номинации «Перевод года». Евгений Онегин в переводе К. Мизиева и А. Неждета выдержал множество изданий. В 2016 и 2018 годах он был издан также издательствами «Айрынты» (рус. Детали) и «Имге» (рус. Образ).

Представитель той же когорты, известный в стране переводами русской литературы XX-го века Кайхан Юкселер перевел «Руслана и Людмилу» и все южные поэмы Пушкина.

Открытие в 1990 году отделения русского языка и литературы в Стамбульском университете, а за ним и еще в пяти университетах Турции способствовало подготовке новых профессиональных кадров русистов и переводчиков.

Одна за другой стали появляться магистерские и докторские работы, посвященные анализу тематики и жанров творчества, историзма и реализма А. С. Пушкина. Исследования различных аспектов творчества Пушкина опубликованы престижными издательствами или во многих академических журналах, книжных дополнениях.⁴

Постепенно формировалась новая когорта переводчиков с русского языка как Сабри Гюрсес, Угур Бюке, Гюнай Четао Кызылырмак, Озлем Асылтюрк, Шефика Шукрюоглу и другие.

⁴ Среди множества опубликованных исследований в Турции следует отметить: Behramoğlu, A. (2002). *Rus Edebiyatında Puşkin Gerçekçiliği*. İstanbul, «Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları»; Öksüz, G. (2012). A. S. Puşkin'in «Köylü Hanımefendi» Öyküsü ile H. R. Gürpınar'ın «Kuyruklu Yıldız Altında Bir İzdivaç» Romanının Karşılaştırmalı Olarak İncelenmesi. *The Journal of Academic Social Science Studies*, 8(5), 917-928; İkisivri, D. (2017) A. S. Puşkin'in «Yevgeni Onegin» Adlı Eserinde Biçimsel Özellikler. *İdil Sanat ve Dil Dergisi*, 6(38), 2639-2656; Kongaz, İren D. (2018). Karanlık Çağın Işığı: A.S. Puşkin. *Navisalvia Sina Kabağaç'ı Anma Toplantısı 2018*. Işık ve Karanlık, Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 109-120; Yetkin, B. G. (2018). Puşkin'in «Yevgeni Onegin» Örneklemleriyle Rus Kültür ve Edebiyatında «Balo». *SSRJ Social Sciences Research Journal*, 7(04), 183-196. Kongaz, İ. D., (2019). Edebiyatın Penceresinde Rus Milliyetçiliği: A.S. Puşkin'in «Yevgeni Onegin'i». *Filolojide Güncel Akademik Çalışmalar*. Cetinje: IVPE, 225-243; Çelikates Tepe, H. H. ve İkisivri Akdemir, D. (2021). 1830 Kolera Salgınında A.S. Puşkin: İlk Boldino Güzü. *Jass Studies-The Journal of Academic Social Science Studies*, 14(86), 181-191; Serdar, İ. (2022). A. S. Puşkin'in Tarihî Çalışmalarına Bir Bakış. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, 10(32), 119-128; Tekeli, S. (2022). A. S. Puşkin'in «Yüzbaşının Kızı» adlı eserinde yer alan eski kelimeler: Arkaik ve tarihî kelimeler örneğinde. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*, 27, 808-831; Kongaz, İ. D., (2024). *Puşkin ve Rus Kimliği*. Ankara, İksad Yayınevi ve m. dp.

Перевод «Капитанской дочки» Шефикой Шукрюоглу в 1998 г. (Oda Yay.) в 2003 г. выдержал седьмое издание.

В том же 2003 г. Озлем Асылтюрк впервые перевела и опубликовала в отдельных книжках сказки Пушкина: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

В 2005 г. Гюнай Ч. Кызылырмак опубликовал свой перевод (Bordo Siyah Yay.), который в 2006 г. осуществил три новых изданий.

В 2010 г. из-под пера Гюрая Чакмакчи в издательстве «Сис» вышел очередной перевод «Капитанской дочки», который также переиздавался в последующих трех лет. Отметим, что он является девятым по счету переводом этого пушкинского произведения.

Сабри Гюрсесу принадлежат очередные переводы «Евгения Онегина» (2016, 2017, 2024, Alfa Yay.) и всей пушкинской прозы (2017, 2022, Alfa), а Бирсен Карадже принадлежит перевод монографии В. И. Кулешова «Пушкин» (2000, 2018).

Угуром Бюке были переведены и изданы «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (2024, Can Yay.), «Пиковая дама» (2022, 2023, Can Yay.) и «Сказки» (2024, Alfa Yay.).

От всего вышесказанного становится ясно, что турецкая читающая публика получила возможность изучать на родном языке все произведения Пушкина. Множество его повестей и романов имеют до 10-ти вариантов перевода и издаются многими крупными издательствами. Благодаря переводам, биографическим, литературно-критическим и научным работам Пушкин по праву занял достойное место среди самых известных в Турции классиков русской и мировой литературы, что помогает турецкому читателю понять, как уникальность поэта удивительным образом отчетливо высвечивает самобытность всей русской культуры.

ЛІТЕРАТУРА

- Akün, Ö. F. (1996). Gülnar Hanım. *İstanbul: T.D.V. İslam Ansiklopedisi*. c. 14. 243-248.
- Bekiroğlu, N. (1993). Unutulmuş Bir Müsteşrik: Olga dö Lebedeva / Madam Gülnar. *Dergah*, 46, 8-10.
- Duru, K. N. (1937). *Puşkin*. Ankara, Ulus Basımevi.
- Ediz, H. A. (1937). *A. S. Puşkin ve Klasik Rus Edebiyatı*. İstanbul, Bozkurt Basımevi.
- Gariper, C. (1999). Rusça'dan Türkçe'ye Yapılan İlk Edebi Tercümeler Üzerinde Bir Araştırma: Manzum Tercümeler. *İlmi Araştırmalar. Dil, Edebiyat, Tarih İncelemeleri, İlim Yayma Cemiyeti*, (7). 105-134.
- Güney, E. (1943). Önsöz. *Puşkin A. S. Boris Godunov* (çev. Z. Akkoç, O. Peltek). Ankara, MEB Yayınları.
- Güney, E. (1946). Önsöz. *Puşkin A. S. Küçük Tragedyalar* (çev. Z. Akkoç, O. Peltek), Ankara, MEB Yayınları.
- Gürses, S. (2006) *Çevirmeni Çevirmek Nabokov'un Eugene Onegin Çevirisi ve Türkçe Onegin Çevirileri*. İ.Ü. Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi.
- Habib, İ. (1941-1942). *Avrupa edebiyatı ve biz. Garpten Tercümeler I-II cilt*. İstanbul, Remzi Kitabevi.
- Kâğıt Oyunu (Puşkin'den Tercüme)*. (1308/1892). Mütercimi, Gülnar Lebedef. İstanbul, Âlem matbaası.
- Kolcu, A. İ. (1995). *Tanzimat ve Servet-i Fünûn Devirlerinde Batı Edebiyatından Yapılan Şiir Tercümeleri Üzerinde Bir Araştırma (1859-1901)*, Doktora Tezi. Erzurum, Atatürk Üniversitesi.
- Kolcu, A. İ. (1999). *Tercüme Şiirler Antolojisi (1859-1901)*, İstanbul, Gündoğan Yayınları.
- Lebedef, M-me Gülnar. (1311). *Rus Edebiyatı*. İstanbul, Tercüman-ı Hakikat.
- Lebedef, O. (M-me Gülnar). (1308/1892) *Şair Puşkin: hayatı, sanatı, eserleri*. İstanbul, Tercüman-ı Hakikat Matbaası.
- Olçay, T. (2005). Cumhuriyet Dönemi Öncesi Rus Edebiyatından Türkçeye Yapılan Çeviriler Üzerine. *Litera: Batı Edebiyatları Dergisi*. 18. İ.Ü., Edebiyat Fakültesi Yayınları, 41-54.
- Olçay, T. (2017). Olga Lebedeva (Madame Gülnar): A Russian Orientalist and translator Enchants the Ottomans. *SLOVO*. 29(2), 40-71. DOI: 10.14324/111.0954-6839.065

- Puşkin (1972). *Bütün Eserleri. I-II* (çev. F. Behramoğlu) İstanbul, Cem Yayınları.
- Puşkin, A. S. (1933). *Yüzbaşının Kızı* (çev. S. Süreyya), Ankara, Varlık.
- Puşkin, A. S. (1934). *Kar Fırtınası* (çev. Samizade Süreyya), Ankara, Hilmi Kitaphanesi.
- Puşkin, A. S. (1943). *Boris Godunov* (çev. E. Güney). Ankara, MEB Yayınları.
- Puşkin, A. S. (1995). *Bakır Athı* (çev. A. Yaran). İstanbul, İyi Şeyler.
- Puşkin, A. S. (1996). *İnsanüstü Anıt Diktim Kendime* (çev. A. Behramoğlu). İstanbul, Adam.
- Puşkin, A. S. (2003). *Yevgeniy Onegin* (çev.K. Miziyevev-A. Necdet). İstanbul, Everest.
- Puşkin'den Kar fırtınası* (1307/1891). Mütercimesi: Madam Gülnar Lebedef, İstanbul, Tercüman-i Hakikat Matbaası.
- Sami, Ş. (1306/1889). *Kāmûsü'l-a'lâm*. 2. Cild. İstanbul, Mihran matbaası.
- Süreyya, S. (1932). *Puşkin, büyük şair ve eserleri*. Ankara, Varlık.
- Süreyya, S. (1933). Ön Söz. *Puşkin A. S. Yüzbaşının Kızı* (çev. S. Süreyya). Ankara, Varlık.
- Süreyya, S. (1937). *Aleksandr Puşkin*. Ankara, Varlık.
- Üstünyer, İ. (2005). «Maça Kızı»ndan «Gizli Günce / Günlük»e A. S. Puşkin Çevirilerinin Türkiye «Serüveni». *V. Dil, Yazın ve Deyişbilim Sempozyumu*. İstanbul. URR: <https://www.researchgate.net/publication/327111111> «Maça Kızı»ndan «Gizli Günce/Günlük»e A. S. Puşkin Çevirilerinin Türkiye «Serüveni» (10.01.2025).
- Белова, К. А. (1991). Из истории переводов Пушкина в Турции. *Творчество Пушкина и зарубежный Восток*. 82-95., Москва, Изд-во Наука.
- Белова, К. А. (1999). Из истории переводов Пушкина в Турции. *Пушкин и мир Востока*. 391–398., Москва, Изд-во Наука.
- Гордлевский, В. А. (1961). Пушкин в Турции. *Избранные сочинения Язык и литература*. Т. 2. 514-521., Москва, Изд-во восточной литературы АН СССР.
- Драганов, П. Д. (1899). Кто впервые принялся переводить А.С. Пушкина и прототипы переводов его на 50 языках и наречиях мира. *Исторический вестник*. 20(56). 634-688.
- Кандель, Б. Л. (1984). Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки. *Пушкин А.С. Капитанская дочка*. 2-е изд. 297-317. Л., Изд-во Наука.

- Кандель, Б. Л. (1978). Указатель переводов поэмы «Медный всадник» на языки народов СССР и иностранные языки. *Пушкин А. С. Медный всадник*. 271-284. Л., Изд-во Наука.
- Михайлов, М. С. (1951). Произведения А. С. Пушкина на турецком языке. *Труды Московского института востоковедения*. Вып. 6, 147-174.
- Олджай, Т. (2003). Русская литература в Турции. *ВІСНИК Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*, 595, 91-94., Харків, Філологічний факультет.
- Олджай, Т. (2004). К вопросу истории переводов русской литературы в Турции (1923-1960 гг.). *ВІСНИК Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*, 42(631), 266- 271., Харків, Філологічний факультет.
- Олджай, Т. (2006). Русская литература на страницах турецкого журнала «Терджуме». *Болгарская русистика*. 1-2. 117-136. София.
- Олджай, Т. (2008). Из истории первых переводов русских художественных произведений в Турции. *Русская литература в контексте мировой культуры*. В двух томах. Том 1. Часть 1. 362–370. СПб., МИРС.
- Олджай, Т. (2010). Рецензия переводов русских литературно художественных произведений в Турции. *International Journal of Russian Studies*. 3(1), 23–44.

ALEKSANDR PUŞKİN VE TÜRKÇE ÇEVİRİLERİ: “YEVGENİY ONEGİN” MANZUM ROMANI ÖRNEĞİNDE

Kanşaubiy Miziev, Türkolog, Yazar, Çevirmen

ÖZET

Bu çalışma, A. S. Puşkin'in eserlerinin Türkçeye çevirisi bağlamında incelenmesine, özellikle de “Yevgeniy Onegin” romanına odaklanmaktadır. Puşkin metinlerinin Türk çevirmenler tarafından nasıl algılandığı ve yorumlandığına özel bir dikkat gösterilmekte; bu çevirilerin Türk edebiyatı ve kültürünün gelişimine olan etkileri ele alınmaktadır. Aynı zamanda A. S. Puşkin'in eserlerinin, özellikle de “Yevgeniy Onegin” romanının Türk çevirmeni Kanşaubiy Miziev aracılığıyla Türk edebiyatına etkisi değerlendirilmiştir. Yazar, Puşkin'in eserinin Türkçeye çevirisinin özelliklerini analiz ederken yalnızca sözcük ve dilbilgisi düzeyine değil, aynı zamanda özgün metnin üslup zarafeti ve duygusal derinliğinin korunmasına da odaklanmaktadır. Miziev'in çevirisi, Türk kültürel özellikleri göz önünde bulundurularak yapılmış olup, iki edebi gelenek arasındaki etkileşimin ilginç bir örneğini sunmakta; aynı zamanda Puşkin'in felsefi ve toplumsal fikirlerini Türk okuyucuya aktarma çabasını da yansıtmaktadır. Çalışmada, “Yevgeniy Onegin”in temel çevirileri analiz edilmekte ve Puşkin'in eserlerinin Rusya ile Türkiye arasındaki kültürel ilişkilerin gelişimindeki rolü vurgulanarak, Puşkin mirasının küresel bağlamdaki önemi öne çıkarılmaktadır.

Anahtar Kelimeler: A. S. Puşkin, “Yevgeniy Onegin” Çevirisi, Puşkin Mirası, Motif

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению творчества А.С. Пушкина в контексте переводов его произведений на турецкий язык, с фокусом на роман «Евгений Онегин». Особое внимание уделяется особенностям восприятия и интерпретации пушкинского текста турецкими переводчиками, а также влиянию этих переводов на развитие турецкой литературы и культуры. Также здесь рассматривается влияние творчества А.С. Пушкина на турецкую литературу через призму перевода его романа «Евгений Онегин» турецким переводчиком Мизиевым Каншаубием. Автор анализирует особенности перевода пушкинского произведения на турецкий язык, уделяя внимание не только лексическим и грамматическим аспектам, но и сохранению стилистической

изысканности и эмоциональной насыщенности оригинала. Перевод Каншаубия, выполненный с учетом турецкой культурной специфики, представляет собой интересный пример взаимодействия двух литературных традиций, а также отражает попытку передать философские и социальные идеи Пушкина в контексте турецкой аудитории. Проанализированы ключевые переводы «Евгения Онегина», а также роль произведений поэта в развитии межкультурных связей между Россией и Турцией, подчеркивая значимость пушкинского наследия в глобальном контексте.

Ключевые Слова: А. С. Пушкин, Перевод «Евгения Онегина», Пушкинское Наследие, Мотив.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the creativity of A.S. Pushkin in the context of translations of his works into Turkish, with a focus on the novel “Eugene Onegin”. Turkish translators, as well as the influence of these translations on the development of Turkish literature and culture pay particular attention to the peculiarities of perception and interpretation of Pushkin’s text. It also examines the influence of the work of A.S. Pushkin on Turkish literature through the prism of the translation of his novel “Eugene Onegin” by the Turkish translator Miziev Kanshaubiy. The author analyzes the features of translating Pushkin's work into Turkish, paying attention not only to lexical and grammatical aspects, but also to preserving the stylistic sophistication and emotional richness of the original. Kanshaubiya's translation, carried out with Turkish cultural sensitivity in mind, is an interesting example of the interaction of two literary traditions, and also reflects an attempt to convey Pushkin's philosophical and social ideas in the context of a Turkish audience. Key translations of “Eugene Onegin” are analyzed, as well as the role of the poet’s works in the development of intercultural relations between Russia and Turkey, emphasizing the significance of Pushkin’s legacy in the global context.

Keywords: A. S. Pushkin, Translation Of “Eugene Onegin”, Pushkin’s Legacy, Motive.

GİRİŞ

Büyük şair Aleksandr Sergeyeviç Puşkin'in eserlerinin Türkçeye çevirileri kapsamında, Puşkin'in metninin Türk çevirmenler tarafından algılanma ve yorumlanma özelliklerine ve bu çevirilerin Türk edebiyatının ve kültürünün gelişimine etkisine özel önem verilmektedir. Puşkin'in "Blizzard" ve diğerleri gibi düzyazı eserlerinden bazıları, ilk kez 19. yüzyılın ikinci yarısında, eserlerinden daha sonra bahsedeceğimiz birkaç çevirmen tarafından Türkçeye çevrildi, çünkü 20. yüzyılın 30'lu yıllarına kadar Puşkin'in eserleri Türk okuyucuya yabancıydı. Bu makale şiirsel bir metnin çevirisinin özelliklerini ortaya koymakta, Puşkin'in eserini şiir dili de karmaşık olan 13. yüzyıl Türk şairi Yunus Emre ile karşılaştırmakta, Rusçadan Türkçeye çevirinin inceliklerini ve Puşkin'in ana dilindeki hecelerin sadeliğini açıklamaktadır.

ANA KISIM

Türkiye'de Puşkin'in eserleri Osmanlı İmparatorluğu döneminde, 19. Yüzyılın ikinci yarısında, tercüman Olga Lebedeva'nın "Gülzar Hanım" (Olca, 2010, s. 126) çeviri ve yazılarıyla tanınmaya başlamıştı ve bu, öncelikle, Puşkin'in küçük öyküleriydi. Daha sonra şair Nigâr Hanım (Nigâr Hanım-<https://tr.wikipedia.org/wiki/Nigâr>) da Almancadan çevirip Puşkin eserlerini Türk diline kazandırmıştı. Uzun süre çeviriler arasında Puşkin'in öyküleri ve denemeleri yer almıştı, şiirinden fazla söz edilmiyordu. 20. Yüzyılın 30'lu yıllarına kadar kitlesel Türk okuyucusu Puşkin'i az tanıyordu. Puşkin ölümünün 100. Yıldönümünde ünlü Sovyet Türkologu, akademisyen Vladimir Gordlevskiy (Gordlevskiy, <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/844188>), Puşkin'in Türkçeye çevrilen bir şiirini bile örnek olarak getirmekte zorlanmıştı. Puşkin'in adı büyük ölçüde sık sık ve farklı yayınevlerinde basılan "Yüzbaşının Kızı", "Belkin Hikâyeleri", "Erzurum Yolculuğu" gibi eserleriyle tanınıyordu, şiirlerini ise 1990'ın sonlarına kadar ancak farklı dergilerde, gazetelerde okuyabiliyorduk. Ancak o yıllarda Ataol Behramoğlu, Haluk Madencioğlu, Azer Yaran'ın çevirilerinde ilk şiir kitapları basılmaya başlamıştı. Ama Rusya'da ve özellikle Rus şiirinde Puşkin'in yeri apayrıdır. Rusya'da diyorum ya, bu Çarlık Rusya'sı olsun, Sovyetler Birliği dönemi olsun, Sovyetler Birliği dağıldıktan sonraki, şimdi yaşadığımız Rusya Federasyonu olsun Puşkin hep Puşkin olarak kalıyordu, ona karşı halkın tutumu her zaman sevgi

doluydu, devlet yönetiminin tutumu da değişmedi. Kendilerine karşı dik duran Puşkin'i ve onu sevmeyen hükümdarlar bile halkın Puşkin'e karşı sevgisinden dolayı ona saygılı olmakta kusur işlemiyorlardı. Rus şiirinde dediğim zaman, Puşkin'in bu alandaki yeri de apayrıdır. O deha bir şairdir, çağdaş Rus dilinin kurucusudur, Altın Çağ Rus şiirinin yıldızıdır veya başka bir tabirle güneşidir. İşte bundan dolayı bu büyük şair için söylenen bir ifade büyük önem taşıyor. Rusya'da diyorlar ki "Puşkin Bizim Her Şeyimizdir". Böyle bir tabir, bana göre, Rusya'da hiçbir insan için söylenmemiştir. Söylediklerimde şunu vurgulamak istiyorum: Düz yazıda Rusya'nın Dostoyevski, Tolstoy, Çehov gibi dünyaca ünlü yazarları vardır. Ama Rus şiirinde Puşkin en büyük şairdir, bir numaradır. Puşkin gibi bir şairi başka dillere çevirmek çok zordur ve hatta bazı edebiyatçılara göre 'imkânsızdır' bile. Puşkin'den şiir çevirileri okurken, bunu göz önünde bulundurmak gerekiyor. Eğer bir Türk okuru için kıyaslamak gerekiyorsa, bu Yunus Emre şiiriyle kıyaslanabilir. Yalın, halk ağzıyla, bir mâni söylemiş gibi yazılan şiirler çeviri için en zordur. Yunus Emre'nin "Aşkın aldı benden beni / Bana seni gerek seni" dizeleri nasıl çevrilir Rusçaya? Bunu Rusçaya kolayca, kelime kelimesine çevirebiliriz, ama o zaman o Yunus Emre şiiri olmaktan çıkar. Bu da Puşkin ve Yunus Emre gibi büyük şairlerin kaderidir. Zaten ben her zaman şunu tekrarlıyorum: Yunus Emre Türkler için neyse, Puşkin de Ruslar ve Rusyalılar için odur.

Puşkin'in baş yapıtı olan "Yevgeniy Onegin" manzum romanına gelince, bu eşsiz eseri yayınlanmasından 172 yıl sonra ilk kez biz, Üstâdım rahmetli Ahmet Necdet'le birlikte Türkçeye çevirdik (Puşkin, 2003, s. 4) ve *Dünya* dergisinin "2003 yılının en iyi çeviri kitabı" ödülünü kazandık. Tabii, çevirmeden önce çok düşündük. Bu manzum roman Puşkin'in özel olarak kurduğu, daha sonra 'onegin kıt'ası' diye adlandırılan, 366 kıtadan oluşuyor. 14 dizeden oluşan her bir kıta'nın da kendi hece sayısı ve kafiye örgüsü vardır. Bunları tutturabilir miyiz diye düşündük? İşe dikkatlice yaklaştık. Önce Puşkin'in aşk şiirlerinden, Tatyana'nın Onegin'e ve Onegin'in Tatyana'ya mektuplarından başladık, bunları dergilerde yayınladık ve arkadaşlarımızın ilk görüşlerini, düşüncelerini aldık. Birçok edebiyatçı arkadaşımız olumlu bulup, devam etmemiz için cesaret verdi. Bu arada çekindiğimiz bir durum daha vardı. "Onegin'i İngilizceye dünyada iyi tanınan ve ana dili hem Rusça hem İngilizce olan yazar Vladimir Nabokov da çevirmişti. Bu çalışma 15 sene sürmüştü ve Nabokov şu sonuca varmış: "Matematiksel açıdan "Yevgeniy Onegin'i kafiyeli olarak

ve aynı zamanda şiirleri kelimesi kelimesine çevirmek mümkün değildir” (Nabokov, 1998, s. 28). Ama aynı zamanda orijinali kafiyeli olan şiiri kafiyesiz çevirdiğin zaman o şiir, şiir olmaktan çıkıyor ve bunun yerini dipnotlarla veya yorumlarla dolduramazsın, diyor Nabokov ve kendisi yine de kafiyesiz kelime kelimesine çevirmeyi tercih ediyor. Bu çeviriyi başarısız sayan edebiyatçılar da az değildi, ama Nabokov’un 15 yıl çalıştıktan sonra ortaya koyduğu yaklaşık 1000 sayfalık “A. S. Puşkin’in “Yevgeniy Onegin” Romanına Yorumlar’ (Nabokov, 1998, s. 20) kitabı çok büyük önem taşıyor ve Nabokov, bu eserinde yaptığı araştırmalarla bu romanın neden tarihsel bir olay olduğunu açıklıyor.

Puşkin romanında o dönemin Rusya’sındaki tarih, ekonomi, felsefe, psikoloji, edebiyatı da anlatıyor. Bu romanı çevirmek için Rusçayı ve Türkçeyi bilmenin dışında 19. asır Rus dilini ve edebiyatını, o dönemdeki ‘klasisizm’, ‘romantizm’ akımlarını, dönemin şairlerini; kitapları Rusçaya çevrilen İran, Fransız, İngiliz vb. dünya yazarlarını, Rus tarihini, balesini, köy ve şehir yaşamını ve ekonomisini, halk edebiyatını, genel Rus ve bölgesel örf ve adetleri, batıl inançları, fal açmayı, kumar oyunları hakkında bilgileri, dönemin nakliye araçlarını ve bu araçlarının nasıl kullanıldıklarını, yani Belinski’nin söylediği ‘Rus hayatının ansiklopedisi’ düzeyinde veya o tarih kesitini az çok bilmek gerekiyor. Örneğin, postaneyi anlatırken, Puşkin, posta iletilerini, mektupları, hafif paketleri kızaklarla taşıyarak nasıl çalıştığını yazar. Ama postane derken, o dönemde bu anlama dört tekerlekli kapalı at arabasıyla yapılan yolcu taşımacılık da giriyordu. Şair hatta hatta o dönemde Petersburglular Ohta semtindeki sütü tercih ettiklerini ‘Sütçü elbet Ohta’lıdır’ (Puşkin, 2024, s. 537) diye betimlemiştir. Bunları şimdi yaşayan Rusların çoğu da bilmez ki, tercüman nereden bilsin? Nabokov bu incelikleri bile açıklıyor bize. Puşkin’in eserlerini araştıran edebiyat eleştirmeni Y. M. Lotman’ın, romanda ismi geçen veya eserlerine atıfta bulunulan, dönemin literatüründen, edebiyat dünyasından getirdiği isimlerin geniş listesi de bu gerçeği kanıtlıyor: “Russo, Stern, Stal, Riçardson, Bayron, Konstan, Şatobrian, Şiller, Höte, Filipp, Matüren, Luve de Kuvre, Avgust, Lafonten, Mur, Bürger, Gesner, Volter, Karamzin, Jukovski, Baratinski, Griboedov, Levşin, V. Puşkin, V. Maykov, Bogdanoviç...” (Lotman, 1995, s. 444). Lotman ayrıca Puşkin’in kendi güney şiirlerini de katıyor bu listeye, ama biz bir de İran edebiyatından Sâdi’yi de unutmamak gerektiğini söyleyebiliriz (Puşkin, 2024, s. 260). İşte yukarıda saydığımız olguları bilmeden bu romanı tam olarak çevirmek mümkün değildir,

kanısındayız. Ama, bütün bu incelikleri Nabokov araştırmış ve ben her fırsatta belirtirim ki Nabokov'un bu 'Yorumlarını...' okumayan tercüman tam anlamıyla "Yevgeniy Onegin'i çeviremez. İşte bu zorlukları göz önünde bulundurarak başladık çevirimize. Benim, Rusya gerçeğini az çok bilmem, Nabokov'u okumam ile Ahmet Necdet hocamın kafiyeli şiir ustalığıyla gene de bu romanı şiir olarak çevirmeye karar verdik ve bunun üzerine, neredeyse, beş yıla yakın bir süre çalıştık. Ortaya ne çıktı buna karar veren okurlardır tabii, ama şu ana kadar üç baskı demeyelim de- bu çevirimizin üç ayrı yayınevinden (Miziev, Necdet, 2003, s. 10). çıkması ve her yayıncının da birkaç baskı yaptığını hesaba katarsak yayınevlerinden Puşkin'in bu eserine ilgi devam etmektedir "Yevgeniy Onegin" romanı çevirimizin yan etkileri de olduğunu söylemek isterim. Bilindiği gibi, Puşkin sadece şiirleriyle etkilemekle kalmıyor, onun hayatı, özellikle düello olayları ve eserleri başkalar için de ilham kaynağı olabiliyor. Örneğin, Puşkin, Nikolay Gogol'e "Ölü Canlar" eseri konusunu 'hediye' ettiği bilinir. Benim yazarlığa başlamama da Puşkin vesile olmuştu. "Düello Tarihi" (Miziev, Necdet, 2010, s. 15) ile "Edebiyat ve Düello" (Miziev, Necdet, 2024, s. 12) kitaplarımın konusu Puşkin'in 'Evgeniy Onegin' romanının 6. Bölümüyle (Miziev, 2016, s. 8) bağlıdır. *Varlık* dergisinin editörü, rahmetli Enver Ercan *Yasakmeyve* isminde bir dergi çıkarmaya başladığında bana, - 'Bak, dostum, "Yevgeniy Onegin'de düello sahnesi öyle teferruatlı, öyle güzel anlatılıyor ki, sen Puşkin ve bu düello üzerine bir yazı yazsana bizim dergiye', diye rica etti. Ben de, Puşkin'in otuza yakın düello olayına karıştığını ve düelloyu 'içten' bildiğini anlatan bir yazı yazdım. Peşinden Enver, bu yazının okurlar tarafından ilgi gördüğünü söyledi ve okuduğuna göre, ünlü Rus şairi Mihail Lermontov'un da düelloda öldüğünü söyleyip bir yazı daha istedi (Miziev, 2024, s. 10). O da yayınlandıktan sonra edebiyatla ilgili bir toplantıda buluştuğumuzda Enver dedi ki: Miziev, ne kaldı ki sana düello üzerine bir kitap yayınlamak için, yarısını yazmışsın zaten, bizde bu konuyu işleyen kitaplar yoktur. Puşkin'le başlayan "Düello Tarihi" kitabı böyle ortaya çıktı.

SONUÇ

Puşkin'in 225. Doğum yıldönümünde de görüyoruz ki Puşkin Türkiye'de çok çevrilen ve okunan Rus yazarlar arasına giriyor. 16 Aralık'ta, İstanbul'daki Puşkin Gecesi'nde tanıtıma sunduğumuz, 'Ayrıntı Yayınları'nda basılan "Yaşlı Balıkçı ve Altın Balık" (Miziev, 2024, s. 9) masalı çevirimiz de bunun son örneğidir, ama son

olmayacağına da kesinlikle eminiz. Puşkin'in 225. Doğum Yılında bu konferansı Eskişehir'de düzenleyen Anadolu Üniversitesi'ne, bu güzel sergiyi açan Ankara Rus Evi'ne ve bizi dinleyen tüm Puşkinseverler'e teşekkür ederim.

KAYNAKÇA

- Gordlevskiy, V. <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/844188>
- Lotman, Y. M. (1995). *Puşkin*. Sankt-Peterburg, İskusstvo.
- Miziev, K. (2003). Puşkin ve Düello. *Yasakmeyve* 1(4), 20. İstanbul.
- Miziev, K. (2008). *Edebiyat ve Düello*. İstanbul, Ayrıntı Yayınları.
- Miziev, K., (2008). *Düello Tarihi*, İstanbul, YGS Yayınları.
- Miziev, K., Necdet, A. (2004). *Rus Şiirinin Gümüş Çağı (Antoloji)* İstanbul, Papirüs Yayınevi.
- Nabokov, V. (1998). *Kommentarii K Romanu A. S. Puşkina 'Evgeniy Onegin*, Sankt-Peterburg, Nabokovskiy fond.
- Nigâr Hanım. https://tr.wikipedia.org/wiki/Nigâr_Hanım
- Olçay, T. (2010). Gülınar Hanım (Olga Lebedeva), Olga Sergeevna Lebedeva ve Rus-Türk edebiyat ilişkilerine katkısı, *Filolojinin Sorunları: Dil ve Edebiyat*. 1, 121-126.
- Puşkin, A. S. (2003). *Yevgeniy Onegin*, İstanbul, Everest Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2010). *Yevgeniy Onegin*, Çeviri: Miziev, K., Necdet, A., İstanbul, Artshop Yayıncılık.
- Puşkin, A. S. (2016, 2017, 2023, 2024). *Yevgeniy Onegin*, Çeviri: Miziev, K., Necdet, A., İstanbul, Everest Yayınevi.
- Puşkin, A. S. (2024) *Yevgeniy Onegin*, İstanbul, Ayrıntı Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2024). *Yaşlı Balıkçı ve Altın Balık*, İstanbul, Ayrıntı Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2024). *Yevgeniy Onegin*. İstanbul, Ayrıntı Yayınları.
- Yasakmeyve Dergisi*. (2004). 7, Mart-Nisan, İstanbul.

PUSHKIN IN KAZAKHSTAN: TRANSLATIONS, RESEARCH, FICTION

Svetlana Ananyeva, Auezov Institute of Literature and Art, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, svananyeva@gmail.com

ABSTRACT

Kazakh Pushkiniana has long secured its place in world literary history due to its high level of scholarship and the prominent figures who have contributed artistic works and research on the great Russian poet. In recent years, Kazakh Pushkiniana has expanded with scientific monographs, textbooks, and research articles on artistic translation and the works of A.S. Pushkin. Additionally, contemporary writers have produced books, essays, and articles focusing on Pushkin and his era, along with a growing body of poetic works dedicated to him. Pushkin's works have been translated into Kazakh. The great humanist and educator Abai was the first to turn his attention to Pushkin's poetry. Shakarim translated Pushkin's prose works into poetic language. Among those who have translated Pushkin into Kazakh are I. Zhansugurov, M. Dulatov, Zh. Aimaurov, A. Baitursynov, A. Naimanbayev, K. Shangitbayev, T. Zharokov, A. Tazhibayev, K. Togyzakov, M. Dauletbayev, K. Taishanov, K. Sagyndykov, and K. Salykova, among many other Kazakh poets and writers. Pushkin's works have been revisited by N.A. Raevsky in his books *When Portraits Speak* and *Portraits Have Spoken*. Raevsky's studies blend scholarly rigor with artistic expression, bridging the gap between academic, somewhat elitist Pushkin studies and a more democratic approach to understanding the poet and his time. His works are filled with intrigue, scientific inquiry, bold assumptions, and hypotheses. *Portraits Have Spoken* has been reprinted several times, indicating that many of Raevsky's insights about Pushkin's life and duel have been confirmed by contemporary researchers. The accessible narrative style of K. Keshin's *Pushkin's Notebook*, free from academic jargon, makes it appealing to a broad readership. In *Mozart and Salieri*, Keshin is both fascinated and intimidated by Pushkin's striking conciseness and the overwhelming tragedy that flows like an unstoppable ocean through this dramatic piece. Keshin convincingly argues that throughout *The Little Tragedies*, one can glimpse the life and death of Pushkin himself.

Keywords: Genre, Artistic Translation, Creativity, Text, Kazakh Pushkiniana.

ÖZET

Kazakistan'da Puşkin'le ilgili çalışmalar, yüksek seviyesi ve büyük Rus şairi hakkında sanat eserleri ve araştırmalar üreten parlak isimleri sayesinde dünya tarihindeki yerini uzun süredir sağlam bir şekilde korumaktadır. Son yıllarda bu çalışmalar, edebi çeviri sorunları ve A. S. Puşkin'in eserleri üzerine yazılmış bilimsel monografiler, ders kitapları ve araştırma makaleleriyle zenginleşmiştir. Ayrıca, Puşkin ve dönemi üzerine odaklanan çağdaş yazarların kitapları, denemeleri, makaleleri ve şiirsel çalışmalar da bu alana katkı sağlamaktadır. Kazakistan'da A. S. Puşkin'in eserleri Kazakçaya çevrilmiş ve çevrilmeye devam etmektedir. Büyük hümanist ve aydın Abay, Puşkin'in eserlerine ilk yönelen kişi olmuştur. Şakarim, onun düzyazı eserlerini şiirsel bir dille çevirmiştir. Puşkin'in eserlerinin Kazakçaya çevirileri arasında I. Jansugurov, M. Dulatov, J. Aymautov, A. Baytursinov, A. Naymanbayev, K. Şangitbayev, T. Jarokov, A. Tajibayev, K. Togızakov, M. Dauletbayev, K. Tayşanov, K. Sagındıkov, K. Salykov ve diğer Kazak şair ve yazarlarının katkıları bulunmaktadır. A. S. Puşkin'in eserlerini N. A. Rayevski, «*Konuşan Portreler*» ve «*Portreler Konuştu*» adlı kitaplarında yeniden ele almaktadır. N. A. Rayevski'nin araştırmaları hem bilimsel hem de sanatsaldır. Bu, akademik ve biraz elitist Puşkin çalışmalarından, Puşkin ve döneminin daha demokratik bir şekilde kavranmasına yönelik bir atılımı temsil etmektedir. Bu eserlerde bilimsel araştırmalar ve cesur hipotezler, ayrıca bir anlatı tarzı ve entelektüel keşif bulunmaktadır. «*Portreler Konuştu*» kitabının birden fazla baskı yapmış olması, N. A. Rayevski'nin A. S. Puşkin'in hayatı ve düello tarihi hakkındaki birçok tahmininin ve önerisinin modern bilim insanlarının araştırmalarıyla doğrulandığını göstermektedir. Akademik bir ağırlık taşımayan ve karmaşık edebiyat terimlerinden uzak anlatım tarzı, K. Keşin'in «*Puşkin Defteri*» adlı kitabını geniş bir okur kitlesi için erişilebilir kılmaktadır. «*Mozart ve Salieri*» adlı eserinde yazar, Puşkin'in lirik ifadelerindeki derinliği ve bu dramatik eserin tıpkı güçlü ve durdurulamaz bir okyanus gibi büyüyen trajedisini hem hayranlıkla hem de korkuyla ele almaktadır. K. Keşin, Puşkin'in metnindeki gizemin nasıl ölçülemez derecede arttığını takip etmektedir. Yazar, «*Küçük Trajediler*» aracılığıyla Puşkin'in kendi hayatı ve ölümünün yansıdığı tezini güçlü bir şekilde kanıtlamaktadır.

Anahtar Kelimeler: Tür, Edebi Çeviri, Yaratıcılık, Metin, Kazakistan'da Puşkin'le ilgili çalışmalar

АННОТАЦИЯ

Казахстанская Пушкиниана давно и прочно заняла свое место в истории мировой, что обусловлено ее высоким уровнем и яркими именами создателей художественных произведений и исследований о великом русском поэте. За последние годы казахстанская Пушкиниана обогатилась научными монографиями, учебными пособиями и статьями научно-исследовательского характера по проблемам художественного перевода и творчеству А.С. Пушкина; книгами, очерками, эссе и статьями современных писателей, в центре внимания которых Пушкин и его эпоха; поэтическая Пушкиниана. В Казахстане произведения А.С. Пушкина переводились и переводятся на казахский язык. Великий гуманист и просветитель Абай первым обратил свой взор к творчеству Пушкина. Шакарим переводил его прозаические произведения поэтическим языком. Известны переводы произведений Пушкина на казахский язык И. Жансугурова, М. Дулатова, Ж. Аймауытова, А. Байтурсынова, А. Найманбаева, К. Шангитбаева, Т. Жарокова, А. Тажибаева, К. Тогызакова, М. Даулетбаева, К. Тайшанова, К. Сагындыкова, К. Салыкова и других казахских поэтов и прозаиков. Произведения А.С. Пушкина перечитывает Н.А. Раевский в книгах «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили». Исследования Н.А. Раевского научны и художественны. Это прорыв от академического, немного элитарного пушкиноведения к демократическому постижению Пушкина и его времени. В них – интрига и научный поиск, смелые предположения и гипотезы. «Портреты заговорили» выдержали несколько изданий, что свидетельствует о том, что многие догадки и предположения о жизни А.С. Пушкина, истории его дуэли, предложенные Н.А. Раевским, находят подтверждение в исследованиях современных ученых. Живой стиль повествования, лишенный налета академичности и сложных литературоведческих терминов, делает книгу К. Кешина «Пушкинская тетрадь» доступной для широкой читательской аудитории. В «Моцарте и Сальери» автора восхищает и пугает высокая пронзительность пушкинского лаконизма и прибывающий, как мощный, неудержимый океан, трагизм этого драматического сочинения. К. Кешин прослеживает, как неизмеримо возрастает уровень загадочности пушкинского текста. К. Кешин доказывает убедительно, что сквозь «Маленькие трагедии» просвечивает жизнь и смерть самого Пушкина.

Ключевые Слова: Жанр, Художественный Перевод, Творчество, Текст, Казахстанская Пушкиниана

INTRODUCTION

It is well known that A. S. Pushkin visited Kazakhstan. The poet recorded the folklore masterpiece *Kozy Korpesh – Bayan Sulu*, which was later translated into Russian by Tveritin.

Kazakh scholars hold a special place among Pushkinists worldwide. In the last quarter of the 20th century, Russian literature in Kazakhstan saw the emergence of significant scholarly works and fictional prose dedicated to Pushkin. Kazakh Pushkiniana includes the works of N. Raevsky, N. Grinkevich, E. Guslyarov, and K. Gaivoronsky, as well as research by D. Snegin, V. Vladimirov, K. Keshin, and others.

Nikolai Raevsky spent the final and most productive years of his eventful life in Almaty, where he published *When Portraits Speak* and *Portraits Have Spoken*. His deep interest in Pushkin began in 1928 when he came across a two-volume collection of the poet's letters. Raevsky, a doctor of natural sciences from Charles University in Prague, became utterly captivated by Pushkin.

The books by the Kazakh Pushkinist N. Raevsky remain relevant in scholarly discourse. For example, the first issue of the literary and artistic almanac *Voices of Siberia* (2005) featured the essay *The Tree with Mighty Roots* by S. Papkov, V. Sergienko, A. Temnikova, and M. Falikova. The authors reference Raevsky's books and support his theory that the scene of Hermann's visit in *The Queen of Spades* was inspired by Pushkin's own nocturnal visit to the «charming ambassador's wife» Dolly Fikelmon (Darya Tizengauzen, wife of the Austrian ambassador to Russia, Charles Louis Fikelmon), whom «Pushkin both loved and was loved by» (Papkov et al., 2005, p. 503).

INTERPRETING PUSHKIN

In the literary and artistic journal *Prostor*, the memoirs of N. Raevsky – *Return* – were published, specifically the final part, which he began working on May 8, 1984. These memoirs recount the life of the writer and Doctor of Natural Sciences from Charles University in Soviet labor camps after his arrest in Prague.

At a camp near a glass factory settlement close to Krasnodon (most likely in 1946 – S.A.), N. Raevsky gave his first literary talk about Pushkin. The program of

the camp's Pushkin evening included a theatrical performance (the scene at the tavern near the Lithuanian border from *Boris Godunov*), Pushkin's poem *Comrade, Believe*, and a cantata for choir, orchestra, and soloists with lyrics written by N. Raevsky. It was the inmates (both intellectuals and common criminals) who first heard about the remarkable discovery of Pushkin's letter to Countess Dolly Fikelmon, a letter that N. Raevsky translated into Russian.

N. Raevsky himself had only once read this letter in its original form and in translation, at the Prague apartment of Prince Pyotr Dolgorukov, in the presence of five guests invited by the prince. In the camp, the letter was analyzed in detail. «I spoke quite a lot about Countess Fikelmon herself, about her husband, the Austrian ambassador to St. Petersburg, Charles-Louis, or in German, Karl Ludwig, Count Fikelmon. But this lengthy part of my lecture annoyed the criminal convicts. They started interrupting me with shouts: 'Enough, enough, stop! Let's get to the performance! Otherwise, there won't be time» (Raevsky, 2007, p. 26).

However, this unsuccessful evening, at least from the speaker's and organizer's perspective, had unexpected consequences for N. Raevsky. The criminal inmates started approaching him with requests to write petitions for clemency. Meanwhile, Raevsky, who was approaching his sixties, decided to ask the camp administration for permission to send a detailed report to the Pushkin House at the Academy of Sciences about his literary research in Czechoslovakia – specifically about the copy of Pushkin's previously unknown letter to Countess Fikelmon and an excerpt from her diary, which contained extensive details about the poet's duel and death. These materials were sent in a suitcase from Prague to Kladno, where N. Raevsky was held in prison for some time, but he had no knowledge of their subsequent fate.

The camp's director permitted the letter to be sent. Later, Nikolai Izmaylov, head of the manuscript department at the Pushkin House, told N. Raevsky that his letter –«essentially, a whole small report» – sparked extraordinary interest. It was the first announcement of new, previously unknown materials about Pushkin. The Pushkin House administration reported this to the Presidium of the Academy of Sciences, which then informed the Ministry of State Security. As a result, certain measures were taken, and the suitcase with the documents was delivered intact to the

Pushkin House. Based on these newly received and studied materials, a special archive in N. Raevsky's name was created and continually expanded. Most importantly, the Pushkin matter, having reached the highest authorities, had a positive impact on Raevsky's fate – an order was issued for his release, alive and well.

The fact that Pushkin studies remain a central topic of interest for researchers worldwide is confirmed by Kseniya Tillo's review, *The Search for Perfection*, in the historical-psychological mosaic of Livia Kotorcha. This review discusses a collection of essays by the Romanian Slavist, published in Iaşi in 2006. Livia Kotorcha writes about outstanding figures of Russian culture from the 19th and 20th centuries.

The Romanian researcher, attempting to decipher the peculiar relationship between the philosopher Chaadayev and the poet Pushkin, draws a parallel with Mozart and Salieri. «Could it be», she asks, that Pushkin's *Little Tragedy Mozart and Salieri* was written based on the 'living material' of his relationship with Chaadayev? This seems likely, especially since the other *Little Tragedies* were also largely based on biographical events: for instance, Pushkin's conflict with his father is reflected in *The Miserly Knight*, *A Feast in Time of Plague* can be easily understood in the context of the 1830 cholera outbreak in Russia, and *The Stone Guest*—well, it's no secret that Pushkin, like Don Juan, had an extensive list of love interests; perhaps not 130 names, but certainly more than just Natalia Goncharova...» (Tillo, 2007, p. 761).

«Our hypothesis is as follows», Kotorcha concludes. «And let us add that on his deathbed, Pushkin handed Chaadayev an inkwell» – an event Chaadayev never mentioned. However, after the poet's death, «it is notable», the author observes, «that Chaadayev began writing *Apology of a Madman*, which he never completed». One reason for this, according to the author, is that as he worked on it, Chaadayev realized he was essentially adopting the counterarguments Pushkin had made in his letters to him from 1831 and 1836, as well as in letters to Zhukovsky – letters Chaadayev was aware of and had repeatedly requested from Zhukovsky, though Zhukovsky never granted his request. «Perhaps Zhukovsky wanted future readers to grasp the significance of Pushkin's role in the intellectual life of his time – a time that, like Chaadayev himself, was either amazed by or completely unaware of the truth that the poet was also a thinker» (Tillo, 2007, p. 761).

Pushkin deeply understood his era and Chaadayev himself. It is no coincidence that many believed – and Pushkin did not deny – that Chaadayev served as a prototype for *Eugene Onegin*.

Kamenniy Gost (The Stone Guest) is the most autobiographical of the *Little Tragedies*. The mystical final encounter between Don Juan and the statue of the Commander casts a magical reflection on *The Miserly Knight* and *Mozart and Salieri* and imbues *A Feast in Time of Plague* with additional insightful impulses. According to K. Keshin, the exiled wanderer possesses qualities such as courage, bravery, fearlessness, deep respect for his beloved, a unique talent for passion, and an extraordinary gift for words. Moreover, «the dialogues with Donna Anna are a series of high-risk duels with unpredictable endings, and Don Juan inevitably emerges victorious» (Keshin, 2006, p. 10).

Pushkin was intrigued by the idea of a postponed duel. The author of the essay provides examples from *The Shot* and *A Feast in Time of Plague* before returning to the Spanish capital. Donna Anna interprets Don Juan's solemn request for forgiveness at the monastery cemetery as proof of their spiritual connection. Don Juan could certainly be a close and heartfelt friend. But the "humble hermit" transforms into a fiery admirer. K. Keshin considers *The Stone Guest* to be a precursor to I. Bunin's *Little Tragedies*. The genius of Don Juan in the "melody of love" is undeniable, just as Mozart's genius in music is.

The essay *Black Sun of the Plague* begins with a quote from V. Bursov: «What is the cherished idea that Pushkin embedded in *A Feast in Time of Plague*, one of his finest works? It is not so simple, perhaps even impossible, to formulate precisely». K. Keshin attempts to unravel this mystery, starting with an exploration of how the theme of mass pestilence has long been present in literature.

Another strong personality, unwilling to accept the imperfection of existence—Walsingham... The Baron, Don Juan, Salieri... All of them challenge reality and suffer defeat. The Baron dies. Don Juan perishes in a posthumous duel with the Commander. Salieri is struck by spiritual death. Walsingham, a rebel, is yet another powerful character standing on the edge of two abysses: sin and sorrow. The abyss of despair, experienced by the Chairman, did not strip him of his nobility, passion, or willpower.

«And even when the 'black sun of the Plague' rose over the world, the memory of the "holy sun", the "immortal sun of reason" does not vanish from our consciousness», asserts K. Keshin. «Because the constant readiness for death, yet also the overcoming of danger, is the path to the freedom of the soul, to immortality» (Keshin, 2006, p. 79).

An attempt at a new understanding of Pushkin is reflected in Konstantin Kedrov's article *Such a Wonderful Game*, a quote from which will conclude our study of contemporary Pushkiniana: «Whoever Pushkin played – revolutionary, Freemason, republican, monarchist, Don Juan, jealous husband, statesman, historian, courtier, atheist, or deeply religious man – it was always him in every role. Having played out dozens of duels, he suddenly found himself in a real one, of which Heine's words could be said: "Oh God! I, mortally wounded, was playing, portraying the death of a gladiator!"» (Kedrov, 2007, p. 10).

Kazakhstani researchers N.A. Raevsky and E. Guslyarov also dedicate significant attention to the tragic duel between Pushkin and D'Anthès in their books.

CONCLUSION

A well-written book continually reveals new insights to its readers. This sentiment accompanies those exploring Kazakhstani Pushkin studies – diverse in genre and character, yet undoubtedly enriching global scholarship on Pushkin. Pushkin's journey through the Kazakh steppes continues...

The multifaceted and multi-genre Kazakhstani Pushkiniana in the context of Russian and world literature offers new discoveries, gives the reader the opportunity to get closer to Pushkin's era, and try to unravel the riddle of the genius and the mystery of the duel.

REFERENCES

- Kedrov, K. (2007). *Such a Wonderful Game*. *Izvestia*.
- Keshin, K. (2006) *The Black Sun of the Plague*. *Pushkin Notebook*. pp. 68-79, Almaty, Iskander.
- Keshin, K. (2006). *The Stone Guest*, *Pushkin Notebook*. pp. 37-67, Almaty, Iskander.

- Papkov, S., Sergienko, V., Temnikova, A., Falikova, M. (2005). The Tree with Mighty Roots (In Memory of Dmitry Orestovich Tizengauzen). *Voices of Siberia*, pp. 487-505, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat.
- Raevsky, N. (2007). Return. *Prostor*, No.6. pp. 14-60.
- Tillo, K. (2007). «The Search for Perfection» in the Historical-Psychological Mosaic of Livia Kotorcha. *Voices of Siberia*. pp. 757-772, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat.

ПУШКИНИАНА ИНДИИ

Анджу Рани, Кафедра славянских и финно-угорских исследований, Делийский университет, Индия, arani@sfus.du.ac.in

АННОТАЦИЯ

Слово «Пушкиниана» само по себе обозначает собрание, совокупность произведений литературы и искусства, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, исследований о нём, а также все издания его произведений; и когда говорят о далеко идущем влиянии Александра Пушкина в Индии, мы видим, что его имя звучит везде. В этой статье мы собираемся обсудить, как индийцы читают Пушкина, независимо от того, на каком языке они говорят. Для многих читателей, знакомящихся с Пушкиным, это не просто чтение литературы, а способ связать свои социальные и культурные реалии с универсальными темами.

Ключевые Слова: Пушкиниана, Индия, Произведения Пушкина, Памятник.

ÖZET

‘Pushkiniana’ terimi, A.S. Puşkin’in yaşamı ve mirasından esinlenen geniş bir edebi ve sanatsal eser koleksiyonunu kapsar. Puşkin'in akademik çalışmaları ve eserlerinin çeşitli baskıları da yer almaktadır. Aleksandr Puşkin'in Hint kültürü üzerindeki derin etkisi her yerde açıkça görülmektedir ve bu makale, Hintlilerin dil sınırlarını aşarak onun eserleriyle nasıl etkileşim kurduklarını incelemektedir. Pek çok okuyucu için Puşkin'i keşfetmek yalnızca edebi bir deneyim değil, aynı zamanda toplumsal ve kültürel bağlamları evrensel temalarla ilişkilendirmenin, onun zamansız eserlerine dair daha derin bir anlayış ve takdir geliştirmenin bir yoludur.

Anahtar Kelimeler: Pushkiniana, Hindistan, Puşkin'in eserleri, Anıt.

ABSTRACT

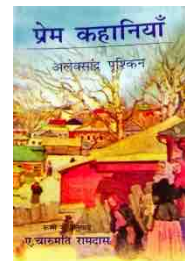
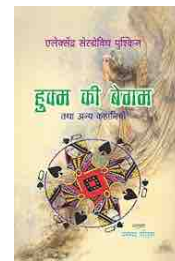
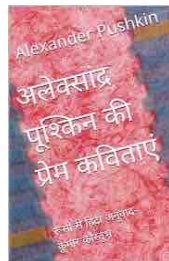
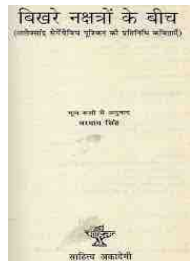
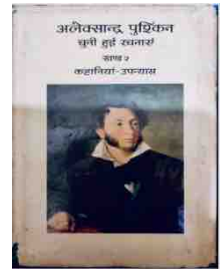
The term “Pushkiniana” encompasses a vast collection of literary and artistic works inspired by the life and legacy of A.S. Pushkin, including scholarly studies and various editions of his works. Alexander Pushkin's profound influence on Indian culture is evident everywhere, and this article explores how Indians engage with his works, transcending linguistic boundaries. For many readers, discovering Pushkin is

not merely a literary experience, but a means to connect their social and cultural contexts with universal themes, fostering a deeper understanding and appreciation of his timeless works.

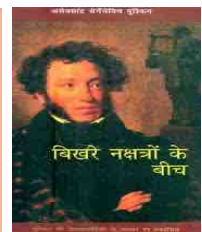
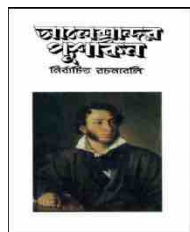
Keywords: Pushkiniana, India, Pushkin's Works, Monument.

На протяжении многих лет произведения Пушкина переводились и переводятся на различные индийские языки, такие как хинди, бенгали, тамильский и другие. Это позволяет людям, не владеющим русским языком, знакомиться с его творчеством.

На хинди есть множество переводов его стихов и прозы. Эти переводы помогают индийским читателям понять и интерпретировать его идеи, даже если они не владеют русским языком. Существует перевод на хинди таких произведений как «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Сказка о рыбаке и рыбке» и т. д, мы можем видеть на фотографиях эти работы.

Существуют и переводы произведений Пушкина на другие индийские языки, такие как телугу, тамильский, маратхи и бенгали.

Индийские писатели, поэты, преподаватели и студенты обсуждали и обсуждают влияние, которое оказывает Пушкин на их жизни, творчество и исследования. Его темы любви, свободы и борьбы с предрассудками перекликаются с идеями, актуальными в индийском контексте.

Пушкин всегда затрагивал важнейшие темы, связанные с жизнью души человека и общества, что находит отклик у индийских читателей, многие из которых исследуют аспекты своей истории и культуры через литературу.

Каждый год 6 июня в Индии мы отмечаем юбилей отца русского языка и литературы А. С. Пушкина. Мы организуем конференции, семинары, вебинары, поэтические конкурсы и т. д.

В 2020 году Центр русских исследований Университета имени Джавахарлала Неру провел несколько крупных онлайн-проектов, посвященных творчеству А.С. Пушкина. Среди них можно выделить следующие мероприятия:

- Международный конкурс чтения русской поэзии и стихотворений А.С. Пушкина — 25 апреля.
- Онлайн-конкурс чтения стихов А.С. Пушкина — 6 июня.
- Интерактивный вебинар «Медиаторы романтизма Пушкина» — 11 июня.

Вебинар, проведенный посольством России в сотрудничестве с национальным открытым университетом имени И. Ганди в Нью-Дели 6 июня 2022, является примером того, как культурные мероприятия укрепляют связи между народами и способствуют изучению языка и литературы. Мероприятие объединило более 50 преподавателей-русистов и студентов. Это позволило не только вспомнить о Пушкине, но и глубже оценить и понять его вклад в мировую литературу.

На этих вебинарах участники обсудили произведения Пушкина, его стиль, темы и влияние на последующие поколения писателей, что создает платформу для обмена мнениями и культурного диалога.

Фестиваль, посвященный 225-летию со дня рождения Александра Пушкина в Тривандруме, является вдохновляющим примером того,

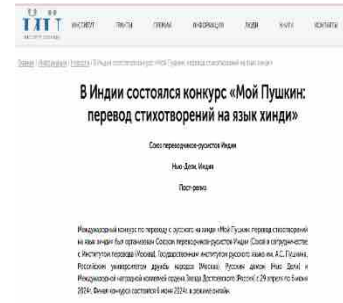

как мировое литературное наследие становится доступным и актуальным в

других культурах. Чтение стихов на 23 языках подчеркивает разнообразие и универсальность его творчества, что делает его значимым для уникальных культурных контекстов.

Международный конкурс по переводу с русского на хинди «Мой Пушкин: перевод стихотворений на язык хинди» был

организован в режиме онлайн Союзом переводчиков-русистов Индии (союз) в сотрудничестве с Институтом перевода (Москва), Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, Российским университетом дружбы народов (Москва), Русским домом (Нью Дели) и (Россия) с 29 апреля по 6 июня 2024г. Финал конкурса состоялся 6 июня 2024 г.

29 июля 2024 года Россия и Индия провели международный просветительский телемост, посвященный 225-летию со дня рождения Александра Пушкина, что является ещё одной яркой инициативой. Студенты из десяти индийских штатов, которые изучают

русский язык, смогли улучшить свои навыки через прямое взаимодействие с экспертами в области филологии и лингвокультурологии. Организация телемоста была осуществлена международным информационно-просветительским проектом «Современный русский» медиасети TV BRICS, совместно с Индийской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы при поддержке Русского дома в Нью-Дели.

Накануне Дня русского языка и дня рождения Александра Пушкина — основоположника современного русского

языка — российские соотечественники совместно с индийскими учеными и студентами ежегодно возлагают цветы к памятнику Пушкину в Нью-Дели, расположенному на Фирозшан-роуд.

Возложение цветов к памятнику Пушкину в День русского языка и в его день рождения — прекрасная традиция, которая не только демонстрирует уважение к русскому языку и культуре, но и способствует укреплению дружбы между народами.

В самом сердце Дели на площади Манди-Хаус возвышается бронзовая статуя Александра Пушкина, символизирующая непреходящую силу его слова. Для всех любителей литературы этот памятник служит ярким напоминанием о вечном наследии Пушкина. Если вы поклонник его творчества, подумайте о том, чтобы зайти в гости и предложить букет цветов в знак уважения.

Памятник Александру Пушкину в Нью-Дели, был открыт в ноябре 1988 года во время визита президента СССР Михаила Горбачева. Это событие стало символом дружбы между Советским Союзом и Индией. На иллюстрации вы можете видеть: Приказ Министерства культуры СССР от 10 июня 1988 года № 254. о памятнике А. С. Пушкину в Дели. (Москва, 10 июня 1988 года.)

Эту работу, представляющую великого русского поэта, создал скульптор Михаил Аникушин. Памятник расположен в одном из зеленых уголков столицы Индии и со временем стал местом культурных мероприятий и встречи тех, кто любит русскую культуру.

Медаль Пушкина (государственная награда Российской Федерации)

Медаль Пушкина— высшая награда, присуждаемая индийскому ученому российским правительством за продвижение русского языка и культуры.

Она была учреждена в 1999 году и названа в честь известного русского писателя и поэта Александра Сергеевича Пушкина. Медалью Пушкина могут быть награждены граждане иностранных государств за большой вклад в развитие и укрепление культурных связей с Российской Федерацией, за плодотворную деятельность по поддержке русской культуры и

искусства, за активную работу по популяризации и распространению русского языка и литературы за рубежом. Наши уважаемые преподаватели, внесшие значительный вклад в популяризацию русского языка, были удостоены этой престижной медали.

В 2007 году Президент Владимир Путин наградил шесть индийцев престижной Пушкинской медалью за их вклад в продвижение и популяризацию русского языка и культуры в Индии. Мадхаби

Бхаттачарья (Руководитель курсов русского языка в Российском центре науки и культуры, Калькутта), Сунити Дешпанде (Руководитель курсов русского языка в Российском центре науки и культуры, Ратиш Наир (Руководитель курсов русского языка в Российском центре науки и культуры Тируванантапураме), и Риту Свами (2007, Руководитель курсов русского языка в Российском центре науки и культуры, Нью-Дели), соответственно, были удостоены этой чести. Профессор Рамадхикари Кумар (2007 г.) из Университета им. Джавахарлала Неру и старший преподаватель Делийского университета Славянский и финно-угорский языки профессор Ранджана Саксена⁵, и другие доктор Гириш Мунджал (2008), проф. Нилакши Сурьянараяна (2019 г.) были удостоены этой престижной медали.

Медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» была учреждена в 1977 году – в честь 10-летия МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы). Впервые награждение медалью А.С. Пушкина состоялось на IV конгрессе МАПРЯЛ в Берлине (в августе 1979 г.).

Медалью А. С. Пушкина награждаются российские и зарубежные общественные и государственные деятели, учёные, специалисты и преподаватели, внесшие значительный вклад в распространение русского

⁵ “Indians honoured for promoting Russian language” <https://m.economictimes.com/6-indians-honoured-for-promoting-russian-language/articleshow/2216669.cms>

языка, русской литературы и культуры в зарубежных странах. Медаль вручает президент МАПРЯЛ или уполномоченное им лицо. Проф. К.Н. Чакраварти, профессор Р. Кумар, профессор Р.С. Багга, профессор Р.Н. Менон, профессор К.П. Шанкаран Унни, профессор Х.К. Панде, профессор Арун Моханти, профессор Мита Нараин и другие награждены Медалью А. С. Пушкина.

В университетах Индии есть курсы по русской литературе, где студенты изучают Пушкина в оригинале. В Индии каждый студент, который изучает русский язык, читает в оригинале следующие произведения Пушкина:

1. «Цыгане»	6. «Я***»,
2. «К Чаадаеву»	7. «Я памятник себе воздвиг...»
3. «Евгений Онегин»	8. «Няне»
4. «Я вас любил»	9. «Осень»
5. «Повести Белкина»	10. «Пора, мой друг, пора» и т.д.

Некоторые произведения Пушкина были адаптированы для театра и кино в Индии. Такие адаптации помогают донести идеи его произведений до широкой аудитории. К тому же проводятся различные культурные мероприятия и литературные вечера, посвященные его творчеству.

В заключение хотелось бы сказать, что с помощью этой статьи я стремилась рассказать о глубоком влиянии А.С. Пушкина на индийскую культуру и литературу. Хотя информации мало, я постаралась подчеркнуть, как глубоко мы, индийцы, любим Пушкина. Его наследие находит в Индии глубокий отклик, а его имя почитают везде, что отражает непреходящую ценность его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

CRS RCSC Poetry Recitation Competition (A.S. Pushkin).
<https://www.youtube.com/watch?v=SbaR9L4eCiw>.

DU Professor gets the Pushkin Medal from Vladimir Putin,
https://www.du.ac.in/uploads/new-web/faculty-awards/DU-Professor_Pushkin-Medal.pdf.

Indians honoured for promoting Russian language.
<https://m.economictimes.com/6-indians-honoured-for-promoting-russian-language/articleshow/2216669.cms>.

Students, teachers from India participate in teleconference hosted to mark birth anniversary of Russian poet Aleksander Pushkin, <https://www.aninews.in/news/world/asia/students-teachers-from-india-participate-in-teleconference-hosted-to-mark-birth-anniversary-of-russian-poet-aleksander-pushkin20240801120403/>.

Афанасьева, Э. М., Саини, С. (2023). Диалог с пушкиным в период пандемии: литературные проекты Института пушкина и университета им. Джавахарлала Неру., Литература и культура, *Русский язык за рубежом*, № 6, https://gefest.rads-doi.org/public/dir_files/articleFile/51264.pdf

В Индии открылась выставка о жизни и творчестве Пушкина, <https://portal-kultura.ru/articles/news/361643-v-indii-otkrylas-vystavka-o-zhizni-i-tvorchestve-pushkina/>.

В Индии состоялся конкурс «Мой Пушкин: перевод стихотворений на язык хинди, <https://institutperevoda.ru/info/news/v-indii-sostoyalsya-konkurs-moy-pushkin-perevod-stikhotvoreniy-na-yazyk-khindi/>.

В честь юбилея Пушкина Россия и Индия проведут международный телемост по изучению русского языка, <https://interaffairs.ru/news/show/47002>.

Конкурс- «Мой Пушкин: перевод стихотворений на язык хинди» 2024, https://www.youtube.com/watch?v=_bWx9oqRDQ&t=1533s.

Конкурс «Мой Пушкин: перевод стихотворений на язык хинди» состоялся в Индии, <https://mail.ruskiymir.ru/news/325909/>.

На юге Индии открылась выставка о жизни и творчестве Пушкина, <https://tass.ru/kultura/20993549>

На юге Индии открыли фестиваль русской литературы, <https://tass.ru/obschestvo/20783529>.

О памятнике А. С. Пушкину в Дели, <https://www.prilib.ru/item/690882>.

Памятники- "иностранцы" в индийской столице, <https://ria.ru/20110401/360022210.html>

Сону Саини: Среди русистов в Индии очень популярна фраза «Пушкин – наше все, <https://tvbrics.com/news/sonu-saini-sredi-rusistov-v-indii-ochen-populyarna-fraza-pushkin-nashe-vse/>.

Участники международного телемоста из России и Индии погрузились в творчество Александра Пушкина, <https://tvbrics.com/news/uchastniki-mezhdunarodnogo-telemosta-iz-rossii-i-indii-pogruzilis-v-tvorchestvo-aleksandra-pushkina/>.

КОРАН И ПУШКИН

Абдрахманов Сауытбек, почетный академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор филологических наук, abdrakhmanovsautbek@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу известного стихотворения выдающегося русского поэта Александра Пушкина “Пророк”, в частности, источников вдохновения его автора в священных писаниях, а также преобладающем характере аллегорий, к поэтическому дару или религиозной миссии. Многие читатели видят в нём явную отсылку к тому, что человек, наделенный свыше даром убеждения других, в частности, через поэзию, призван своими словами побуждать других на мысли и действия. По их мнению, главный мотив этого стихотворения – определение предназначения и цели творчества, ответственности художника. В то же время, автора интересует дискуссия об источниках вдохновения А. Пушкина в данном случае, каковым многие исследователи называли Библию. Вместе с тем, известно, однако, что незадолго до написания “Пророка” А. Пушкин читал перевод текстов Корана на французский язык и писал об этом в своих стихотворениях “Подражания Корану” и “В пещере тайной, в день гонения”. Автор отмечает наличие мотива с вложением горящего угля в уста одного из пророков в Ветхом Завете, главе 6 Книги Пророка Исайи. Однако использованная А. Пушкиным аллегория об открытии груди пророка ангелом и возвращении в неё очищенного сердца содержится только в исламских источниках – Коране и хадисах. Свидетельством этого автор считает масштаб обращения Бога к Пророку, которого наделяет правом представлять его волю, “обходя моря и земли”, влиять на умы и сердца людей. В этой связи, соответствие основного мотива стихов и с Кораном, и с хадисами неслучайно. В интересе поэта, воспитанного в христианских традициях, к Исламу автор видит яркий пример толерантности Пушкина – яркой звезды мировой поэзии.

Ключевые Слова: Пушкин, Поэзия, Коран, Пророк, Аллегория

ÖZET

Bu makale, seçkin Rus şair Aleksandr Puşkin'in ünlü “Peygamber” şiirinin, özellikle de yazarının kutsal kitaplardaki ilham kaynaklarının yanı sıra alegorilerin baskın

karakterine, şiirsel armağana veya dini misyona, analizine adanmıştır. Birçok okuyucu bu eserde, özellikle şiir yoluyla başkalarını ikna etme yeteneğiyle donatılmış bir kişinin, sözleriyle başkalarını düşünceye ve eyleme sevk etmeye çağrıldığı gerçeğine açık bir gönderme görmektedir. Onlara göre bu şiirin ana motifi, yaratıcılığın amacını ve hedefini ve sanatçının sorumluluğunu tanımlamaktır. Aynı zamanda yazar, birçok araştırmacının İncil olarak adlandırdığı bu durumda Puşkin'in ilham kaynakları hakkındaki tartışmayla ilgilenmektedir. Ancak aynı zamanda, Puşkin'in "Peygamber 'i yazmadan kısa bir süre önce Kuran metninin Fransızcaya çevirisini okuduğu ve bunu 'Kuran'a Öykünmeler" ve "Gizli bir mağarada, zulüm gününde" şiirlerinde yazdığı bilinmektedir. Yazar, Eski Ahit'te Yeşaya Kitabı'nın 6. Bölümünde peygamberlerden birinin ağzına yanan kömürün sokulmasıyla motifin varlığına dikkat çekmektedir. Ancak, Puşkin tarafından kullanılan alegori Puşkin'in peygamberin göğsünün bir melek tarafından açılması ve arınmış kalbin ona geri dönmesi alegorisi yalnızca İslami kaynaklarda – Kuran ve hadisler – yer almaktadır. Yazar, insanların zihinlerini ve kalplerini etkilemek için "denizleri ve karaları aşarak" iradesini temsil etme hakkına sahip olan Tanrı'nın Peygamber'e hitabının ölçeğini göz önünde bulundurur. Bu bağlamda, şiirlerin ana motifinin hem Kuran hem de hadislerle örtüşmesi tesadüfi değildir. Hristiyan gelenekleri içinde yetişen şairin İslam'a olan ilgisini, yazır dünya şiirinin parlak yıldızı Puşkin'in hoşgörüsünün canlı bir örneği olarak görmektedir.

Anahtar Kelimeler: Puşkin, Şiir, Kur'an, Peygamber, Alegori.

ABSTRACT

The article analyses the poem The Prophet by Alexander Pushkin, the sources of his inspiration in the sacred scriptures and its allegories. Many see in it an explicit reference to the fact that a person endowed with the gift of persuading others, particularly through poetry, is called upon to motivate others to thought and action. In their view, the poem aims to highlight the purpose of creativity and the responsibility of its bearer. The article reviews the discussion about the sources of Pushkin's inspiration in this case, which many researchers believed was the Bible. It is known that shortly before Pushkin read a French translation of the Quran and mentioned it in his poems Imitations of the Koran and In a Secret Cave, On the Day of Persecution. The presence of the motif with the insertion of burning coal into the mouth of a prophet is noted in the Old Testament, Chapter 6 of the Book of Isaiah.

However, the allegory used by Pushkin of the opening of a prophet's chest by an angel and the return of the purified heart into it is contained only in Islamic sources – the Quran and hadiths. The author emphasizes the scale of God's assignment to the Prophet, whom he endows to represent his will, "going over land and sea", to influence the minds and hearts. The author sees the interest in Islam from the poet brought up in Christian traditions as strong evidence of Pushkin's open-mindedness.

Keywords: Pushkin, Poetry, Quran, Prophet, Allegory.

«В этом году исполняется 225 лет со дня рождения великого русского поэта Александра Пушкина. Этот юбилей значим не только для России, но и для Казахстана. Потому что Пушкин, как и наш великий Абай, является одним из главных символов дружбы и культурного взаимодействия двух народов», – так сказал Глава государства Касым-Жомарт Токаев в интервью республиканской газете «Egemen Qazaqstan» в самом начале 2024 года.

О творческом могуществе Пушкина, наверное, никто не сказал лучше Аполлона Григорьева: «Пушкин – наше все». Именно Пушкин разбудил веру русского народа в свой язык. В свою страну. Это великая заслуга. Это подвиг, который способны совершить лишь великие люди.

Думается, И. С. Тургенев с огромным трепетом и волнением писал о величии русского языка именно после чтения поэзии Пушкина: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Именно Пушкин является первым писателем, перевернувшим в западном мире представление о русском языке. Благодаря его бессмертному стиху у всего народа проснулось страстное желание познать художественное слово. Одна из главных причин того, что XIX век стал золотым веком русской литературы, кроется в великом примере Пушкина.

Масштабы исследования пушкинского наследия поражают. Сейчас пушкиноведение приблизилось к уровню отдельной отрасли науки. Есть книги,

диссертационные работы, посвященные отдельно взятому произведению. Это, к примеру, книга М. П. Алексеева «Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»». То есть попытаться сказать что-то новое в отношении таких личностей мирового значения, как Пушкин, можно только в том случае, если рассуждать о тех гранях их творчества, которые имеют прямое отношение к собственному духовному миру.

Давайте попробуем. Тема наша – Коран и Пушкин...

Когда речь идет об отношении Пушкина к поэзии, литературоведы в первую очередь вспоминают знаменитое стихотворение «Пророк», написанное 8 сентября 1826 года. Поэт только что вернулся из ссылки в Москву, к друзьям, был торжественно принят высшим светом, находился в зените не только всеобщего признания, уважения и славы, но и подлинного творческого вдохновения, порой доводившего до настоящего экстаза. «Пророк» – программное стихотворение. В нем автор констатирует, что человек, наделенный Всевышним поэтическим даром, не похож на других, поэтому он не должен растрачивать свой талант на мелочи жизни, ибо призван своими пламенными стихами зажигать сердца людей. Это, бесспорно, так.

Если ранее в произведениях на данную тему поэт больше опирался на мифологию античной эпохи, прибегал к образам муз, Парнаса, Аполлона, то здесь он обращается к религиозной мифологии. Вместо поэта фигурирует пророк, вместо Аполлона – бог, вместо музыки – шестикрылый ангел-серафим. В безжизненной, бескрайней пустыне навстречу измученному жаждой путнику Всевышний посылает этого ангела. Стоило ему коснуться своими легкими, мягкими ладонями лба человека, как для страдальца окружающий мир вмиг стал другим, преобразившимся, обновленным: «Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы». И тут же: «Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье».

Но и на этом он не останавливается: «И вырвал грешный мой язык, / И празднословный и лукавый». Этот удивительный земной мир невозможно воспевать грешным, лукавым языком обычного человека, говорит поэт. Но ангел продолжает действовать решительно: «И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул». Стало быть, далеко недостаточно, чтобы язык был

особенным, самое главное – особенной должна быть твоя природа. Чтобы стать настоящим поэтом, и этого мало:

И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Последняя пушкинская строка – «Глаголом жги сердца людей» – давно стала крылатой фразой. Она, как завещание, оставлена всему поэтическому братству и является своего рода словом божьим. Всевышний напоминает, что слово поэта должно звучать как голос истины, поэтому он возлагает на него такую же ответственность, как на пророка, поэтому он посвящает ему такие же слова, как пророку.

Главный мотив этого знаменитого произведения – определение предназначения и цели творчества, ответственности художника. Об этом написаны сотни статей, книг. Мы же преследуем другую цель: показать, что нельзя однобоко подходить к творениям такого великого таланта, как Пушкин, делать окончательные заключения. Подлинная классика во все времена будет сверкать всеми своими удивительными гранями.

Раньше было принято противопоставлять всех представителей элитной интеллигенции богу. Скажем, лишь одной фразы «Жил-был поп,/Толоконный лоб» было бы достаточно, чтобы поставить Пушкина в ряд воинствующих атеистов. В России сейчас всесторонне обсуждается вопрос о месте религии в творчестве Пушкина. Данная тема не оставалась вне внимания пушкинистики до 1917 года, зарубежного русского литературоведения и после революции.

В книге «Пушкин в русской философской критике» собраны труды русских философов второй половины XIX и начала XX веков. Среди них заслуживает внимания большая статья видного философа-теолога Владимира Соловьева «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», где красной нитью

проходит одна мысль: в творчестве Пушкина нет и не может быть места пророку Мухаммеду. Философ анализирует как раз стихотворение «Пророк».

По мнению некоторых критиков, начинает он, в этом стихотворении ничего не сказано о миссии поэзии, поэта: они воспринимают «Пророк» Пушкина как конкретного пророка, так его и понимают, одни видят в нем библейского пророка, другие признают связь произведения с Кораном и в образе пророка видят самого Мухаммеда. После этого у автора меняется тон, и он утверждает категорично: «Значит, даже в том предположении, что пушкинский «Пророк» должен быть принят в собственном смысле, еще нужно решить вопрос, на кого он больше похож: на библейского пророка или на Мухаммеда. Но быть более похожим на последнего он не может уже потому, что между ним и Мухаммедом вовсе нет никакого сходства».

Словом, сейчас бесспорным является то, что по своей сути «Пророк» имеет отношение к религии. В. Соловьев сводит вопрос лишь к тому, о каком пророке конкретно идет речь. Чтобы высказать мнение по данному поводу, в первую очередь необходимо подробнее остановиться на таких вопросах, как Коран и Пушкин, мусульманская религия и поэзия Пушкина.

Поэт особо ценил эстетическую неповторимость Корана. О многом говорят его слова, написанные в Михайловском, в трудный период жизни: «В пещере тайной, в день гоненья, / Читал я сладостный Коран». Известно, что к слову «сладостный» поэт обращался, лишь глубоко осознавая, чувствуя объект своей симпатии. Поражает знание Пушкиным в совершенстве содержания Корана.

По утверждениям специалистов, в его произведениях на эту тему охвачены положения 33 сур из имеющихся 114-и в Священной книге. «Аллах всемогущ во всех своих деяниях» (сура Аль-Бакара, 20), «он – всемогущее создание, знающее все и вся» (Аль-Бакара, 29), «гнев его страшен» (Аль-Бакара, 196), «он видит деяния всех» (сура Аль-Имран, 156), «создал землю и небо за шесть дней. Затем взошел на престол и правит миром. День сменял ночью, ночь – днем. Создал солнце, луну, звезды, подчинив их своей воле» (сура Аль-Аграф, 54), «он вечно живой, правит всем миром. Он не дремлет и не спит. В его подчинении находится все, что имеется на земле и на небе» (Аль-Бакара, 255). Все эти моменты имеются в «Подражаниях Корану».

Считается, что к октябрю 1824 года у Пушкина имелся французский вариант Корана (перевод М. Савари). В качестве предисловия к данному изданию давалась подробнейшая биография пророка Мухаммеда. Тот, кто внимательно читал «Подражания Корану» и знаком с биографией пророка, нисколько не сомневается в этом. И действительно, в стихотворении охвачены практически все основные периоды жизни Мухаммеда.

Так, первая строфа («Клянусь четой и нечетой») языком поэзии напоминает о переселении Мухаммеда из Мекки в Медину (622 год по Григорианскому календарю – первый год Хиджры, мусульманского календаря), вторая строфа («О, жены чистые пророка») – о времени женитьбы пророка на Зейнаб (627 год), третья строфа («Смутясь, нахмурился пророк») – об изгнании из Мекки в Медину (до 622 года), шестая строфа («Недаром вы приснились мне») – о возвращении в Мекку (630 год), седьмая строфа («Восстань, боязливый») – о времени нахождения в горной пещере, когда к нему впервые снизошло откровение от Всевышнего (после 609 года).

Доказано, что Пушкин читал Коран по прозаическому переводу М. И. Веревкина. Строки из Корана в том тексте – «Создал горы, удерживая землю от движения, покрыл их небом, поддерживая оное, да не падет на них...» – поэт так переложил на язык поэзии:

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой!
Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

В «Подражаниях Корану» центральный образ Священной книги – образ Аллаха по возможности раскрыт всесторонне. Мы говорим «по возможности», ибо человеку не дано полностью раскрыть образ Всевышнего.

Каждый раз, когда доводится слышать чтение Корана вслух, мы невольно проникаемся волшебной мелодичностью текста, завораживающим звучанием составляющих его слов, хотя нам совершенно непонятно их содержание. Есть

глубокий смысл в том, что в мусульманском мире в любые времена ученые-богословы предпочитали громкое чтение только арабского текста Корана, следили за соблюдением этого неписаного правила: одно из главных проявлений всемогущества оригинала – в его эмоционально-интуитивном преимуществе; поразительное свойство священного писания проникать в душу человека заключается в удивительной мелодичности его слова.

Пушкин понимал, в результате каких мук и страданий удалось Мухаммеду создать новую религию. Вдобавок ко всему именно в пору написания этого стихотворения сам Пушкин был в опале, переживал глубокий душевный кризис. В письме П. А. Вяземскому от 1824 года он иронизирует: «Пришлось бежать из Мекки в Медину, мой Коран еще на руках – мусульмане до сих пор ждут его». Великий поэт в последних строках «Подражаний Корану» пишет:

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Встретившись в трудную пору жизни с Кораном, поэт как бы с надеждой обращается к Священной книге:

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

Здесь строка «Да притечем и мы ко свету» напоминает слова из суры Аль-Хиджр: «Неверные порой мечтают стать мусульманами. Эй, Мухаммед! Дай им волю. Пусть едят, пьют, радуются жизни. Добиваются своей цели. Они опомнятся потом». Невольно приходишь к мысли: может, причина того, что в свое время советские литературоведы, а сегодня русские пушкинисты «не замечали и не замечают» в творчестве поэта мотивы Корана, а иногда даже рьяно отрицают вполне, казалось бы, очевидные вещи, кроется именно в этом.

Теперь подходим к самому узловому моменту. На самом ли деле, как утверждает Соловьев, «нет никакого сходства» между пророком Мухаммедом и пророком из стихотворения Пушкина?

Есть! Да еще какое сходство.

«Пророк» начинается со слов: «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился». Здесь важное значение имеет слово «пустыня». В первое время пророк Мухаммед, вконец разочаровавшись в близких людях, часто один уходил в пустыню Хира, что недалеко от Мекки. Пушкин напоминает об этом. А что бы вы сказали по поводу вот этих строк: «И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул». В Библии данный мотив отсутствует. Там есть мотив, предшествовавший этому: «И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой». В шестой главе книги пророка Иисуса говорится: «Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен». А этого мотива, без сомнения, нет. Если бы был – пушкинисты давно нашли. Теперь обратимся к Корану. Сура Аш-Шарх гласит: «Эй, Мухаммед! Разве мы не открыли тебе мир? – далее продолжается мотив очищения от греха. – Мы освободили тебя от тяжелого груза. Подняли твою славу».

Можно ли предположить, что Пушкин взял этот мотив только после прочтения Корана? Чтобы ответить на такой вопрос, думается, следует сослаться на хадисы. К сожалению, у нас им еще не уделяется достаточно внимания. Их обычно рассматривают лишь как одно из направлений устной литературы, как легенды, пропагандирующие слова и дела Мухаммеда. Хотя на самом деле для мусульманского мира хадисы являются вторым после Корана правовым документом. Собираение хадисов в средние века считалось одной из главных сфер мусульманской культуры, они закономерно являются ценным наследием, охватывающим все периоды развития ислама.

По мнению специалистов, наиболее авторитетным вариантом среди них является книга «Аль-Джами ас-Сахик» («Сборник истин»), составленная Мухаммедом аль-Бухари. В это время Мухаммеду шел четвертый год. А один из сподвижников пророка Абу Хурайра считает, что это произошло, когда Мухаммеду исполнилось сорок лет. Но как бы там ни было, в любом варианте

хадисов четко говорится о том, что архангел Авраам вскрыл грудь Мухаммеда и очистил его сердце.

Турецкий автор Махмуд Баки (1526–1600) излагает хадис от имени самого пророка: «Посланник бога рассказывал о том, что однажды, когда он сидел вместе с родственниками, откуда-то появились трое взрослых мужчин. Один из них держал в руках золотой таз со снегом. Вошедшие приблизились ко мне и неожиданно схватили меня, в тот же момент все родственники удалились. Один из вошедших положил меня на спину и быстро вспорол грудь. Я смотрел на все это хладнокровно, не чувствовал никакой боли. Третий вынул все внутренности, промыл в тазике и вложил обратно. Затем вытащили мое сердце, разрезали его, достали оттуда сгусток черной крови и выбросили. Потом тот, который очистил сердце, стал водить рукой внутри грудной полости. Вдруг я заметил на его пальце перстень, который своим сверканием буквально сводил с ума. Затем человек сделал этим перстнем метку на моем сердце, и с того мига оно наполнилось лучами пророка, разум приобрел удивительную ясность. Сердце вложили в свое место. Я лежал и чувствовал, где остался перстень. Через некоторое время третий пришелец провел рукой по месту разреза моей груди. И тут же по воле Аллаха от раны не осталось и следа. Человек тихо потянул меня за руку, и я встал как ни в чем не бывало».

Полное соответствие основного мотива стихов и с Кораном, и с хадисами неслучайно. Если учесть, что в стихотворении поэта параллельно приводятся легенды еврейского пророка Иисуса и арабского пророка Мухаммеда (вложение в уста змеиного жала, вспарывание груди и промывание сердца), то этому удивляться не стоит. Седая история свидетельствует, что и арабы, и евреи – дети одного человека – Ибрагима (Авраама). Евреи – потомки Авраамова внука Исхака (Исаак), рожденного от жены Сары, а арабы – Исмаила, рожденного от жены Ажар. Есть немало пророков, общих и для Библии, и для Корана.

Словом, по нашему мнению, главный мотив, придающий величие и неповторимость стихотворению Пушкина, берет начало не от Библии, как утверждалось ранее, а от Корана.

Кто же является персонажем произведения? Давайте вспомним его финал, обращение Всевышнего: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, /

Исполнишь волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей».

Х. Г. Кёроглы кратко, но четко определил значение этих слов: «Подобные слова может сказать только человек, создавший новую религию, мировую религию, то есть только пророк Мухаммед. Преодолевая моря, пустыни, зажигать сердца людей пламенным, призывным словом мог только пророк Мухаммед». Подобные мысли содержатся и в книге «А.С. Пушкин и Азербайджан», изданной в 1959 году в Баку. В ней автор Шихали Курбанов приводит высказывание Н.И. Черняева, взятое из выпущенной в 1898 году в Москве книги «Пророк» А.С. Пушкина в связи с его же подражанием Корану», где говорится, что навязать «Пророку» аллегорический образ поэта, поэзии, значит, недооценивать произведение, исказить четкий смысл одного из гениальных стихотворений Пушкина. Поэт ставил цель изображать не себе подобных поэтов, а великий облик посланника Аллаха; да и Жебраил он рассматривал не как определенный женский образ, а как образ ангела. Пушкин никогда бы не ставил рядом сущность пророка и сущность поэта. Это тоже подтверждает нашу мысль.

«Пророк» можно рассматривать как своеобразное собрание эстетических взглядов поэта. В нем он глубоко и всесторонне раскрыл всемогущество искусства, показал степень ответственности перед обществом человека, овладевшего мастерством слова. А не противоречит ли это в свою очередь доказываемому нами утверждению о том, что мотивы «Пророка» взяты не из Библии, а напрямую из Корана, что в стихотворении говорится о получении пророком Мухаммедом наказа от Аллаха, как он стал обладателем сверхъестественной силы?

Нет, не противоречит. Потому что сам Коран, хотя и написан прозой, нисколько не уступает поэтическому слову, является бессмертным, вечным произведением искусства. Известно, что весь текст оригинала Корана основан на целостной внутренней ритмике. По своей сути он является поэтическим произведением, созданным в форме белого стиха. Именно поэтому потомок Ибрагима, «арапа Петра Великого», гениальный Пушкин, скромно называя цикл этих стихов «подражаниями», демонстрирует свое огромное уважение к Корану, заодно и всей мусульманской культуре. И это очень сильный пример великой толерантности Пушкина – ярчайшей звезды мировой поэзии.

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЗВУЧАНИЯ «ПОДРАЖАНИЙ КОРАНУ» А. С. ПУШКИНА (СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЕ НАЧАЛА IV «ПОДРАЖАНИЯ...» ПОЭТА)

Рахманова Альбина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Навоийский государственный университет, Узбекистан, alya211@list.ru

АННОТАЦИЯ

Анализируя многочисленную критическую литературу о Пушкине, мы приходим к выводу о том, что поэта очень интересовал Восток. Причину данного интереса мы видим в разносторонности его поэтического дарования, в желании открыть новое и неизведанное, в конвергенции поэтического сознания поэта. В статье представляются суждения Пушкина о Востоке, отмечается важность его понимания и принятия новой, оригинальной и неповторимой культуры средневекового Востока. В исследовании указывается, что в понимании Востока Пушкиным, уже тонко различимы грани реалистического подхода к теме. Поэт стремится запечатлеть новые стили восточного, увидеть красоту нравов и обычаев, раскрыть специфику взаимоотношений Востока.

Ключевые Слова: Ориентализм Пушкина, Восток, Романтизм, «Подражания Корану», Увлеченность Новыми Религиозными Идеями.

ÖZET

Puşkin üzerine yazılmış kapsamlı eleştirel literatür incelendiğinde, şairin Doğu'ya yönelik derin bir ilgi beslediği sonucuna varılmaktadır. Bu ilginin kökeninde, onun şiirsel yetisinin çok yönlülüğü, keşfedilmemiş olana duyduğu merak ve şiirsel bilincinin kültürel anlamda farklılıklarla etkileşime girme eğilimi yatmaktadır. Bu makalede Puşkin'in Doğu'ya dair düşüncelerine yer verilmekte, onun Orta Çağ Doğu'suna ait yeni, özgün ve benzersiz bir kültürü kavrama ve içselleştirme çabasının önemi vurgulanmaktadır. Araştırma, Puşkin'in Doğu'yu algılayışında gerçekçi yaklaşımın ilk izlerinin fark edilmeye başlandığını ortaya koymaktadır. Şair, Doğu'nun estetik biçimlerini, gelenek ve göreneklerin güzelliğini yansıtmayı ve bu coğrafyanın ilişki dinamiklerinin özgünlüğünü açığa çıkarmayı amaçlamaktadır.

Anahtar Kelimeler: Puşkin’de Oryantalizm, Doğu, Romantizm, “Kuran’a Öykünmeler”, Yeni Dini Fikirlerle İlgili

ABSTRACT

By analyzing the vast amount of critical literature on Pushkin, we can conclude that the poet had a strong interest in the East. We see the reason for this interest in the diversity of his poetic talent, his desire to explore the new and the unknown, and the openness of his poetic mindset. The article presents Pushkin’s thoughts on the East and emphasizes the importance of his understanding and acceptance of the unique and original culture of the medieval Orient. The study also points out that Pushkin’s perception of the East already shows subtle signs of a realistic approach to the subject. The poet aims to reflect new Eastern styles, appreciate the beauty of traditions and customs, and reveal the specific nature of relationships within Eastern societies.

Keywords: Pushkin’s Orientalism, the East, Romanticism, *Imitations of the Quran*, Interest in New Religious Ideas

Творчество классика русской литературы А. Пушкина избирательно включало в себя особенные восточные элементы, каждый из которых, маркируясь как «чужеродный», выполнял функции, строго определенные русской понятийной сферой» (Алексеев, 2015, с. 27), подобным образом становясь «своим», и эти функции были крайне необходимы в каждой конкретной культурно-исторической ситуации. Глубокий, нередко подлинно научный интерес поэта к Востоку и его духовной культуре, активное приобщение его к художественному творчеству, обусловило национальную специфику русско-восточного межлитературного процесса.

В пределах этого дискурса вопрос о многоаспектности звучания творчества А. Пушкина, выявление национального и художественного своеобразия его «Подражаний...» заключается в том, что данная проблема осложнялась необходимостью творческого подхода к главной книге мусульманского Востока – Корану, посредством которого происходил процесс осознания материала, нового для русского человека и очень важного для всего

человечества. Русская культура в лице Пушкина, соприкасаясь и приобщаясь к высшим духовным идеалам Востока, создала мир новых этических установок, которые значительно расширили границы ценностной категориальности русской поэзии о Востоке и этим ценно его творчество. Именно это позволило В. Белинскому обозначить специфичность русской культуры и выделить в ней творчество и «протеизм» Пушкина. В своей знаменитой «Пушкинской речи» Ф. Достоевский, определяя свойство таланта русского поэта, его способность к перевоплощению в культуру собственных героев, отметил «всемирную отзывчивость» поэта, выделив ее, как национальную черту и свойство русского характера, «ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности» (Достоевский, 1984, с. 147). Эта восприимчивость русской литературы и, в частности, творчество А. С. Пушкина, отсылающее нас к фигуре Протея в древнегреческой мифологии – бога морей и зыбей, способного принимать облик различных существ, в конкретных условиях своего прохождения через арабско-восточную среду, представлена как символ всеизменяющегося мира, которая может принимать вид квантового взаимодействия культур. В контексте современной литературоведческой науки данное взаимодействие, великолепно прослеживающееся и в творчестве А. Пушкина, представляет особую интенсивность восприятия инациональных художественных импульсов в художественном наследии поэта. Пушкина часто привлекали художественные произведения, где особым образом передавались сильнейшие человеческие истины. В его творчестве можно встретить подражание Данте, Парни, Байрону, Гете. Обычно это были одно или два произведения, однако в случае с Кораном в его творчестве появился целый цикл поэтических подражаний, куда вошли девять стихотворений, каждый из которых – это целый мир гениальной и чуткой прозорливости Гения. Необходимо отметить, что работа Пушкина с переводной литературой отмечена серьезностью подхода поэта к подлинникам. Это же видится и в «Подражаниях Корану», где Пушкин практически сживается с текстом, с большой осторожностью и уважением подходя к Священному Писанию. Ему важно разобраться с восточными реалиями, ответить на главные вопросы разности миров и понять суть главного Священного писания мусульман – Корана. Коран настолько увлекает поэта, что у Пушкина возникает желание поэтической передачи наиболее увлекших его

образов. «Я тружусь во славу Корана», (Пушкин, 1947, с. 129) – писал он в письмах к брату Льву в ноябре 1824 года.

Пушкина как поэта не мог не затронуть дух Корана. Он понимает, что из этого первоначального очарования и Света этой Книги, может получиться глубокое и важное произведение в его творчестве, рассказывающее о мире в целом. Упоминания о Коране и Мухаммаде (САВ), идеи и мотивы, коранические истории и переложения тесно входят в жизнь этого периода и захватывают поэта необычностью и глубиной, о чем свидетельствуют пушкинские художественные произведения, письма и дневниковые записи.

Цикл «Подражания Корану» целиком был опубликован в 1826 году в сборнике «Стихотворения Пушкина». Вышедшие до этого отдельные публикации из цикла сразу же принесли поэту известность и высокую оценку современников. Исследователь К. Кашталева, размышляя о коранической сущности данного цикла упоминает, что Пушкин «текстуально использовал восемьдесят один стих из тридцати трех различных сур Корана» (Кашталева, 1930, с. 112). Следовательно, Пушкин внимательно ознакомился с Кораном, его переложения свидетельствуют о том, что он не только проникся важностью Священной Книги, но и перенял дух и букву Священного Писания, вложив в нее все понимание и уважение мусульманства.

Каждое «Подражание...» – это великолепное прочувствование сур и аятов Священного Корана, причем все они свидетельствуют о разном подходе к осмыслению жизни. Несмотря на сложность прочтения и понимания Корана, пушкинский подход к теме показывает основательность и фундаментальность его поисков коранических истин. Священная книга мусульман, основанная на откровениях Мухаммада Пророка (САВ), потрясает поэта стилистикой изложения и глубиной содержания. Пушкин проникает во внутреннюю структуру стихов Корана, чувствует мощь и давление истины аятов, проникается глубинной мощью откровений Книги. Пушкин пропускает через себя особый трепет стихов Писания, проникается метафоризмом, осмысленностью и глубиной представляемых событий, требующих осмысленного и осознанного прочтения.

М. П. Дарвин и В. И. Тюпа утверждают, что именно человек (лирический герой) занимает центральное место в лирическом сюжете цикла, ибо именно он «становится причиной «смущения» пророка и взволнованных «доказательств»

бога в наставительных речах, обращенных к «нечестивым»» (Дарвин, Тюпа, 2001, с. 79). А. С. Пушкин сознательно нарушает субъектную организацию Корана для усиления назидательности и патетичности, с одной стороны (обращения пророка к постороннему), и для более отстранённого взгляда, с другой. Если человек выступает в цикле в статусе лирического героя, наиболее близкого биографическому автору, то Мухаммад (СAB), с которым он вступает в диалог, отнюдь не пассивное лицо. У него есть своя позиция, он также вступает в определенные взаимоотношения с Аллахом. Но это носитель другого сознания по отношению к лирическому герою. Пожалуй, его можно определить, как ролевого героя, внутренний мир которого раскрывается, в частности, в четвертом (IV) «Подражании»:

«С тобою древле, о всеильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил». (Пушкин, 1985, с.323)

В данном «Подражании...» Пушкин достигает особой патетики в передаче комплекса своих чувств осуждения гордыни власти. Представляя сложно устроенную текстовую данность IV «Подражания», Пушкин объединяет в едином ключе тройственность звучания субъектов речи: Аллаха, Пророка и вавилонского царя Нимрода (Нумруд) ибн Канана, возомнившего себя, равным Богу.

«Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его! (Пушкин, 1985, с. 323)

Сильнейшее, с точки зрения средоточия изобразительно-выразительных средств, стихотворение Пушкина, внутри которого сконцентрирована

глобальная сила мысли поэта. Краткость и лаконизм тексту придают устаревшие книжные слова высокой поэтической лексики: рёк, длань, подъята и т.д. В 14 строках через невероятно сложное по архитектонике соединение трех голосов: Аллаха, Пророка и Царя, Пушкин создает удивительно сильное по полифоническому звучанию произведение, прославляющее и доказывающее могущество Бога. В этом «Подражании» Аллах наделяется абсолютной, безграничной силой, отождествляемой с природой: «Подъемлю солнце я с востока, с заката подыми его!». М. Дарвин и В. Тюпа так комментируют это «Подражание»: «Бог в контексте цикла выступает в виде персонифицированной космической силы природы» (Дарвин, Тюпа, 2001, с. 81). Пушкин создает величественный по силе и звучанию гимн Богу, его мотивы он находит в следующих аятах священного Писания: «О, Людие! Бойтесь Бога, трясение земли в день судный ужасное будет, в день той забудуши матери младенцев своих, кийждо понесет ярем собственный. Народы упиются не от вина, но от смятения, чудяся велиим казням Божиим» (Коран в переводе Веревкина, 22:2). Стихи Пушкина перелагают аяты второй суры Корана «Баккара»: «не разсуждаете ли вы о деянии такового; коему дал Господь царство? Како состязается он о Боге со Авраамом. Авраам рек ему: Господь мой дает жизнь и смерть; он же: я даю и смерть, и живот из подданных моих, кому хочу. Авраам: Бог подъемлет солнце с востока, подними его с Запада: неверный смутился умом... Бог не руководствует неправедных...» (Коран, 2:258). Лаконичный и мощный коранический текст, рождает удивительные по выразительности стихи Пушкина, подчеркивая Силу и Могущество того, кто создал мир. В нескольких поэтических строках Пушкин смоделировал сложный философский аспект бытия, дав свой подход к пониманию данных постулатных истин.

Необходимо отметить, что каждое стихотворение, входящее в цикл «Подражания Корану» представляет собой отдельное законченное поэтическое творение, абсолютно не повторяющее предыдущее. Также, как и Священная Книга мусульман, где каждая из сур единична и неповторима, пушкинские стихи являют особую смысловую и стилистическую законченность каждого поэтического «Подражания». Так, четвертое «Подражание...» в отличие от предыдущих стихотворений, представленных в виде катренов, приобретает характер сплошного четырнадцатистишия, но это далеко не знаменитая

онегинская строфа, где в конце обязательным становится завершающее двустипие. Здесь важные в смысловых понятиях первая и последняя строфа – катрены несут основную идею стиха. Вторая и третья строфа – терцины помогают нам понять смысл спора Человека и Бога, поставившего себя с ним в один ряд и получившего достойный ответ Всевышнего: «Подъемлю солнце я с востока; // С заката подыми его!» (Пушкин, 1985, с. 323).

Пушкин настолько проникается идеей Священной суры Корана, что позволяет себе в поэтической форме дать отповедь банальному человеческому тщеславию и гордыне, отмечая неправомерность подобных мыслей и высказываний. Это удивительно и достаточно смело еще и потому, что еще недавно Пушкин называл себя атеистом и ярким противником божественных идей. Что это? Понимание момента, уяснение Истины, проникновение в сущность божественного через Священное Писание? Нам думается, здесь налицо взросление поэта, тонкое гениальное чутье и желание воплотить новые открывшиеся истины. И здесь, мы вновь отмечаем, прослеживающуюся во многих его текстах однородную связь «чужого» для него Священного Писания Корана и провозглашаемых им истинах нравственно-философского толка, что позволяет нам говорить о создании текста с удвоенным повествовательным кодом.

Важно отметить, что Пушкин работает с переводом Корана, выполненным членом российской академии наук М. И. Вережкиным (1732-1795). Исследователи отмечают, что данный перевод был далеко не лучшим, и сделан с малоудачного французского перевода Дю Рие (1647 г.), который позднее послужил основой еще для двух русских переводов, появившихся в XVIII веке. В результате данной работы Вережкина появилась «Книга Алкоран, аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с неба, себя же последним и величайшим из пророков Божьих». В данной книге М. Вережкин серьезно обвинил своих современников и европейских востоковедов в предвзятом отношении к исламу, считая, что нужно отходить от выдуманного сочинительства по отношению к Книгам подобного рода. Перевод М. Вережкина, как интересное явление в истории русской культуры, явился началом заметных сдвигов в истории русской литературы и послужил источником для знаменитых «Подражаний Корану» А.

С. Пушкина. Важно отметить, что именно этот перевод сподвиг Пушкина на выяснение важных жизненных истин. Поэт достаточно серьезно отнёсся к новым открытым им истинам, что и позволило ему назвать Коран в «Подражаниях...» - «небесной», «сияющей» Книгой. (3, 7, 5 «Подражания...») «Обращение А. Пушкина к Исламу, как к мировой религии, в цикле стихов оказалось гениальным предвидением, так как, только глубоко изучив и прочувствовав Коран, поэт смог увидеть в нем достаточно сильное явление, открывающее человечеству свет новой Истины.

Важно отметить, что творчество А. Пушкина всегда многопланово: за видимым планом скрывается глубокий смысл тайны бытия. Именно в этом взаимопроникновении земного и мистического - секрет особого обаяния лучших образцов лирики поэта, сумевшего подняться над суетой «своего» видения мира и коснуться истин «чужого» воспевания общечеловеческого. Это понимание открыло необычайно широкие возможности для русской литературы, с одной стороны, это поэзия любви к жизни, а с другой, провозглашение стремления к познанию божественной истины, являющейся важным источником особой нравственной чистоты. Именно это творческое созидание откроет яркие перспективы расширения границ межкультурного взаимодействия народов мира. Это невероятно важно еще и потому, что мир изменился и научное осмысление, и выявление закономерностей процесса взаимодействия культур, выявление его истоков, обозначение важнейших архетипов и типологических единств оказывается достаточно серьезным и актуальным в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдедем, Н. Дж. (2015). *К истории ориентального влияния на язык русской художественной литературы пушкинской эпохи: на примере «Путешествия в Арзрум» А. Пушкина*. Диссерт. на соиск. степени канд. филол. наук. Воронеж.
- Алексеев, П. В. (2015) *Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма*. Диссертация на соиск. ст. доктора филолог. наук. Томск.
- Анненков, П. В. (1999). *Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху*. Москва.

- Белкин, Д. И. (1965). *Тема зарубежного Востока в творчестве А. С. Пушкина*. Москва.
- Благой, Д. Д. (1967). *Творческий путь Пушкина*. Москва.
- Брагинский, И. С. (1965). *Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина: Народы Азии и Африки*. № 4.
- Вацуро, В. Э. (1980). *Пушкин и его окружение*. Москва.
- Виноградов, В. (1941). *Стиль Пушкина*. Москва.
- Дарвин М. П., Тюпа В.И. (2001). *Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания*. Москва.
- Достоевский Ф. М. (1984). *Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.26*. Ленинград.
- Кашталева, К. С. (1930). *Подражания Корану и их первоисточник: Записки коллегии востоковедов, Т.V*. Ленинград.
- Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих*. (1790) (автор пер. М.И.Веревкин,). СПб.
<https://ru.wikisource.org/wiki/>
- Лобикова, Н. М. (1974). *Пушкин и Восток*. Москва.
- Незеленов, А. И. (1882). *История русской словесности*. Санкт-Петербург.
- Нольман, М. Л. (1967). *Пушкин и Саади*. Москва.
- Овсяник-Куликовский, Д. (1903). *История русской литературы*. Москва.
- Рассадин, С. (1969). *Мой Пушкин*. Москва.
- Рахманова, А. (2024). Парадигма аспектов коранического понимания судьбы в творчестве М. Ю. Лермонтова: *Universum: филология и искусствоведение*. №2 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-aspektov-koranicheskogo-ponimaniya-sudby-v-tvorchestve-m-yu-lermontova> (дата обращения: 17.03.2024).
- Соловей, Н. Я. (1979). *Становление реализма в лирике Пушкина*. Москва.
- Томашевский, Б. (1961). *Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837)*. http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tomashevsky_b/tp/tp2-001.htm
- Черняев, П. (1898). *«Пророк» Пушкина в связи с его «Подражаниями Корану»*. Москва.

К ВОПРОСУ О ПУШКИНСКОМ «ПРОРОКЕ» КАК ЗАЩИТЕ НЕКОТОРЫХ ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Севинч Насибова, К.ф.н., преподаватель, Анатолийский университет, Отделение
“Русский язык и литература”, sevinj837@anadolu.edu.tr

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается стихотворение «Пророк» А.С. Пушкина. Анализируются исламские ценности и факторы влияния мусульманской ментальности на русскую литературу в целом. Для человека, который живет напряженной духовной жизнью, осознавая свою духовную жажду, значимо двойственное понятие дороги: дорога жизни и дорога духа.

Ключевые Слова: Пушкин, Восток, “Пророк”

ÖZET

Makalede A. S. Puşkin'in “Peygamber” şiiri incelenmektedir. Makalede, genel olarak Rus edebiyatında İslami değerler ve Müslüman zihniyetini etkileyen faktörler analiz edilmektedir. Yoğun bir manevi hayat yaşayan, manevi susuzluğunun farkında olan bir insan için, yolun ikili kavramı önemlidir: Hayat yolu ve ruh yolu.

Anahtar Kelimeler: Puşkin, Doğu, “Peygamber”

ABSTRACT

The article examines the poem “The Prophet” by A.S. Pushkin. The Islamic values and the factors of the influence of the Muslim mentality on Russian literature in general are analyzed. For a person who lives an intense spiritual life, realizing his spiritual thirst, the dual concept of the road is significant: the road of life and the road of the spirit.

Keywords: Pushkin, The East, “The Prophet”

Есть в русском романтическом ориентализме такие эпохальные произведения, которые, не порывая традиций с базовыми установками родной литературы, вместе с тем являют собой универсальный синтез западно-

восточных ментальных систем. Исследование структуры такого текста с восточными мотивами позволяют, с одной стороны, увидеть и распознать отличительные особенности романтического сюжета; с другой - указать на конкретные факторы влияния мусульманской ментальности на русскую литературу в целом. Причём, лучшие образцы поэтического ориентализма, как правило, неотделимы от «западно-восточного синтеза». Он, по мнению Е.М. Верещагина, «легко усваивается человеком, который вырос в определённой национальной культуре, но вместе с тем перенимает на себя часть существенных фактов, ценностей и норм иной культуры» (Верещагин, Костомаров, 1983, с. 11). Проецируя мнение авторитетного учёного на творчество Пушкина, можно сказать, что он, непосредственно соприкасаясь с Востоком, словно попадает на родную стезю, осваивает иной мир, словно близко ему знакомый.

Вот таким безусловным талантом и гениальным чутьём, по всеобщему признанию, обладал А.С. Пушкин. В ряде его ориентальных произведений национальный и восточный фон столь гармонично воссоединяются, что позволяют говорить об особом явлении пушкинского гения – протеизме? Протеизм – это такое литературно-эстетическое движение, которое, по словам выдающегося пушкиноведа Ю.М. Лотмана, означает «смирненное осознание неведомого источника силы, энергии и знания, впервые в XIX в. принявшего в творческих достижениях Пушкина очертания симбиоза различных культур» (Лотман, 1987, с. 211). Лучшей иллюстрацией служит пушкинский «Пророк».

Об этом замечательном создании поэта существует довольно большая литература, и нас интересует прежде всего тот значимый факт, что «Пророк» немислим вне доказательств об устойчивой тенденции его истолкования в связи с воплощением некоторых исламских ценностей.

Завоевание исламских ценностей в мусульманском обществе - понятие более широкое по сравнению с литературоведением. Это заслуги в сфере сохранения национально-духовных приоритетов. Это несложно подтвердить, обращаясь к сюжету данного стихотворения.

Так, в «Пророке» одним из центральных является мотив пути. Он имеет решающее значение в композиции стихотворения и актуализирован в

хронотопе «перепутья» - места, где сходятся и расходятся дороги. «Жажда», о которой говорится в тексте, - это в первую очередь понятие духовное. Только выражение «дорога жизни» более свойственная библейскому тексту («жизнь» - «жити» - «житие» святых), а «дорога духа» - кораническому. Но второе – восточное, – бесспорно, превалирует у Пушкина. Мотив дороги у мусульман чаще ассоциируется не с прототипической жизнью, но более с назывными именами или говорящими названиями, фамилиями, прозвищами, обращениями и т.п.

«Пророк» – это фиксация тесной связи с Востоком. Целый ряд слов и выражений, употреблённых Пушкиным, становятся поистине исламскими эстетическими ценностями, потому что олицетворяют собой больше, чем странствования жаждущего по пустынным местам, но внимающему голосу Бога.

В сюжетной ткани «Пророка» можно наметить коранические аяты: 97-96 сур Священного Писания «Аль Кадр»: «В ночь эту ангелы и Дух Святой Нисходят с неба с Божьего соизволения, Чтобы вершить все повеления Его» (В ночь эту ангелы и Дух (Святой) Нисходят с неба с Божьего (97:4)).

Сура 74 «Аль Муддасир»: «О ты! Укрывшийся плащом! Встань и неси предупреждение И славь Владыку своего» (Коран: Перевод смыслов и комментарии И. В. Пороховой).

В стихотворении к герою обращается сам Господь. Он называет его пророком и определяет его будущее:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» (А. Пушкин. Пророк).

Нетрудно видеть, что пустыня в «Пророке» способствует уединению, а уединение в свою очередь - духовному просветлению и росту. Эта мысль отчётливо просматривается в подтексте «Пророка». Лирический герой ждал («томился») и, пройдя через все этапы трансформации, ощутил то, что ощущает истинный пророк- близкое общение с Богом, полного предания себя

служения ему. Так «по-восточному» мыслил Пушкин. И добавим, не только в «Пророке».

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, М. М. (1975). Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва, издательство «Художественная литература».

В ночь эту ангелы и Дух (Святой) Нисходят с неба с Божьего (97:4).
<https://surahquran.com/russian-aya-4-sora-97.html>

Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. (1983). *Язык и культура*, Москва, издательство «Наука».

Коран: Перевод смыслов и комментарии И. В. Пороховой.
<https://quran.com.ua/meal/porohova/74>

Лотман, Ю. М. (1987). Александр Сергеевич Пушкин. *Биография писателя*. Москва, издательство «Художественная литература».

Пушкин, А. *Пророк*. <https://www.culture.ru/poems/4409/prorok>

PUŞKİN'İN YARADICILIĞINDA QAFQAZIN TÜRK MÜHİTİ VƏ TÜRK SÖZLƏRİ

Minaxanım Nuriyeva Tekeli, Filologiya elmləri doktoru, professor, Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti, proftomris@gmail.com

XÜLASƏ

Məqalədə Qafqaz müharibəsinin başlandığı illərdə bu ölkələrə ilk səfərləri zamanı A.S. Puşkinin ürəyində yaranan ziddiyyətli fikirlərdən, Qafqazı özünə tabe etmək üçün işğalçı general Yermolova göstərdiyi ehtiramdan, rusların Qafqaz xalqlarına verəcəyi mədəniyyət və azadlığa inamından bəhs edilir. Lakin 1829-cu il Rusiya – Türkiyə müharibəsi zamanı şairin Qafqazda gördüyü müstəmləkəçiliyin ağır nəticələrindən danışılır. Şair Qafqaz xalqlarının həyatına, tarixinə, mədəniyyətinə böyük həssaslıqla yanaşmış və Qafqaz onun bitib-tükənməyən mövzusunə çevrilmişdir. Puşkin Qafqaz diyarının əzəmətli obrazını rus ədəbiyyatına bir hadisə və kəşf kimi çatdırmışdı. Bununla yanaşı, rus ədəbi dilində möhkəm mövqeyə malik Qafqazı ilham mənbəyi kimi hesab edən Puşkinin dilindən şairin yaradıcılığında türk sözləri yer alır: çinar, tanqa, çıxır, papax, kunak, çurek və s. onlarla belə sözləri ən çox ilk dəfə Puşkinin vasitəsilə rus oxucuları eşitmişdir.

Açar Sözlər: Qafqaz, Puşkin, Türk Sözləri, Rus Ədəbiyyatı, Müharibə, Çərkəz

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о противоречивых мыслях, возникших в сердце поэта во время визитов Пушкина в кавказские страны: уважении, которое он оказал генералу-захватчику Ермолову, сжигавшему при первом своем приезде целые деревни и села, чтобы подчинить себе эту свободную землю, в то же время о его вере в то, что русские принесли кавказским народам культуру и освобождение, высечено сильными, запоминающимися строками. Однако тяжелые последствия колонизации, которые поэт увидел на Кавказе во время русско-турецкой войны 1829 года, опрокинули его мысли о доблести и победе русской армии, которые он восхвалял. Наряду с этим, в творчестве поэта, понимавшего Кавказ как источник вдохновения, появляются тюркские слова, имеющие прочные позиции в русском литературном языке: чинар, танга, чихир, папах,

кунак, чурек и др., и десятки таких слов русские читатели впервые слышали через Пушкина.

Ключевые Слова: Кавказ, Пушкин, Тюркские Слова, Русская Литература, Война, Черкес

ABSTRACT

The article talks about the contradictory thoughts that arose in the poet Pushkin's heart during visits to the Caucasian countries, that is, the respect that he showed to the invader general Ermolov, who burned entire villages on his first visit in order to subjugate this free land. However, the severe consequences of colonization, which the poet saw in the Caucasus during the Russian – Turkish War of 1829, overturned his thoughts about the valor and victory of the Russian army, which he had already praised. Along with this, Turkic words appear in the poet's work in the language of Pushkin, who understood the Caucasus as a source of inspiration, and have a strong position in the Russian literary language: plane tree, tanga, chikhir, papakh, kunak, churek, etc. Russian readers most often heard dozens of such words for the first time through Pushkin.

Keywords: Caucasus, Pushkin, Turkish Words, Russian Literature, War, Circassian

GİRİŞ

Şərq xalqlarının mədəniyyəti çox-çox qədimlərdən bəri rusların diqqətini cəlb edirdi; bu maraq da, təbii olaraq, Rus yazıçılarının Şərq mövzularına müraciətlərində parlaq əksini tapmışdır. Burada, ilk növbədə V. A. Jukovski, A. S. Puşkin, M. Y. Lermontov, L. N. Tolstoyun əsərlərini xatırlamaq lazım gəlir. Məhz onların qələminin nuru ilə bu gün də ucsuz-bucaqsız Rusiyanın hər bir guşəsində Qafqazın ətirli koloritinin xoş rəyihəsi duyulmaqdadır. Yuxarıda adlarını qeyd etdiyimiz şairlərin “kiçik” müasiri ədəbiyyatşünas V. Q. Belinski bu barədə: “Qafqaz elə bil bizə estetik istedadların beşiyi, rus şairlərinin şeir ilahələrinin – ilhamvericisi, onların poetik vətənləri olmaq üçün yaranmışdı” (Белинский, 1974, s. 7) deyə yazırdı. Bu, həqiqətən də belədir; Rus yazıçılarının böyük bir dəstəsinin həyat yolu vaxtilə “Rusiyanın Şərqi” adlanan Qafqazdan keçməklə, XIX əsr Qafqazı Rus şair və nasirlərinin bütöv bir cəbhəsini yenidən yetişdirdi. Qafqazla tanışlıq nəticəsində bu mənada da o zamankı

Rusiyanın qarşısında artıq anlaşılmalı və dərk olunması vacib olan qədim və mədəni bir dünya – bəşər sivilizasiyanın xüsusi bir qatı açılırdı.

ƏSAS HİSSƏ

Böyük rus şairi Aleksandr Sergeyeviç Puşkinin (1799-1837) istər həyatı, istər fəaliyyəti Qafqaz ölkələri ilə sıx bağlı olmuşdur. Şair Qafqaz xalqlarının həyatına, tarixinə, mədəniyyətinə böyük həssaslıqla yanaşmış; Qafqaz onun bitib, tükənməyən mövzusunə çevrilmişdir. Puşkin Qafqaz diyarının əzəmətli obrazını Rus ədəbiyyatına bir hadisə və kəşf kimi təqdim etmişdir. Çox ehtimal ki, şairin Qafqaz diyarından əxz etdiyi çinar, tanqa, bairan (bayram), kumis, kibitka, çadra, amanat, duxan, çurek, çixir, abaz (abbasi), katır, burduk, papax, burka, kunak, şaşka, naqayka, al, saklya, uzden (başçı), arkan, bulat və s. kimi yerli Türk sözlərini Rus oxucuları ilk dəfə Puşkin vasitəsilə eşitdilər. Haqlı olaraq da Qafqaz ölkələrinin bütün koloriti ilə verilməsində bu sözlər digər sənətkarlıq vasitələri ilə bir dəyərləndirilir.

“Böyük Rus şairi Aleksandr Sergeyeviç Puşkinin həyatı və ədəbi fəaliyyəti Qafqazla sıx bağlı olmuşdur” – deyə bildiyimizdə sözə qüvvət olaraq onu da deyə bilərik ki, müəyyən mənada Puşkini bu “dəstənin” öncüllərindən saymaq olar. Rus poeziyasında ilk dəfə Qafqaz mövzusunı “kəşf edən” məhz Puşkin olmuşdur. Qafqaz Puşkini çoxdan, onun yeniyetməlik illərindən cəlb edir, hələ bərkiməmiş kövrək qəlbini bir ahənribə kimi özünə çəkirdi; oxucularımızın marağına o da səbəb ola bilər ki, heç də qafqazlılardan da az temperamentli olmayan bu “dəli-dolu” şair hələ 1819-cu ildə dostu Aleksandr Turgenevlə bu diyara getməyə cəhd göstərmişdi. Turgenevin hər ikisinin ürək dostu olan Pyotr Vyazemskiyə yazdığı məktub da bunu təsdiq edir (Шумит Арагва предо мною, 1987, s. 7) Təbii ki, bu məsələ, yəni Puşkinin ədəbi fəaliyyətində Qafqaz mövzusu Puşkinşünas tədqiqatçıların diqqətini hələ çox-çox əvvəllərdən cəlb etmişdi. Bu mövzu ətrafında L. P. Semenev, İ. K. Yenikolopov, K. V. Ayvazyan, K. Q. Çernı və başqalarının araşdırmaları ilə bir sırada azərbaycanlı tədqiqatçılardan Mikayıl Rəfili, Şıxəli Qurbanov, Aqil Hacıyevin tədqiqatlarını qeyd etmək məqsədəmüvafiqdir. Lakin aradan ötən illər bu məsələnin təzədən ortaya gətirilməsini, bu günün tələbləri əsasında yeni demokratik şəraitin verdiyi imkanlara görə tədqiqatını vacib edir. Qafqaz səfərləri Puşkinin ədəbi fəaliyyətində geniş üfüqlər açdı; şair bu əsrarəngiz və qədim diyarın özü kimi maraqlı və cazibədar mövzularını kitablar əsasında və ya başqalarından eşitdiyi hekayətlər üzrə deyil, bu yerlərə səyahəti

zamanı öz şəxsi təəssüratları nəticəsində qazanmışdı. Sonralar ədəbiyyatşünas V. Q. Belinski bu münasibətlə yazırdı: Puşkinin “yüngül əli ilə” Qafqaz rslardan ötrü təkcə geniş və hüdudsuz təxəyyül məskəni deyil, həm də coşqun həyat qaynayan azad xəyallar ölkəsi, tükənməz poeziyadan ötrü arzularda bəslənən bir yer oldu. Qafqaz Rus poeziyasının beşiyidir; Puşkinin ilham pərisi Rusiyanın bu yerlərlə olan bağlantısını təkcə sözdə deyil, əməldə də müqəddəsləşdirdi (Белинский, 1974, s. 113). Puşkinin Qafqazla ilk tanışlığı 1820-ci ildə baş verdi. Bu dövr Qafqaz müharibəsinin nə son illəri, nə də başlanğıc illəri idi. Bu, Qafqaz uğrunda müharibənin bütün gücü ilə qızıışdığı dövr, general Yermolovun Qafqazda hakimiyyət illəri idi. Qeyd edək ki, bu illərdə, yəni 20-ci il ərəfəsində Rusiyada siyasi şərait kəskinləşmiş, hərbi nazir Arakçeyevin mövqeyi daha da sərtləşmiş, imperiya daxilində əsl irtica başlamışdı. Ölkədə cərəyan edən azadlıq uğrunda çıxışlar, təhkimçilik hüququ əleyhinə yüksələn həyəcanlar, hökumətin əl atdığı məkrli tədbirlər gənc Puşkinin ədəbi fəaliyyətində dönüş yaratdı. Bu onun siyasi şeirlərini meydana gətirdi: Şair “Azadlıq”, “Kənd”, “Ura! Rusiyada köçəri despot hökm sürür...” kimi və bu ruhdakı digər əsərlərində təhkimçi Rusiyanın eyiblərini ifşa edirdi. Bundan ötrü şairi Sibir sürgünü göz ləyirdi, lakin saray dairələrinə yaxın nüfuzlu dostlarının xahişi ilə Sibir sürgünü Cənuba “xidməti ezamiyyət”lə əvəz olundu. Yekaterinoslava (keçmiş Koydak; indiki Dnepropetrovsk) göndərilən şair çox keçmir ki, burada xəstələnir və Qafqazın müalicəvi sularında dincəlməyə gedən 1812-ci il Rusiya Vətən müharibəsi qəhrəmanı general Rayevskinin ailəsi ilə Qafqaza yola düşür. İki ay Rayevskilər ailəsi ilə Qafqazda Mineral sulara (əski adı Sultankənd) qalan şairin poetik təfəkkürü bu diyardan aldığı təəssüratlarla güclənib bərkiyir. Az sonra, 1821-ci ildə yazdığı “Ruslan və Lyudmila”nın epiloqunda bu ecazkar diyarla görüşün həyəcanları ifadə olunur: İndi Neva sahillərindən uzaqda Qafqazın məğrur zirvələrini öz önümdə görürəm... Qardaşı Levə vəcdlə yazırdı: “Əziz dost, heyfsilənirəm ki, sən mənimlə Qafqaz dağlarının möhtəşəm silsiləsini; onların uzaqdan parlaq şəfəqlər altında hərəkətsiz görünən sehrkar rənglərə çalan xarüqə buludlar qapamış buzlu zirvələrini görmədin; heyfsilənirəm ki, mənimlə beş zirvəli Beştau, Maşuk, Dəmir dağ, Daş və İlan dağlarının dik təpəsinə qalxmadın...” (Пушкин, 1987, s. 225). İndiyədək alışdığı paytaxt həyatından çox fərqli, burada qarşılaşdığı qeyri-adi görüşlər, təəssüratlar, həyəcan oyadan yad, uzaq, amma təbii coğrafi özəlliklər, köçəri həyat yaşamının romantikası, xidməti səfərlər, dərin təəssüratlı gəzintilər; görünməmiş, eşidilməmiş ekzotik profillər – yerli xalqlar, onların dili, danışığı, geyimi, adət-ənənəsi... Bunlar

Qafqazın öz möhtəşəm görüntüsü tək şairi cəzb edib məşğul etməkdə idi. Odur ki, Puşkinin “Oxuma gözəl, mənə Gürcüstanın qəmli nəğmələrini” şeirinə bəstəkar Mixail Qlinka mahnı bəstələyərkən, əsərin uğurlu təqdimatı naminə təbiiliyə gedərək Qafqaz xalqlarının elə öz musiqisindən bəhrələnmişdi. Hələ şairin bu mövzuda ilk əsəri olan “Qafqaz əsiri”ndə də gənc Çərkəz qızının əsirə oxuduğu şərqlər dağlıların ənənəvi mahnılarından götürülmüşdü. Digər xalqların həyatına, məişətinə, başlıcası, tarixinə birbaşa nüfuz etmə Puşkinin bir sənətkar kimi özünəməxsus keyfiyyətlərindən sayılmaqdadır. Bu diyara həsr etdiyi, hətta ilk əsərində – “Qafqaz əsiri”ndə belə, yerli tarixə ayıq-sayıq münasibət nümayiş etdirir: əsərin epiloqunda qafqazlıların üsyankar əzmini ifadə edən faktdan – general Lazarevin burada öldürülməsindən bəhs edir. General artıq işğal altında olan Gürcüstandan (Şərqi Gürcüstan 1801-ci ildən Rus imperiyası idarəsinə girmişdi) Gürcü çarı Georginin dul xanımını zorla sürgünə göndərmək istərkən bu cəsur qadın tərəfindən xəncərlə öldürülür. Özünün Qafqaza gəlişindən düz 17 il əvvəl baş verən bu hekayəti eşidərək qafqazlıların azadlıq eşqi, tükənməz qürur və vüqar hissinin gücünü duyan gənc şair heyrətə düşməyə bilməzdi. İnsaf naminə deyək ki, bunu ilk duyanlardan biri olan Belinski bu ilk əsər (“Qafqaz əsiri”) haqqında yazırdı ki, Qafqazın əzəmətli obrazı, onun hərbiyun əhalisini Rus ədəbiyyatına ilk dəfə Puşkin gətirdi. İndiyədək Rusiyanın silah vasitəsilə tanış olduğu Qafqazla artıq Rus ictimaiyyəti Puşkinin poeması ilə tanımış oldu. Başlangıcın ilki olan bu işdə Puşkin novator oldu – Qafqazın Kolumbu kimi Rus yazıçıları və oxucularından ötrü yeni dünya kəşf etdi. Bu ilk cənub poeması Rus ədəbiyyatında bütün bir epoxanı təmsil etdi. “Qafqaz əsiri” hamını yeni mövzu, yeni janr, obraz, üslub, dil xüsusiyyətləri; özünün sehrli azad dünyası, gücü, gözəlliyi ilə heyrətə gətirib əsir etdi”. Bu təzə mövzular ondan ötrü nabeləddiyin, uzaqlığın ifadəsi olmayıb təzə, təmiz ruh verdiyinə görə qəbul olunmalıdır. Sanki şair gözəl bildiyi, daha yaxşı tanıdığı bir tanış aləmin real mənzərəsini yaratmağa girişir... Puşkindən az sonra Mixail Lermontov (1828) da, daha illər keçmiş Lev Tolstoy (1872) da eyni mövzuya eyniadlı əsər həsr etdilər. Bu fakt Puşkinin böyüklüyünü göstərməklə bərabər, mövzunun – Qafqazın özünün güclü təsir qüvvəsindən doğmuşdu... Doqquz il keçir, şair yenə Qafqazdadır; bu gəliş onun bu ecazkar diyarla daha geniş və dərinədən tanışlığı demək idi; budur, Ərzurumdan dönərkən 1 avqustda o, artıq Tiflisdədir, bir neçə gün burada qonaq qalıb, yalnız avqustun 6-da onu tərk edəcəkdir. Həmin günlərdə “Tifliski vedomosti”də qəzetin redaktoru Şərq mövzularının aludəçisi olaraq tanıdığımız Pavel Senkovski yazırdı: “Sənətsevərlər indi Puşkindən gözəl töhfələr

gözləməkdədir. Şübhəsiz, Puşkin dühası Qafqaz ölkələri haqqında xatirələrdən coşaraq ədəbiyyatımızı bəzəyəcəkdir” (Гаджиев, 1989, s. 18). Bu, həqiqətən belə oldu; Ərzuruma, Qarsa qədər çəkən ikinci səfəri nəticəsində şairin Qafqaz təəssüratları daha da zənginləşmiş, bərkimiş oldu. Artıq Rus oxucusunu əsir edən “Qafqaz əsiri” çoxdan yazılmış; ikinci gəlişindən sonra isə “Qafqaz”, “Kalmık qızına”, “Kazbekdə bir monastır”, “Hafizdən”, “Uçqun”, “Dağların arası ilə Terek axıb gedir”, “Xeyir-dualı günümüz, saatımız”, “Oxuma gözəl...”, “Müdhiş və darıxdırıcı”, “Heybətli qayaların yarganı”, “Dəlibaş”, “Gürcüstan təpələrinə qaranlıqlar çökmüş”, “Ərzuruma səyahət” hamısı yüksək poetik səviyyədə, daha böyük cəsarətlə tərənnüm olunaraq oxucuya çatdırılmışdır. Qafqaz mövzulu bu əsərlər siyahısına şairin güclü təəssüratlarının əks olunduğu çoxlu sayda məktublarını da əlavə etmək lazımdır. Belə olan halda ədibin bir çox digər əsərlərində bu diyarın gözə çarpacaq dərəcədə hiss olunan poetik vəsfi faktlarını nəzərə alsaq, o zaman bu təsir dairəsinin tam miqyası barədə düzgün nəticələr əldə etmiş olarıq. Şair sonralar yazdığı “Yevgeni Onegin” poemasında (1830) da Qafqaza üz tutub, xatirələrə dalır.

Şübhəsiz, bu təcrübənin qazanılmasında şairin Ərzuruma səfəri zamanı geniş panoramda onu əhatəyə alan yol təəssüratlarının rolu böyük olmuşdu. İlk baxışdan Qafqaz mövzusunda çox uzaq görünən “Tazit” poeması və “Daha da uzağa getdik”, “Mən özümə abidə qoydum”, “Quran”a nəzirə” şeirlərində təkrar bu sehrli diyara dönüb qayıdır. Beləliklə, Qafqaz onun qısa ömrünə sığışmayan böyük yaradıcılığının bitib-tükənməyən mövzusa çevrildi. Diqqətə çatdırmalıyıq ki, Qafqaza ilk gəlişində onu vəcdə gətirən və coşqun ilhamına bir vasitə olan bu ölkə onun üçün düşüncə mənbəyi, fikirlərini bir ahənrüba tək özünə çəkən bir müşahidə və araşdırma obyektı idi. İkinci səfərində isə onu Qafqazda gedən müharibə, general Paskeviçin komandanlığı altında Rus ordusunun bu hüdudları da keçərək, Türkiyə ərazisinə daxil olması hadisələri qarşılayır. Şairin Qafqaz təəssüratlarına bir təbii nisgil də əlavə olunmaqla, həmin hisslərin daha təsirli olmasına yol açmışdır. İlk səfərində gördükləri ilə indikilər arasında, əsaslı fərqlər, hətta gözəçarpan komfort əlamətləri belə, onda əvvəlki Qafqazın təbii, bakir və bununla əbədi gözəlliklərinə qarşı bir həsrət oyadır. Bu mənada şairin bu diyar haqqında yazdığı şeirlər içərisində başlıca yer tutan məşhur “Qafqaz” əsərində o, təkcə bu ölkənin gözəlliklərini, onu əsir edən füsunkar təbiət mənzərələrini vəsf etməklə qalmır. Bunlarla onun əsrarəngiz təbiətini, sehrkar relyef biçimlərini, dağ landşaftının möcüzəvi bədii, lakin çox dəqiq tərənnümünü verir.

Qafqaza – bu sehrkar diyara aid hər şey bir seyrçinin gözü önündə açıla biləcəyi miqyasda mövcuddur:

Qafqaz altımdadır, ən müdhiş olan zirvədə mən,
Tutmuşam tək uçurum, qarlı dağ üstündə qərar.
Qaraquş uçmağa qalxarsa uzaq bir təpədən
Nə qədər yüksək uçarsa, yenə dövrəmdə uçar... (Пушкин, 1959, s. 78).

Şairin Hərbi Gürcüstan yolunda canlı müşahidələri əsasında yazdığı bu şeirdə oxucu sanki Qafqaz dağlarının əbədən qarlı zirvələri, sakit-sakit köç edən lacivərd buludları, göyün mavi ənginliklərində qanad çalan qartalları, dağların döşünə qısılmış kəndləri, uçurumların üstündə otlayan qoyun-quzuları görür, altda, dərinlikdə isə çağlayan dəhşətli Terekin, “ov ehtirası ilə çırpınan aslantək” qorxunc nərələrini, güzgütək bərq vuran şəffaf Araqvani duyub dinləyir; qartal uçuşundan bütöv bir diyarı sanki o ucundan bu ucuna seyr edən şairin bu yüksəklikdə eşitdiyi səs isə yalnız və yalnız şlalələrin, qar uçqunlarının səsi, quşların bayram təranəli cəh-cəhidir. Şair əlvan rənglərlə nəqş olunmuş bu mənzərələrdə bütün Qafqazı oxucuya təqdim edir; sanki bu, bunların hamısı məğrur Qafqazdır, – deyir. Bunun kimi “Uçqun”, “Kazbekdə bir monastır” şeirlərində Qafqazın sərt təbiəti, nəhəng təsir qüvvəsi, şairin coşqun, emosional hissi-həvəsi, həyəcanı duyulur. Puşkin “Ruslan və Lyudmila” poemasının epiloqunda yenə “Qafqazın məğrur zirvələrini” yada salır; onun bakir və şahanə təbiətini anır. Puşkinin Qafqaza həsr etdiyi şeirlərinin başdan-başa hər biri ayrılıqda, həqiqətən, şairin mənzərə lirikası nümunələridir. Təbiət təsvirlərini əslində olduğu kimi əyani verməklə, şair bir çox hallarda onları öz fikirlərinin və ovqatının, habelə, onu məşğul edən ictimai ideyaların ifadə vasitəsinə çevirə bilirdi. Bundan ötrü o, ətraf aləmdən elə təbii hadisələr alıb götürür ki, özlüyündə şairanə təsvir üçün sanballı obyekt olmaqla bərabər, həm də ictimai həyatın müəyyən cəhətləri ilə müqayisələr aparmaqdan ötrü də yararlı material olmağa xidmət edirdi (Шумит Арагва предо мною, 1987, s. 138). Bir çoxları “Qafqaz” şeirində sətirləti mənə aramışlar; (xüsusən, birinci misra: Qafqaz altımdadır (Кавказ подо мною...) sözlərilə azad Qafqazın artıq əsarət altına düşməsinə işarə olduğunu düşünmüşlər. Lakin bu heç də belə deyildi; bunu başqa dəlillərə ehtiyac duymadan da göstərmək olar: şeirin sonunda şair açıqcasına çarizmin müstəmləkəçilik siyasətinin azad qafqazlı təbiəti ilə tutmadığını göstərirdi. Məhdud qanunların bu azadəliyi sıxmasını, bu hökmlər

altında xalqların məğrur ruhunun əzilib inləməsini, yad qüvvələrin onun sərbəstliyinə ağırlıq gətirdiyini çatdırırdı. Təəssüf ki, belə bir sonluq qaralama vərəqlərdə qalmış, şeirlə birlikdə çap olunmamışdır. Qafqaza ayaq basdığı andan bu diyarın zəngin təbiəti qədər də müxtəlif çeşidli əhali tərkibi bu rəngarəng çalar da möhtəşəm türk-müsəlman qatının nəzərəçar pacaq dərəcədə üstünlüyü onun diqqətini cəlb edirdi. Tiflisdə Türk hamamından və hamamçıdan vəcdlə danışır; yolboyu üstü möhürlü-tamğalı müsəlman məzarlıqlarından, Peterburqa getməkdə olan səfir heyətindən, artıq Ərzurum altında Qarabağlılardan, Şirvanlılardan bəhs etdiyi yerlər bizə bunu söyləməkdədir. Qafqazın tarixi, təbiəti, insanları (Çərkəzlər, Osetinlər, Türklər, Gürcülər, Ermənilər, Kalmıqlar, Kazaklar); ayrı-ayrı adamlarla görüşü – Hərbi Gürcüstan yolunun tikintisində gördüyü əsir türklər, Azərbaycan şairi Fazil xan Şeyda, Qacarlar şahzadəsi Xosrov Mirzə; şairin Qriboyedovun Tehrandan gətirilən cənazəsi ilə qarşılaşması, tez-tez sərhədlərdən sərhədlərə adlaması, “bir sıra yerli xalqlar, o cümlədən çərkəzlər barədə odlu-alovlu məşhur monoloqu və s. güclü epizodlarla eyni vaxtda haradasa lap yaxında döyüşlərin gətirdiyini duyursan” (Гаджиев, 1982, s. 106). Şair Şimali Qafqazda böyük nüfuza malik olan çərkəzlərə ayrıca bir diqqət və maraq nümayiş etdirir: “Çərkəzlər Quran vaizlərinin yaydıqları fanatizmə uymuşdular. Onların arasında Qafqazı Rus hakimiyyətinə qarşı ayağa qaldıran, fəvqəladə bir insan olan, nəhayət, bizim əlimizə keçən və Solovetski monastırında ölən Mənsur fərqlənirdi. Qafqaz özünün xristian missionerlərini gözləyir (“Ərzuruma səyahət”, I fəsil). Şairə görə, Rusiyanın Qafqaza yiyələnməsi, demək olar ki, başa çatıb; odur ki, bu ölkələrin xristianlaşmasına başlamaq vaxtıdır. Puşkinin bu ecazkar diyarla tanışlığı və şairənə duyğularının üzərinə başlamaqda olan, lakin nə zaman bitəcəyi bilinməyən müharibə kölgə salırdı; o nəyə baxmalı idisə də, savaş, istila prizmasından onu seyr etməli idi. Belə ki, Puşkinin çərkəzlər haqqında da bir növ planlı, düşünülmüş, eyni zamanda üstüörtülü fikirlərini onun “Ərzuruma səyahət” əsərindəki qeydləri geniş miqyasda təqdim edir: ümid etmək olar ki, Qara dənizin Şərq diyarlarını əldə etməyimizə çərkəzlərin Türkiyə ilə ticarətdən əllərini kəsmək olar; bu onları bizimlə yaxınlaşmağa məcbur edər... Bu məsələlər, şairin narahat polemikaları “Ərzuruma səyahət” əsərində geniş qoyulmuşdur. Məhz bunlara görə də Puşkinin qələmindən çıxan əsəri təkcə müəllifin yaradıcılığında deyil, həm də rus nəsrinin ilk realist nümunəsi saymaq olar. Beş fəsildən ibarət “Ərzuruma səyahət” əsərinin Qafqaz ölkələrindən bəhs edən ilk iki fəslə Qafqaza həsr edilmiş etnoqrafik oçerklərdən ibarətdir. “Odur ki, həqiqətən Qafqaz haqqında Puşkinin realist özəlliyə

malik “Ərzuruma səyahət” və “Tazit” əsəri mövzu genişliyinə görə yerli xalqların həyatı, məişəti, adətləri, mədəniyyəti, ətraf aləm, təbiəti haqqında yeni səhifələr açmaqla əsl Qafqaz ensiklopediyası oldu” (Гаджиев, 1982, s. 128) kimi fikirləri təsdiq etmək lazım gəlir. Heç təsadüfi deyil ki, şair xalqların azad ruhuna, onun müstəqillik amallarına bir qədər yaxınlaşmağa çalışır; məftunluqla bu yerlərin tarixinə və qəhrəmanlıqla dolu keçmişinə işıq tutur, bu tarixlə səsləşən yer adlarına böyük maraq nümayiş etdirir; sonralar “gürcüləşdirilən” və bununla Mtkvari adlandırılan Kür çayından, məğrur və əzəmətli Kazbek dağından, Elbrusdan, coşqun, dar yarğanlarla qısdırılaraq sıxışdırılmış dəli Terekdən vəcdə gəlir... Puşkinin Qafqaz haqqında fikirlərindəki ikili məqama fikir verilməlidir; bunlardan birincisində şair Qafqazla yaxınlaşmanı, yəni Rusiyanın onu öz himayəsinə almasını mühüm və vacib sayır. Fərqli münasibəti ifadə edən digər məqamlar isə şovinist xarakterli çıxışlarıdır. Bu ikili münasibət isə rusların Qafqaz xalqlarına, bu ərazinin türk-müsəlman əhalisinə tarixi münasibətlərini, məqsəd və məramlarındakı ziddiyyətli istiqamətləri ifadə etməkdədir. “Qroza Kafkaza”, “Sfinks” (Yermolov haqqında), “pılkıy Sisiyanov”, “biç Kavkaza” (Kotlyarevski) kimi Qafqazı istila edən generallar barədə epitetlərin görünməsi bu ideya ilə səsləşirdi. Puşkinin Qafqaz haqqındakı düşüncələri çar mütləqiyyətinin müstəmləkə planları olan “Qafqazın fəth edilməsi” siyasətinə uyğun gəlir. Puşkin də müasirləri kimi, o cümlədən Qriboyedov və dekabristlər, eləcə də Lermontov, hətta çarizmin siyasətinə açıq düşmən mövqeyində dayanan Polejayevo kimi Qafqazın Rusiyaya birləşdirilməsi ideyasının tərəfdarı idilər. Şair bununla Qafqaz xalqlarının yalnız güclü dövlət olan Rusiya ilə ittifaqda özünün dinc yaşayışını tapa biləcəyinə, Rus xalqı ilə dostluqda, onun böyük, köklü mədəniyyəti ilə qovuşmada inkişaf yoluna çıxacağına inanırdı (Шумит Арагва предо мною, 1987, 31-32). Bir tərəfdən isə istilaçı generalları vəsf edir; bu mənada Qafqazın, habelə, Azərbaycanın işğal olunmasında iştirak edən Kotlyarevskini tərənnüm edən misraları çox diqqətçəkicidir:

Ah! Kotlyarevski, Qafqazın qənimi
Qəhrəman! Səni vəsf edirəm mən.
Hara çarpdınsa aman vermədən
Sənin gəlişin qara azar kimi
Qırıb məhv eylədi qəbilələri. (Puşkin, 2023, s. 12).

Xaraktercə daha humanist olan şair Vyazemski şairdən – bu “istilaçı” nəğməkardan bərk incidi. O, Puşkinin ən sadıq dostu idi; buna baxmayaraq, bu ürək dostundan ürəyi qırıldı. A. Turgenevə (dekabristə) yazdığı məşhur məktubunda gileylərini dilə gətirirdi: “Poeziya – cəlladların müttəfiqi ola bilməz...”

Şairin Qafqaz ölkələrinə ilk dəfə gəlişi Yermolovun burada hakimiyyəti illərinə təsadüf edirdi; Puşkin bu diyara qədəm basarkən hakimi-mütləq Yermolovu – rus çarının canişinini və Qafqazda döyüşən Əlahiddə Qafqaz korpusu komandanını bir qəhrəman kimi mədh edir. Aleksey Petroviç Yermolov Vətən müharibəsinin (1812) əfsanəvi qəhrəmanı, Qafqaz xalqlarınınsa cəlladı kimi bir ad çıxarmışdı (Qafqazda xidmət illəri, 1816-1827). O, bu azad diyarı ram etməkdən ötrü bütöv aulları, kəndləri, meşələri yandırır yer üzündən silirdi; heç nəyə baxmadan qorxu yaratmaqdan ötrü nəsil başçılarını, Qafqaz ellərinin nüfuzlu kişilərini edam etdirir, dinc əhalini qılıncdan keçirirdi. Şairin onu bir qəhrəman kimi “Təslim ol Qafqaz: Yermolov gəlir”, – deyər vəsf etməsi tərəqqipərvər rus yazıçılarının böyük bir qismini ondan incik salmışdı. Lakin ikinci gəlişi ağır müharibə çağlarına düşən şair indi başqa cür düşünür. Oryol altında yolundan xeyli kənara çıxıb bu əməkdar sərkərdəni, təqaüddə olan əski generalı ziyarətə gedir, lakin o, bu görüşdən daha məmnun deyil. Onu sıxan bu qoca hərbcidə müşahidə etdiyi qeyri-səmimilikdir. “Kabinetinin divarından onun Qafqazdakı hakimiyyəti dövrünü xatırladan şaşka və xəncərlər asılmışdı...”. Şair bunu detalları ilə xatırlatmasa da, gözlərimiz önünə Qafqazı dar ağacları, yanğınlar, qırğınlar vasitəsi ilə “ram etmək” istəyən qəddar çar canişini Yermolov gəlir. Lakin şairin istilaçı hərbi adamından seçilməyən fikirləri, ehtiraslı şovinizminin üzərinə illər ötdükcə soyuq su çilənmişdir. Bu baxımdan fikirlərimizə aydınlıq gətirəcəyini güman etdiyimiz “Ərzuruma səyahət”in nəşrinə daxil edilməyən, əsərin əlyazma variantında saxlanan belə bir epizod da maraqlıdır: şair yolda onu ahənrüba kimi özünə çəkən coşqun Tereki seyr etdiyindən ləngiyir və mühafizəçilərləndən bir qədər geri qalır. Ona doğru qaçan əsgər şairi tələsdirərək:

- *Durmayın, zati-aliləri, öldürərlər... dedikdə şair:*

- *Nəyə görə?*

- *Elə-belə, heç nədən, öldürərlər, vəssalam. Ətraf hamısı düşmənlərdir.*

- *Düşmənlərdir? Kimin?*

- *Necə yəni, kimin? Bax indi sizə atəş açarlar, onda bilərsiniz kimin düşmənləridir.*

- *Deməli, onlar mənim, həm də sənin düş mənlərindir?*

- *Zati-aliləri, anlaşılmaz danışırırsınız...*

Əsgərə öyrədici məramını açmağın çətinliyini başa düşən Puşkin onun haradan olduğunu soruşduqda o, Ryazandan gəldiyini xəbər verir. Onda şair əsgərə: - Bax, bu dağlılar sənin kəndində olmuşlarmı? Sənin evini yandırmışlarmı? – deyə sorur. Bu xoşagəlməz söhbətin təhlükə saçan məğzinə gəlib çatdıqlarını başa düşən mü sahibini ondan uzaqlaşmağa çalışır: Allah bağışlasın, siz elə danışırırsınız ki..., – deyib gedə-gedə əlavə edir: zati-aliləri, bizim xidmətimiz belədir...

Bu sətirlərin əsərin nəşri zamanı niyə kənarda qaldığı aydın olur. Çarizmin Qafqazda istilaçılıq müharibəsinin əsl siması bu dialoq vasitəsi ilə açılırdı. “Qafqazın dincliyinə toxunmayın, bu dünyanın cənnətini də Fərat sahillərində aramayın”, – deyə ömrünün 8 ilini bu diyarda keçirən Rus ordusu zabiti şair Bestujev-Marlinski yəqin bu cənnətin məhz Qafqazda ola biləcəyini nəzərdə tutub yazırdı (Шумит Апарва предо мною, 1987, s. 14). Bu qayğılar böyük və dərin münasibətlər doğurmaqda idi.

Rus ədəbiyyatına ekzotik Qafqaz əsrarəngizliyi ilə dolu mövzular, süjetlər köçürülməyə başlamışdı, deyə neçənci dəfə təkrar etsək də, Qafqaz həqiqətən, bura gələn sənətkarların “Avropalaşan” Rusiyadan, xüsusən, coşqun paytaxt həyatından, onun şən əyləncələrindən ayrılaraq uzaqlaşdırılan, tənhalıq arayan, həm də tənhalığa məhkum olunmuş azad ürəklərin duyğularına dirilik gətirir, onların yaradıcılıq fantaziyalarını coşdururdu. Daha çox bədii xarakter daşıyan bu yazılarda, hətta mövzular özü xarakterinə görə Şərqli olur, özlərinin kədəri və dərin psixoloji motivləri ilə rus ədəbiyyatının digər nümunələrindən seçilirdi. Şərq hikməti, aforizm, Şərqdən əxz olunan gözəl hisslər: vəfa, etibar, qonaqpərvərlik, səxavət, dostluq... uzaq ölkələrin ərməğanları qədər qiymətli, eyni zamanda maraqlı təsir buraxırdı... (Təkəli, 2010, s. 92). Puşkinin dilindəki Rus ədəbi dilində möhkəm mövqeyə malik Türk sözləri ilə bərabər, yeni – şairin əsərlərində Qafqaz ölkələrindən əxz etdiyi yerli Türk sözləri: buncuk (bayraq), tabor, kazan, kaymak, şeptala, derbış, çinar, tanqa, çixir, bairan (bayram), kumis, delibaş, kibitka, çadra, amanat, duxan, çurek, abaz (abbasi), katır, burduk, papax, burka, kunak, şaşka, naqayka (qamçı “noqay” sözündən), aul, saklya, uzden (başçı), arkan, bulat (polad qılınc mənasında), habelə bu diyarın coğrafiyasını əks etdirən: Kuban, Tatartuba, Terek, Gərgər, Gümrü, Ananur, Qarabağ (Qarabağ atı, Qarabağ şərabi), Bozabdal, Arpaçay, Daryal, Araz, Kür, Beştau, Daryal, Minaret (kənd

adı), Kobi, Kazbek, Kaspi, Çatırdağ, Elburus... çox ehtimal ki, Rus oxucuları bu sözləri böyük əksəriyyətlə ilk dəfə Puşkin vasitəsilə eşitdilər. Şair Rus oxucularına bu diyarın indiyədək həmin cəmiyyətdə eşidilməmiş yerli adlarının da mənasını çatdırmaq istəyirdi. Belə ki, Dəryal dərəsinin füsunkar gözəlliklərinə valeh olmaqla yanaşı, onun adının da izahına girir; şair, sözün bir çoxlarının çarışa (bəzilərinə isə yolkəsən qadın) Darya adından törəndiyini iddia edənlərdən fərqli olaraq, bu lüğəvi vahiddə aşkarca görünən, fəqət bilərəkdən görməməzliyə vurulan dər “qapı, darvaza, alaqapı”; yal “yamac, dağətəyi” sözlərini görür, dağların döşündəki (dağ yalındakı) bu keçidin öz müstəsna relyefi ilə uyarlıq təşkil edən əsl məntiqli mənasını oxucularına çatdırır. Eləcə də bunun kimi Tiflis adının həqiqətən tiflis+qalar sözündən formalaşması barədə şairin yozumları da diqqəti çəkir. Qafqazda Rus hakimiyyətinin ilk çağlarındaca adı dəyişdirilib Vladıqafqaz qoyulan tarixi məntəqənin əski yerli adını işlədir: Biz Vladıqafqaza – dağların ön qapısı olan keçmiş Kapkaya yetişdik. (Ərzuruma səyahət, I fəsil). Belə nitq detalları təbiiliyi artırmağa, qorumağa kömək edirdi. Şairin işlətdiyi bu qəbildən olan bütün sözlər ekzotik məqsədlərlə əlaqədar işlədilmişdir. “Çünki başlıcası yerli və milli cizgiləri (siyasi həyat tərz, məişət həyatı, mərasimləri) ilə bağlı olan ekzotik leksikadan istifadə sırf dil tələbatı ilə deyil, mövzu ilə, nitq şəraiti ilə bağlı olur (Крысин, 1968, s. 39-40). Odur ki, ekzotik leksika müxtəlif xalqlara aid etnik anlayışları yaxınlaşdıran linqvistik vasitələr kimi maraq doğurur. Bu əlaqələrin güclənməsi səbəbilə rus dilində yazılan bədii əsərlərdə bu mühitdən çıxıb yayılmağa başlayan Türk mənşəli sözlərin axını da sürətləndirdi. Qafqazlarla birbaşa münasibət sırasında keçən bu sözlərin tərkibi dərhal ardınca Aleksandr Qriboyedov, Bestujev-Marlinski, Mixail Lermontov, Aleksandr Polejaye, Yakov Polonski, daha sonra Lev Tolstoy, Maksim Qorkinin; XX əsrin başlanğıcından isə Bunin, Bryusov, Balmont, Mayakovski, Yesenin, Pasternak, Aseyevin işlətməyə başladığı Türk sözlərilə daha da zənginləşib artdı. Bunlar Rus ədəbi dilində möhkəm və sabit yeri olan ümumi türkiizmlər sırasında ilk çağlarda tamam yeni görünsələr də, tədricən Rus oxucularının anladığı və nəhayət, ədəbi dilin tərkibində tam vətəndaşlıq hüququ qazanan lüğəvi vahidlərdən oldular. Puşkinin qarşılaşdığı Qafqaz mühiti türkcə ünsiyyət quran bir mühit idi; cəsarətlə demək olar ki, bu zaman Qafqazın ümumanlaşma vasitəsi – Türk dili idi. 1829-cu ilin avqustunda Puşkinlə Tiflisdəki görüşdə iştirak edən rus ordusu zabiti K. Savostyanov həmin ziyafət axşamını belə təsvir edir: Тут была зурна и тамаша и лезгинка и заунылая персидская песня и ахало и алаверды и якуш ол и... (Шадури, 1966, s. 68). Qafqazla bağlı həyatın,

məişətin, xüsusən, insanların özünün bütün koloriti, bütün xarakteri ilə verilməsində bu yerli sözlər digər vasitələrdən seçilir. Məhz bir növ şairin bəhrələndiyi Şərqi ənənəvi, ədəbi məhəbbət rəmzi olan “gül-bülbül” mövzusu 1820-ci ildən Rus ədəbiyyatına keçərək Rus məhəbbət lirikasının ayrılmaz hissəsi oldu (Гаджиев, 1989, s. 165). В безмолвии садов, весной, во мгле ночей Поэт над розою восточный соловей... (Пушкин, 1959, s. 93)

Puşkinin müasiri Aleksey Koltsov şairə nəzirə olaraq “Bülbül” şeirində (1831) yazırdı:

Пленившись розой, соловей
И день и ночь над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет... (Кольцов, 1984, с. 54).

Puşkinin coşqun lirikası könüllərdə əks-səda verdi, ilham çeşmələrini coşdurdu və belə “əks sədalar” istənilən qədər oldu. Puşkinin şeir qafiyəsinə xan-koran (və ya al-koran); Vostok- proroq-pesok-skaçok-platok-oqonyek; rozı-slezı; qarem-Edem; qarema-Zarema (Гаджиев, 1989, s. 95-97) əlavə olunan qafiyələr tezliklə şairin müasirlərinin şeirlərini də bəzədi. Şairin işlətdiyi “Çərkəz gözlü”, “Çərkəz qızı” (Çerkeşenka) tərkibləri “Qafqaz əsiri” poemasından sonra metafora çevrilmişdi və bir çox müasirləri kimi, Puşkin özü də bu ifadədən tez-tez istifadə edirdi; zorla uzaqlaşdırıldığı paytaxt həyatından, alışdığı dostlarından ötrü darıxan şair, sürgün olduğu Kişinyovdan qardaşına yazırdı: “...Mənə Çərkəz qızı İstominadan (şairin müasiri rəqqasə – müəll.) yaz ki, onun arxasınca Qafqaz əsiri kimi sürünürdüm”. (Пушкин, 1987, s. 232) “Puşkinin “Çərkəz qızı” Rus poeziyasında Şərq gözəlliyinin ənənəvi sinoniminə çevrildi və milli mənsubiyyət bildirən bu söz – kamil qadın gözəlliyinin simvolu kimi dərk edildi” (Гаджиев, 1989, s. 84). Bunun kimi onun şeirlərində və “Yevgeni Onegin” əsərində “Leyla” adı görünməyə başlayır: От меня вечор Лейла/ Равнодушно уходя və ya Я тень зову/ Я жду Лейлу və s. məqamlarda “Leyla” adı sevgili, məşuqə obrazlarını ifadə edir. (Təkəli, 2010, s. 31). Bu səfərlərdən sonra Puşkinin dilində Şərq koloriti daşıyan “təravətlidir cənub çöllərinin çiçəkləritək”, “əzizdir, sevimlidir xoş salam kimi”, “gülərüzlüdür dost baxışlarıtək” sayaq etnoqrafik məzmunlu ifadələr özünə yer tutur. Şübhə yoxdur ki, Qafqaz diyarının əzəmətli obrazını Rus ədəbiyyatına bir hadisə, bir tapıntı olaraq qazandıran məhz Puşkin olmuşdur.

NƏTİCƏ

Qeyd etdiyimiz kimi, şair Puşkin Qafqaz xalqlarının azad ruhuna, onun müstəqillik amallarına yaxınlaşmağa çalışır; məftuni bir həyəcanla bu yerlərin tarixinə və qəhrəmanlıqla dolu keçmişinə işıq tutur, eyni zamanda bu tarixlə səsleşən yer adlarına, türk sözlərinə böyük maraq nümayiş etdirir. Qafqazlarla get-gedə güclənən birbaşa münasibət sırasında Qafqaz mövzuları şair Puşkinin ardınca dərhal Aleksandr Qriboyedov, Bestujev-Marlinski, Mixail Lermontov, Aleksandr Polejaye, Yakov Polonski, daha sonra Lev Tolstoy, Maksim Qorkinin; XX əsrin başlarından isə Bunin, Bryusov, Balmont, Mayakovski, Yesenin, Pasternak, Aseyevin qələmilə daha da zənginləşdirildi və bu ölkələrdən keçən Türk sözlərinin tərkibi işlətməyə başladıkları yeni-yeni Türk sözlərilə daha da güclənib artdı. Beləliklə, Rus ədəbiyyatında Qafqaz tezliklə yeni mövzular, süjetlər, həm də yeni ilham mənbəyinə çevrilirdi və tezliklə də Rus ictimaiyyətinə çatdırılmaqla əski Şərqi məlumatların üzərində yeni məlumatlar əlavə edərək, Rus mühitində təsirli, güclü intibah doğururdu. Bu diyarın qocaman və rəngarəng çalarlı mədəniyyəti tərəqqipərvər Rus ziyalıları tərəfindən yüksək dərəcədə qəbul olunaraq əxz olunurdu. Bu təzəlik – Rus ədəbiyyatının qədim ənənələrindəki yeniləşmə və yeni məcraya girən siyasi-ictimai münasibətlərin daimiliyində artıq hər zaman özünü büruzə verməkdədir.

ƏDƏBİYYAT SİYAHISI

Puşkin, A. S. (2023). *Qafqaz əsiri (poema)*, Bakı, Qanun nəşriyyatı.

Təkəli, M. N. (2010). *Rus dilində Türk sözləri*, Bakı, Nurlar Yayınları.

Белинский, В. Г. (1974). *Избранные статьи*, Саратов, Изд-во Детская Литература.

Гаджиев, А. (1982). *Кавказ в русской литературе первой половины XIX века*, Баку, Изд-во Язычы.

Гаджиев, А. (1989). *Вокруг Пушкина*, Баку, Изд-во Язычы.

Кольцов, А. В. (1984). *Сочинения*, Москва, Изд-во Правда.

Крысин, Л. П. (1968). *Иноязычные слова в современном русском языке*, Москва, Изд-во Наука.

Пушкин, А. С. (1959—1962). *Собрание сочинений в 10 томах*, Том 1, М., ГИХЛ.

Пушкин, А. С. (1959—1962). *Собрание сочинений в 10 томах*, Том 2, Москва, ГИХЛ.

- Пушкин, А. С. (1987). *Сто стихотворений и десять писем*, Москва, Изд-во Молодая гвардия.
- Шадури, В. С. (1966). *Пушкин и грузинская общественность*, Тбилиси, Издательство “Литература да Хеловнеба”.
- Шумит Арагва предо мною. . . (1987). *150 лет со дня смерти А. С. Пушкина, Сб. Сост. Шадури В.С. 2-е изд., доп.*, Тбилиси, Мерани.

EASTERN TOPONYMS IN A. S. PUSHKIN’S TRAVELOGUE “JOURNEY TO ARZURUM”

Zeine Orazbekova, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Literature, Selcuk University, zeine.orazbekova@selcuk.edu.tr

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено использование восточных топонимов в травелогe А.С. Пушкина, с особым акцентом на Арзурум, где они используются для усиления идей о контрастах между Востоком и Западом, и как автор через них выражает свои мысли о столкновении культур, исторических эпох и философских направлений. В контексте данной статьи показано, как топонимы помогают Пушкину не только обозначить географию его путешествий, но и выстроить концептуальное пространство, в котором сталкиваются различные миры, культуры и идеологии, а также как эти элементы влияют на восприятие и развитие русской литературы в целом. Исследование топонимов поможет глубже понять, как географический контекст, не будучи прямым центром повествования, становится важным элементом в создании образа Востока и художественного мира Пушкина, насыщенного многозначными образами и символами.

Ключевые Слова: А. С. Пушкин, Восточные Топонимы, Травелог, Историческая Эпоха

ÖZET

Bu makale A. S. Puşkin’in seyahatnamesinde doğu toponimlerinin kullanımını incelemektedir. Puşkin, yer adlarının Doğu ile Batı arasındaki zıtlıkları pekiştirmek için kullanıldığı Erzurum’a özel bir vurgu yaparak yazarın kültürlerin çatışması, tarihsel dönemler ve felsefi eğilimler hakkındaki düşüncelerini bunlar aracılığıyla nasıl ifade ettiğini anlatıyor. Makale bağlamında yer adlarının Puşkin’in yalnızca seyahat ettiği coğrafyayı belirtmekle değil, aynı zamanda farklı dünyaların, kültürlerin ve ideolojilerin çarpıştığı kavramsal bir alan inşa etmesine nasıl yardımcı olduğu ve bu unsurların Puşkin’in algısını nasıl etkilediği ve genel olarak Rus edebiyatının gelişimini göstermektedir. Yer adlarının incelenmesi, anlatının

doğrudan merkezi olmaksızın coğrafi bağlamın, çok anlamlı imgeler ve sembollerle belirtilerek Doğu ve Puşkin'in sanatsal dünyasının imajını yaratmada nasıl önemli bir unsur haline geldiğini daha iyi anlamaya yardımcı olacaktır.

Anahtar Kelimeler: A. S. Puşkin, Doğu Yer Adları, Seyahatname, Tarihi Dönem

INTRODUCTION

One of the most significant moments in the life of A. S. Pushkin, reflecting his view of the East, is “Journey to Arzurum”. According to the genre-specific originality of “Journey to Arzurum” by A. S. Pushkin is defined as a travelogue essay - a description in vivid linguistic images of personally experienced Caucasian impressions during the Turkish campaign of 1829. The emergence of a travelogue was influenced by Victor Fontanier’s book “Travels to the East, undertaken on behalf of the French government,” where he not only sharply criticized the eastern policy of Nicholas I, but also ironically wrote about Pushkin, “who left the capital to sing of the exploits of his compatriots.” At the same time, the author emphasized that Pushkin, in the events he observed, “Found a plot not for a poem, but for a satire.” Indeed, in the memoirs of the French diplomat the very clash between Russia and Turkey is presented as a conflict between two backward barbarian empires, two eastern despotisms, equally hostile modern European civilization and indifferent to the fate of Christian minorities in the border areas.

This point of view was categorically unacceptable for Pushkin. Pushkin, responding to Fontana, stated that he went to the active army not to seek inspiration, and not for the shameless task of writing satires, concluding his “Preface” with the following words: “Accusation of ingratitude should not be left unchallenged, like insignificant criticism or literary abuse. That’s why I decided to print this preface and publish my travel notes, like everything that I wrote about the campaign of 1829.” Pushkin acted as a true patriot, and not a “neutral observer,” in his “Journey.” He painted a historically accurate picture of the war, showed its true heroes, paid tribute to the heroic actions of not only the Russian army, but also the local residents - Armenians, Georgians, Azerbaijanis.

Pushkin was able to understand the attitude of the Transcaucasian peoples to Russia, to give an objectively correct assessment of such an important historical event as the annexation of Armenia to Russia in 1828. The trip itself to the Caucasus, to Armenia, where the Russian army had been fighting valiantly for many years, was by no means of an accidental nature; it stood in the general plan of Pushkin's creative interests. Moreover, a chance meeting with Griboyedov's body becomes the center of the work. A.S. Griboyedov, a writer and diplomat, dies in Iran, and the Decembrists die nearby in exile. This fragment by A.S. Pushkin about Griboyedov is imbued with pity for the deceased, distrust of the very fact of the poet's death: "I didn't think I would ever meet our Griboyedov! I broke up with him last year, in St. Petersburg, before he left for Persia. He was sad and had strange premonitions. I don't know anything more enviable than the last years of his stormy life." A.S. Pushkin combines all this in his narration with a reflection on the fate of the poet. "Journey to Arzurum during the campaign of 1829" is a narrative about a seemingly insignificant episode in the poet's life. In addition, in it, Pushkin does not try to be an extremely accurate documentarian; he is, first, an artist who, stepping back, in detail gives a true general picture of what is happening- a large battle canvas. Moreover, it becomes a genuine discovery of a new genre of realistic prose: the travel essay as a true achievement of artistic literature.

MAIN PART

Pushkin and the East

For A.S. Pushkin (1799 -1837) the East was not only part of the world picture, but also an important element of Russian culture in the 19th century. At this time, Russia was actively developing relations with the East, especially with Turkey, Persia, the Arab world, as well as with India and China. Pushkin, as a representative of Russian classicism and romanticism, often turned to the oriental theme in his work, using it as a symbol of a different, mysterious reality.

In addition, he, as a witty and attentive observer, perceives the geographic map of the East not only as a collection of countries and cities, but also as a special territory, full of cultural and historical associations.

In this work, the author not only describes a journey through the territory, which at that time was part of the Ottoman Empire, but also, using eastern toponyms, creates an atmosphere of an alien and exotic reality for the Russian reader. Particular attention should be paid to how Pushkin uses toponyms and what meaning they give in the context of the work, as well as how they help shape the image of the East in the perception of the Russian reader of that time. In his work, Pushkin uses toponyms not only to indicate geographic points on the map, but also to convey the atmosphere of exoticism that he felt while in the eastern territories. The importance of eastern toponyms in “Journey to Arzurum” lies in the fact that they serve as a kind of cultural and symbolic markers through which Pushkin comprehends his trip and learns new, unexplored horizons.

The use of place names in the text is associated with Pushkin’s deep connection with the history and culture of the East. For example, the mention of Arzurum as a key point in the journey recalls a place where different cultural and geopolitical realities merge. For Pushkin, this city is not just a point on the map, but also a symbol of the East as a whole region, which is at the same time mysterious for him, and at the same time extremely important for understanding the whole picture of the world.

An important aspect is that Pushkin in his work presents eastern toponyms as something alien, mysterious, filled with special meaning and historical significance. This alien space is perceived as exotic; it is located outside the boundaries of the world that is familiar and familiar to the European consciousness.

Toponyms become not only a designation of a place, but also a tool for creating an image of a “different” world, which requires awareness, a research approach, and sometimes even an attempt to understand and feel its spirit. Moreover, place names in “Journey to Arzurum” become key elements that allow Pushkin to form a holistic and multi-layered image of the East. With their help, he not only indicates a geographical location, but also creates cultural and historical contexts, forcing the reader to imbue the spirit of the exotic reality that he is exploring.

Development of oriental motifs in the works of Pushkin I.S. Braginsky divides into periods: 1) Lyceum (1813-1817); 2) Petersburg (1817-1820); 3) Caucasian (1820-1824); Mikhailovsky (1824-1830). And in his opinion, in the poems of Pushkin’s

Lyceum and St. Petersburg periods, “the passion for pagan Greco-Roman ancient imagery is strong,” where the interest in the Eastern theme is still “not great”. Eastern motives, as noted by I.S. Braginsky, arise only from the beginning of his exile to the South (1820) under the influence of his meeting with the living East. In the poems of the subsequent period, the scientist notes that Pushkin’s attitude towards cultural heritage changes radically. The poet moves from external perceptions to showing the deep elements of his culture.

At the same time, according to Braginsky, to date, the development of the problem “Pushkin and the East” or “Western-Eastern synthesis” in Pushkin’s work has not yet been completed and is awaiting more and more researchers (Braginsky, 1974).

The toponyms that Pushkin uses in his travelogue help create an image not only of specific places, but also of the features of local life, traditions, as well as their relationship with Russia and Europe. In addition, in the eastern linguistic images in “Journey to Arzurum” a special role is played by onyms - toponyms and anthroponyms. In some cases, they are used by Pushkin for a panoramic reflection of perceived impressions, in others - to convey personal experiences.

The toponymy of “Journey to Arzurum” reflects the ancient history of the Caucasus: from the Sumerian-Babylonian influence to the contemporary Georgian, Armenian, Turkic and Persian names of Pushkin. Pushkin used geographical names of: a) countries; b) cities; c) villages; d) hydronyms; e) oronyms; e) natural landscapes and defensive structures. And the onomastic units used by the author in “The Journey...” are, first of all, proper names and surnames formed from words of Eastern origin, as well as toponyms reflecting the specific national specifics of the territories through which passed by A.S. Pushkin (Orazgalieva, 1990, p. 25). An example is his mention of many cities, such as Arzurum, Kars, Istanbul (Constantinople), Tiflis (present-day Tbilisi) and so on, in which he sees not only geographical landmarks, but also symbols of other cultures, alien to the European consciousness. Moreover, here, according to estimates, the onomastic on of A.S. Pushkin contains more than 50 toponyms, reflecting the specific national specifics of the territories through which A.S. Pushkin passed (Matytsina, 1999, p. 19).

Proper names play an important role in creating artistic images of a work, where they can indicate the time, place of action, as well as reconstructing the ethnic picture of the world. Thus, this work confirms the enormous influence of the East on the work of A.S. Pushkin and his worldview. With their help, Pushkin demonstrates the complex relationship between East and West, trying to understand how this exotic reality interacts with his own ideas about the world. More detailed information about these and other aspects of Orientalism in Russian literature of that era can be found in the scientific work “History of Oriental influence on the language of Russian fiction of the Pushkin era” (Abdalkarem, 2015, p. 18), which provides very important information about Oriental Pushkin's awareness. The position of D.I. Belkin is also shown in the scientific work: “The Concept of the East in the Works of Pushkin,” which gives a fair assessment of the main critical judgments about Eastern motifs in the works of A.S. Pushkin, the image of Pushkin's great-grandfather, Abram Hannibal, is examined in detail. There, many new materials on this problem are analyzed, which gives us a new idea about the breadth of Pushkin's knowledge, about the depth of his interest in the culture of the East (Belkin, 1965, p. 104). Moreover, according to many scientists, the theme of the East in the works of A.S. Pushkin has not yet been exhausted and it requires more in-depth research, especially in the light of today.

CONCLUSION

Artistically, Pushkin uses eastern place names as a means of creating a certain atmosphere. He often resorts to these geographical names to enrich the text and fill it with specific sounds, associations and images. For example, the mention of Arzurum or Tiflis evokes in the reader not only an idea of the geographical position of these cities, but also about the life taking place there, about history and culture, which is alien to him, since each geographical name functions as a marker that reveals there is another world in front of the reader. A world perhaps with different rules and values than those to which he is accustomed in Europe and the toponyms found in “Journey to Arzurum” become an important tool for conveying the image of the East that Pushkin builds in his work. These toponyms not only help to orient the reader geographically, but also create an emotional and cultural context, allowing one to see the mysterious East as a unique, multi-layered reality, rich in history and meaning.

REFERENCES

- Abdalkarem, N. D. (2015). *On The History Of The Oriental Influence On The Language Of Russian Fiction Of The Pushkin Era: Abstract Of Thesis*. 18 p., Voronezh.
- Belkin, D. I. (1965). The theme of the foreign East in the works of A.S. Pushkin. *Peoples of Asia and Africa*. No. 4, p. 104-116.
- Braginsky, I. S. (1974). *Problems of Oriental Studies. Current issues in Eastern literary studies*. 494 p., M., Nauka.
- Kuznetsova, I. M. (2011). *Pushkiniana: The East in the works of Pushkin*. M., Nauka.
- Levin, Yu. G. (2009). The East in the Perception of Pushkin. *Bulletin of Pushkin Studies*.
- Matytsina, L. N. (1999). Lexicon A.S. Pushkin according to the Morphonological Dictionary of the Language of A.S. Pushkin, *Issue. 24. pp. 19-28*. Voronezh.
- Orazgalieva, G. Sh. (1990). *Turkic-language place names in the prose of A.S. Pushkin: Author's abstract*. dis., Ph.D., Kazakh State University named after. S.M. Kirova, 25 p., Alma-Ata.
- Pushkin, A. S. (2014). *Journey to Arzurum*, Complete collected works. T. 6. M., RSL.

“ERZURUM YOLCULUĞU” ESERİNDEKİ EPİTETLER TEMELİNDE PUŞKİN’İN ORYANTALİST BAKIŞ AÇISI

Onur Aydın, Dr. Öğr. Üyesi, Anadolu Üniversitesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü,
onur_aydin@anadolu.edu.tr

ÖZET

Rus yazar ve şair Aleksandr Sergeyeviç Puşkin’in (1799-1837) “Erzurum Yolculuğu” (Путешествие в Арзрум) eserinde Doğu’ya ve Doğu halklarına karşı yaklaşımının nasıl olduğu sorusu hâlâ tartışmalı bir konudur. Bu konuya farklı bir bakış açısı kazandırmanın en iyi yollarından biri de Puşkin’in eserinde kullandığı epitetlerin analiz edilmesidir. Her epitet, yazarın duygu ve düşünce dünyasının sözcüklere yansımış hâlidir. Epitetlerin sıfatlardan başlıca farklı daha öznel, bireysel ve duygusal olmalarıdır. Epitetlerin çözümlenmesi sözcüklerin ve metinlerin daha iyi anlaşılabilmesine katkı sağlar. Çalışmayla “Erzurum Yolculuğu” eserinde Puşkin’in zihnindeki Doğu algısının ortaya çıkarılması amaçlanmıştır. Böylelikle yazarın Doğu ile ilgili görüşleri kendi ağzından dökülen ifadelerle daha doğru bir şekilde çözümlenebilecektir. Araştırmanın materyalini, Puşkin’in “Erzurum Yolculuğu” eserindeki Doğu ile ilgili epitetler oluşturmaktadır. Çalışmada eleştirel teoriden ve içerik analizinden yararlanılmıştır. Gerçekleştirilen inceleme neticesinde Puşkin’in doğa ve coğrafi tasvirlerde çoğunlukla olumlu ifadelerle yer verdiği, Doğu’ya ve onun değerlerine karşı küçümseyici bir tavrının bulunmadığı, adı geçen halklara bir bütün olarak hümanist bakış açısıyla yaklaştığı, kullanılan epitetler üzerinden ortaya konmuştur. Diğer yandan olumsuz epitetlerin varlığı da tespit edilmiştir ancak savaş durumunun var olması göz önünde bulundurulduğunda bunların sayısının oldukça sınırlı sayıda kalması dikkat çeken bir diğer unsur olarak not edilmiştir. Kullanılan olumsuz epitetlerin çoğunun bölgenin ya da yerel halkın yaşadığı olumsuz koşulları tasvir etmek ya da Doğu-Batı çatışmasının vurgulanmasında eleştirel bir unsur olarak kullanıldığı belirlenmiştir. Sonuç olarak, Puşkin’in eserinde olumlu epitetler daha çok Doğu ve Doğu halkları için, olumsuzlar ise, beklenenin aksine, savaşılan halklar için değil Batılı devletler için kullanılmıştır. Bu çalışma, Puşkin’in oryantalist bakış açısı üzerine farklı perspektifler sunmakta ve edebî incelemelerde dil bilgisel unsurlarının önemini vurgulamaktadır.

Anahtar Kelimeler: Epitet, Sıfat, Puşkin, Erzurum Yolculuğu, Oryantalizm.

АННОТАЦИЯ

Вопрос о том, как русский писатель и поэт Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837) относился к Востоку и восточным народам в своем произведении «Путешествие в Арзрум», до сих пор остается спорным. Одним из лучших средств рассмотрения этого вопроса с нового ракурса является анализ эпитетов, использованных Пушкиным в его произведении. Каждый эпитет — это отражение чувств и мыслей автора, воплощенное в слове. Эпитеты, в отличие от прилагательных, более субъективны, индивидуальны и эмоциональны. Анализ эпитетов способствует более глубокому пониманию слов и текста в целом. Целью данного исследования является выявление восприятия Востока Пушкиным, отраженного в его произведении «Путешествие в Арзрум». Таким образом, можно более точно проанализировать взгляды автора на Восток, основываясь на его собственных словах. Материалом исследования являются эпитеты, связанные с Востоком, использованные Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». В исследовании были использованы метод контент-анализа и критическая теория. В результате проведенного анализа было выявлено, что Пушкин в своих описаниях природы и географии в основном использует положительные эпитеты, не проявляет пренебрежительного отношения к Востоку и его ценностям, а также демонстрирует гуманистический подход к восточным народам. С другой стороны, во время исследования произведения было обнаружено наличие негативных эпитетов, которые свидетельствуют о военном конфликте. Однако их количество довольно ограничено. Было установлено, что большинство используемых негативных эпитетов связано с тяжелыми условиями жизни в регионе или местного населения, либо используются как критический элемент для подчеркивания противостояния между Востоком и Западом. Итак, можно сделать вывод, что в произведении Пушкина положительные эпитеты чаще всего используются по отношению к Востоку и восточным народам, а отрицательные, вопреки ожиданиям, применяются не к воюющим народам, а к западным государствам. Данное исследование предлагает новые перспективы на ориенталистский взгляд Пушкина и подчеркивает важность лингвистических элементов в литературных исследованиях.

Ключевые Слова: Эпитет, Имя Прилагательное, Пушкин, «Путешествие В Арзрум», Ориентализм.

ABSTRACT

The question of how the Russian writer and poet Alexander Sergeyevich Pushkin (1799-1837) viewed the East and Eastern peoples in his work “Journey to Erzurum” (Путешествие в Арзрум) remains a contentious issue. One of the best ways to gain a different perspective on this issue is to analyze the epithets used in Pushkin’s work. Each epithet is a reflection of the author’s emotions and thoughts, expressed in words. Epithets differ from adjectives primarily in that they are more subjective, individual, and emotional. Analyzing epithets contributes to a better understanding of words and texts. This study aims to reveal Pushkin’s perception of the East as reflected in his work “Journey to Erzurum”. Thus, the author’s views on the East can be more accurately analyzed based on his own words. The material of the study consists of the epithets related to the East used by Pushkin in “Journey to Erzurum”. Critical theory and content analysis were used in the study. As a result of the examination, it was revealed that Pushkin, in his descriptions of nature and geography, mostly uses positive expressions, does not show a condescending attitude towards the East and its values, and demonstrates a humanistic approach to the mentioned peoples. On the other hand, the existence of negative epithets has also been detected, but considering the existence of a war situation, the fact that their number is quite limited is another noteworthy aspect. It was determined that most of the few negative epithets used describe the negative conditions of the region or the local people, or are used as a critical element to emphasize the East-West conflict. In conclusion, in Pushkin’s work, positive epithets are more often used for the East and Eastern peoples, while negative ones, contrary to expectations, are not used for the warring peoples but for Western states. This study offers new perspectives on Pushkin’s orientalist viewpoint and emphasizes the importance of linguistic elements in literary studies.

Keywords: Epithet, Adjective, Pushkin, A Journey To Arzrum, Orientalism.

GİRİŞ

Geçmişte olduğu gibi günümüz dünyasında da kültürel farklılıklar çoğunlukla Doğu ve Batı kavramları üzerinden okunur. Bu yaklaşımda genellikle Batı daha olumlu, Doğu ise tam tersi bağlamda değerlendirilir. Bunun sonucunda Doğu-Batı

sentezi yapma çabaları dahi kimi zaman Doğu-Batı çatışkısı yaratılmasına neden olabilir. Bu görüşlerin oluşum süreci incelendiğinde *oryantalizm* kavramının ortaya atıldığı XIX. yüzyıla ayrı bir parantez açmak gerekir. Sözcük, Türk Dil Kurumu'nun Türkçe Sözlüğü'nde, “*Avrupa'ya göre doğuda yer alan ulusların dillerini, tarihlerini, kültür ve törelerini inceleyen bilim, şarkiyat*” (1998, s. 613), Türk Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi'nde ise “*din, dil, bilim, düşünce, sanat, tarih gibi alanlarda Doğu dünyasını inceleyen ve Doğu hakkında değer yargıları üreten Batı kaynaklı kurumsal faaliyet*” (Bulut, 2018, s. 428) olarak tanımlanır. Oryantalizmin, bünyesinde Batı'dan Doğu'ya karşı bir küçümseyici yaklaşımın ve misyoner faaliyetlerin de barındırdığı farklı bir yanı daha bulunur ancak bunu kapsam dışı bırakarak kısaca özetlemek gerekirse oryantalizm, Batı'dan Doğu'ya bakmak olarak ifade edilebilir.

Oryantalizm kavramının ortaya çıktığı dönemlerde Rusya'da Doğu'ya karşı ilgi artar. Rus şair A. S. Puşkin, 1828 yılında patlak veren Osmanlı-Rus Savaşı'nı fırsat bilerek önce Kafkasya'ya ardından da Osmanlı topraklarına, Erzurum'a kadar gelir. Herhangi bir askerî görevi bulunmayan şair, edindiği izlenimlerini “1829 Seferi Sırasında Erzurum Yolculuğu”⁶ adlı eserinde bir araya getirir. Çalışmasında betimlediği canlı sahnelerle Puşkin, adından söz ettirir. Araştırmacı Tuncer Gülensoy, bu durumu, “*sanki beraber yolculuk yapıyorsunuz*” şeklinde tasvir eder (2010, s. 20). Rus edebiyat bilimci Yuriy N. Tınyanov'a (1894-1943) göre, Lev N. Tolstoy'un (1828-1910) *Savaş ve Barış* romanındaki savaş tasvirleri, Puşkin'in nesir sanatından, özellikle de “Erzurum Yolculuğu” eserinden, izler taşır (Тынянов, 1936, s. 67). Bu görüşün temelinde, Tolstoy gibi Puşkin'in de eserinde daha nesnel bir üslup benimsemesi yatar.

‘Rus milli şairi’ olarak nitelendirilen Puşkin, adı geçen eserinde kazanılan zaferi betimleyen ifadelerle yeteri kadar yer vermediği gerekçesiyle Rusya'da eleştirilir. Ülkemizde ise genel olarak Türk ve Kafkas halklarına ve onların kültürlerine daha ılımlı yaklaştığı için yazara karşı olumsuz bir tavır sergilenmez. Çalışma kapsamında Puşkin'in “Erzurum Yolculuğu” eserinde Puşkin'in Osmanlı ve Doğu'ya, ayrıca Türk ve Doğu kültürüne nasıl yaklaştığı sorusuna yanıt aranacaktır. Eleştirel teori ve içerik analizi aracılığıyla eserdeki Türk ve Doğu halklarını ve onların kültürlerini niteleyen sıfat türündeki epitetler analiz edilecektir. Çalışmada Puşkin'in

⁶ Eserin tam adı “1829 Seferi Sırasında Erzurum Yolculuğu” olsa da genellikle “Erzurum Yolculuğu” olarak kullanılır.

“Erzurum Yolculuğu” eseri özelinde oryantalist bakış açısının ortaya konması hedeflenmektedir.

Örneklerle Rusçada Epitet ve Sıfat Farkı

Epitet kavramı, “eklenen”, “ilave edilen” anlamına gelen Yunanca *ἐπίθετον* (*epitheton*) sözcüğünden türer (Москвин, 2016, s. 228). Cümlede genellikle sıfat biçiminde olduğu kabul edilse de epitetler isim, zarf, sayı, fiil gibi farklı sözcük türlerinde de karşımıza çıkabilir. O hâlde bir epitetin görünüş ve biçim açısından daha çok içerik ve anlam yönleriyle incelenmesi gerekir. Bununla beraber bir sözcüğün epitet olarak sayılmasının birtakım gereklilikleri bulunur. Bunun ayırımına varabilmek için ilk olarak sözlüklere göz atmak yararlı olacaktır.

Dimitris N. Stavropoulos’un editörü olduğu “Oxford Greek-English Learner’s Dictionary”de *epitheton* sözcüğü *1-sıfat, epitet, 2-soyadı, 3-lakap* anlamlarına karşılık gelirken (2010, s. 322), Sally Wehmeier’in baş editörlüğünü yaptığı “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”de epitet, “*1-bahsedilen kişi ya da nesnenin karakteristik özelliği olarak kabul edilen bir niteliği ya da özelliği işaret eden bir sıfat ya da ifade, 2-(özellikle isimler için) bir kişi veya insan grubu hakkında kullanılan saldırgan bir sözcük ya da ifade*” olarak açıklanır (2005, s. 513). Aleksandr N. Nikolyukin’in (1928-2023) baş redaktörlüğünü yaptığı “Edebiyat Kavramları ve Terimleri Ansiklopedisi”nde epitete, “*sanat ve üslupla ilgili bir tarz: imgesel bir tanımlama*” şeklinde yer verilir (Николюкин, 2001, s. 1235). Rus dil ve sözlük bilimci Dmitriy N. Uşakov (1873-1942) ise, edebî anlamda epiteti, “*mecazlı şiirsel araçlardan biri, daha fazla imgesellik için nesnenin önüne eklenen bir niteleme*” olarak açıklar (Ушаков, 2013, s. 788). Nikolyukin’in adı geçen ansiklopedisinde iki tür epitetten söz edilir. Bunlardan ilki nesnenin ya da kişinin sürekli var olan bir özelliğinin süslenmesini, diğeri ise nesne ya da kişi için yapılmak istenen tasvirin belirli bir amaçla öne çıkarılmasını sağlayan epitettir. ‘Süsleyici’ epitet daha çok sözlü halk edebiyatında, ikincisi ise bireysel ve özgün kullanımda daha yaygındır (Николюкин, 2001, s. 1236). Dil bilimci Vasiliy P. Moskvın’in (1957-) “Şiir Sanatının Dili. Teknikler ve Stiller. Terminolojik Sözlük” adlı kitabında epitet, “*nesnenin sanatsal tasviri ve duygusal-imesel yorumu görevlerini yerine getiren açıklayıcı bir tanımlama*” şeklinde belirtilir (Москвин, 2016, s. 228). Moskvın, epitetleri işlevine göre betimsel (*чёрная скала/kara kaya*) ya da duygusal (*печальная звезда/hüzünlü yıldız*), anlamına göre düz (*зелёный лес/yeşil orman*)

ya da mecaz (золотой луч/altın renkli ışın) ve renk gösteren (лазурное небо/mavi gökyüzü) ya da değerlendirici (золотой век/altın çağ) olarak sınıflandırır (Москвин, 2016, s. 229). Türkiye’de epitet üzerine öncü çalışmalar yapan araştırmacı İlhan Başgöz ise epiteti, “bir ismi veya folklor araştırmalarında kahramanın ismini bir sıfatla veya isimle veya sıfat cümlesi ile tamamlayan söz ve cümlelere verilen addır” şeklinde ifade eder (1998, s. 35).

Rus dilinde sıfat ve epitet birbiriyle sıkça karıştırılan iki kavramdır. Her ikisinin de cümledeki görevi aynıdır, yani her ikisi de bir ismi niteler, tanımlar ya da açıklar. Her ikisi de cümlelerin öğelerinden Türkçede bulunmayan *sıfat niteliğinde cümlelerin ögesi* (определение) olarak kabul edilir. *Sözcük türü* (части речи) olaraksa her ikisi de *sıfat* (имя прилагательное) başlığı altında incelenir. Sonuç olarak her epitet, sıfat olarak değerlendirilirken her sıfat, epitet niteliği taşımayabilir. Peki, bu iki kavramı birbirinden ayıran özellikler nedir?

Tablo 1. Sıfat ve Epitet Farkı (Жданович, 2007, s. 79-83, Москвин, 2011, s. 1-5; Ушаков, 2013, s. 788; Beqiraj, 2023, s. 148-149)

Başlık	Sıfat	Epitet
Amaç	Nitelediği ismi tanımlamak, ismin belirgin bir özelliğini açıklamak	Nitelediği ismi dikkat çekici hâle getirmek, ismin farklı bir özelliğini vurgulamak
Anlam	Daha nesnel ve genel geçer anlam taşır.	Daha öznel ve bireysel anlam taşır.
Dil	Standart bir dil kullanılır.	İmgesel bir dil kullanılır.
İfade	Daha nötr bir üslupla kullanılır.	Duygusal bir aktarım vardır.
İşlev	Tanımlamak, nitelemek	Edebî etki oluşturmak
Kullanım	Her alanda kullanılır.	Daha çok edebî eserlerde kullanılır.
Okur	Okura bilgi verilir.	Okurun dikkati çekilir.
Yazar	Metne mesafeli durur.	Metne dâhil olur.

Görüldüğü üzere sıfat ve epitetin çeşitli başlıklar altında farklı ayırt edici özellikleri bulunur. Kendine özgü özelliklerini yitirdiğinde epitet nötr bir sıfata

dönüşürken nötr bir sıfat da öznel bir yaklaşım, duygusal bir yargı içerip edebî bir imgeyi şekillendiriyorsa epiteye dönüşebilir.

- *белый* yalnızca bir renk gösterdiğinde nötr bir sıfatken masumiyeti, temizliği ve saflığı ifade ederken epitet olur.
- *черный* yalnızca bir renk gösterdiğinde nötr bir sıfatken karanlığı, tehlikeyi ve kötülüğü ifade ederken epitet olur.
- *бархатная ткань* eşyanın hangi materyalden olduğunu açıkladığından nötr sıfatken *бархатный голос* sesin güzelliğini, yumuşaklığını, tınısını tasvir ettiği için bir epitettir.
- *голубое небо* göğün standart rengini belirttiğinden nötr sıfatken *вечное небо* göğün sonsuzluğunu, yüceliğini gösterdiği için bir epitettir.
- *зелёная трава* çimenlerin, otların sadece rengini standart bir sıfat ile aktarırken *изумрудная трава* ise oluşan rengin zümrüt gibi güzelliğini, parlaklığını tasvir eder.
- *золотой браслет* eşyanın hangi materyalden olduğunu gösterdiğinden nötr sıfatken *золотые волосы* güzelliği, parlaklığı tasvir ettiği için bir epitettir.
- *каменный дом* evin hangi malzeme kullanılarak yapıldığını açıkladığından nötr sıfatken *каменное сердце* sert, duygusuz, ruhsuz bir kişiliği tasvir ettiği için bir epitettir.
- *красная шапочка* eşyanın rengini gösterdiğinde nötr sıfatken *красная площадь* Moskova ve Rusya'nın sembolü, merkezi, kalbi olduğu için bir epitettir.
- *новая одежда* eşyanın yeniliğini belirttiğinde nötr sıfatken *новый день* umudu, yeni bir başlangıcı ifade ettiği için bir epitettir.
- *тонкий компьютер* eşyanın kalın olmadığını gösterdiğinde nötr sıfatken *тонкий вкус* zarafeti, tecrübeyi, *тонкий юмор* zekâyı yansıttığı için bir epitettir.
- *холодная вода* soğuk su anlamına gelirken ve standart bir sıfat ile kullanılırken *ледяная вода* ifadesi ise bir epitettir, çünkü suyun buz gibi, çok soğuk olduğunu gösterir.

Örneklerden anlaşılacağı üzere nötr durumda olan bir sıfata vurgu, etki bırakma ve dikkat çekme gibi işlevleriyle bireysel yorum, kültürel sembol ya da mecazi anlam yüklendiğinde, bazen de sonrasına yeni sözcükler eklendiğinde onunla

bir çift ya da söz öbeği oluşturarak o sıfat epitete dönüşebilir. Bir başka deyişle bir sıfat, yazar ya da şairin kaleminden çıkıp kâğıda dökülürken bir anlam değişimi sürecini yaşayıp epitet hâlini alabilir.

“Erzurum Yolculuğu” Adlı Eserde Doğu ve Türkiye ile İlgili Epitetlerin Analizi

Her epitet, yazarın duygu ve düşüncelerinin bir ürünü olarak, yaratıcısının iç ve dış dünya ile kurduğu ilişkiyi yansıtır, böylelikle de edebî metne anlam ve zenginlik katar. Araştırmacı İlhan Başgöz, *Dede Korkut Destanında Epitetler* adlı makalesinde epitetlerin hiçbir zaman gelişigüzel seçilip metne eklenmediğini ve sanıldığından çok daha fazla sosyolojik temelli olduğunu iddia eder (1998, s. 29). Bir diğer araştırmacı Salahaddin Bekki ise *Türkiye’de Epitetler Üzerinde Yapılan Çalışmalar ve Köroğlu’nun Bir Şiirinin Tahlili* başlıklı makalesinde epitetlerin edebî eser analizindeki yararlılığına ve metin çözümlemesindeki anahtar rolüne dikkat çeker (2012, s. 212).

“Erzurum Yolculuğu”nda Puşkin, genel olarak yolculuğun zorluklarını ve doğanın güzelliklerini yansıtan epitelere yer verir. Bu epitetler, eserin genel tonunu şekillendirmede önemli bir role sahiptir. Eserde kullanılan epitetleri sınıflandırmak gerekirse; doğa teması, Doğu motifi ve Doğu imgesi, Türk imgesi ve Türk motifi olarak gruplandırılabilir. Bu bağlamda eserin Rusça orijinalinde yer verilmiş sıfat niteliğinde cümlelerin ögesi olan ya da onunla söz öbeği oluşturan epitetler ile onların Türkçeye çevirileri ve detaylı analizleri şu şekildedir:

Doğu’nun tarihi ve doğası için kullanılan epitetler:

снежный Кавказ (karlı Kafkasya, Пушкин, 1960, s. 419): Kafkas Dağlarının yalnızca karlı oluşu değil aynı zamanda temiz ve ihtişamlı görüntüsü de aktarılır.

шумные волны (gürültülü dalgalar, s. 422): Terek Nehri’nin akışı için söylenir. Güçlü dalgaları ile nehir, çevresinde gürültü çıkarır.

мрачная прелесть природы (doğanın kasvetli çekiciliği, s. 422): Doğanın güzelliği ve korkunçluğu bir arada verilir.

черные вершины (kara zirveler, s. 422): Tepelerin karanlık olmasının insanın içine korku saldığı paylaşılır.

параллельными стенами (*paralel duvarlar gibi*, s. 423): Dağlar arasındaki dar bir geçidin insan ruhu üzerindeki etkisi yansıtılır.

яростный поток (*şiddetli akıntı*, s. 424): Yağmurlardan sonra dağların arasından güçlü suların aktığı dere yatağı için kullanılır. Kişileştirme sanatına başvurarak yazar, Kafkasya doğasının çetin yapısını ve suyun güçlü akışını tasvir eder.

светлые долины (*aydınlık vadiler*, s. 427): Gürcistan'ın doğası için söylenir. Doğanın güzelliği, iç açıcılığı ve canlılığı betimlenir.

орошаемый веселой Арагвою (*neşeli Aragvi ile sulanan*, s. 427): Gürcistan'ın ovaları için söylenir. Epitet, Aragvi Nehri'nin suyunun enerjik, yaşam dolu ve neşe saçıcı etkisini simgeler.

недвижный воздух (*durgun hava*, s. 432): Tiflis'in havası kastedilir. Kenti çevreleyen dağların Tiflis'in havasını boğucu hâle getirdiğini anlatır.

опаленная Грузия (*kavrulmuş Gürcistan*, s. 434): Gürcistan'ın sıcak ve sert iklimi için söylenir.

злачные зеленые нивы (*bereketli yeşil tarlalar*, s. 434): Ermenistan'ın verimli toprakları için söylenir.

цветущая пустыня (*çiçek açan çöl*, s. 434): Ermenistan doğasının paradoksal güzelliği için söylenir.

прекрасная земля (*güzel topraklar*, s. 436): Doğu'nun bereketli ve güzel toprakları için söylenir.

знойная Грузия (*kavurucu Gürcistan*, s. 460): Yazarın Ermenistan'ın yüksek ovalarından Gürcistan sığına inince karşılaştığı hava değişimi betimlenir.

белые оборванные тучи (*beyaz yırtık pırtık bulutlar*, s. 461): Gürcistan'daki Kazbek Dağı'nın yanından geçerken yazarın gördüğü bulutlardır. Vahşi doğanın gücü anlatılır.

грозно ревеливший Терек (*kükreyen Terek*, s. 461): Terek Irmağı için kullanılır. Onun azameti ve gürültülü su akışı tasvir edilir.

Бешеная Балка (*kudurmuş Balka*, s. 461): Gürcistan'daki Balka Nehri için kullanılır. Doğanın kontrol edilemeyen ve önüne geçilemeyen gücü betimlenir.

Doğu kültürünü yansıtan epitetler:

памятник римских походов (*Roma seferleri anıtı*, s. 428): Tiflis'teki Kura Nehri üzerine Romalı askerlerin düzenlediği seferler anısına inşa edilen köprü için kullanılır. Ayrıca bölgenin kültürel ve tarihsel geçmişinin önemine dikkat çekilir.

славные Тифлиссские бани (*şanlı Tiflis hamamları*, s. 429): Tiflis'in hamamları için söylenir. Onların güzelliği ve ihtişamı vurgulanır.

азиатские строения (*Asya tarzı yapılar*, s. 429): Tiflis'in mimari özellikleri için kullanılır. Yapıların Doğu kültürünü yansıttığı aktarılır.

восточная бессмыслица (*Doğu'ya özgü anlamsızlık*, s. 431): Gürcü şarkı sözleri için kullanılır. Batı'dan bakıldığında o şarkılarının anlaşılamadığı aktarılır.

европейская архитектура (*Avrupa mimarisi*, s. 432): Tiflis'in kuzeyindeki yapılar için söylenir. Doğu-Batı karşıtlığı ve sentezi bir arada sunulur.

несчастный Кларенс (*talihsiz Clarence*, s. 432): İngiltere Clarence Dükü'nün, kardeşi Kral IV. Edward tarafından şarap fıçısında boğulmasına gönderme yapılır. Kafkasya'nın zengin şarap kültürünün beraberinde birtakım tehlikeleri de taşıdığı anlatılır.

оружие тифлисское (*Tiflis silahları*, s. 432): Tiflis'te üretilen silahlar için söylenir. Onların kaliteli olduğunun ve ticari öneminin altı çizilir.

проклятый чюрек (*lanet olası çörek*, s. 438): Ermeni çöreği için söylenir. Yazar hiç beğenmediğini ifade eder.

Doğu halkları için kullanılan epitetler:

неукротимые кобылицы (evcilleştirilemeyen kısraklar, s. 417): Kalmukların⁷ atları için söylenir. Esasen kastedilen, o coğrafyada yaşayan Kalmuk halkının özgürlüğüne düşkün olmasıdır.

степная Цирцея (bozkırın Kirke'si, s. 417): Kalmuk kadınları için söylenir. Bozkırda hem bir güzellik hem de bir tehlike sembolüdür. İnsanları hayvanlara dönüştürme becerisi olan Kirke, Yunan mitolojisinde büyücü kadın ya da bazen de cadı olarak geçer (Dell, 2016, s. 76), doğa ve kadının iç içe geçmiş hâli, gücünü doğadan alan bir büyücüdür (Tokdemir Özüdoğru, 2020, s. 1368). Puşkin'in 1819 yılında yazdığı *Деревня* şiirinde de *Я твой: я променял порочный двор цирцей* dizesiyle şair, çarın sarayını büyücü Kirke'nin sarayına benzetir (Пушкин, 1997, s. 31).

легкий, одинокий минарет (ince ve yalnız minare, s. 419): Bir Tatar köyündeki minare için söylenir. Yok olmuş, terk edilmiş bir köyün insansız, yalnız kalışı tasvir edilir.

зараженный пенел (enfekte olmuş kül, s. 419): Tatar köyündeki veba yüzünden ölen birçok insanın yattığı mezar alanı için kullanılır.

хищный внук (yırtıcı torun, s. 420): Çerkez halkının yırtıcı ve vahşi yapısı için kullanılır.

дикое рыцарство (barbar şövalyelik, s. 420): Çerkezlerin savaşçı ruhu, barbar ancak cesur olmaları ifade edilir.

убийство — простое телодвижение (cinayet basit bir hareket, s. 420): Çerkezlerin kolaylıkla bir insan öldürebilecekleri için söylenir. Yine barbar ve vahşi yönleri öne çıkarılır.

ужасное бесчеловечие (korkunç bir insafsızlık, s. 420): Çerkezlerin esirlere acımasızca davrandıklarını anlatır.

деятельный фанатизм апостолов Корана (Kuran'ın apostollerinin etkin fanatizmi, s. 421): Çerkezlerin ve diğer Kafkas halklarının İslam'a karşı sıkı sıkıya bağlı olmaları ve bu uğurda hiç çekinmeden savaşabileceklerini açıklar.

⁷ XV. yüzyılda imparatorluk kuran Moğolların bir kabilesidir. 1724 yılında Rusya'ya bağlanan Kalmuklar, bugün Rusya Federasyonu'na bağlı Kalmuk Özerk Cumhuriyeti'nde yaşamaktadır (Bkz. Uydu Yücel, 2001, s. 267-268).

в жалком положении (çaresiz durumda, s. 421): Çerkez çocuklarının uygun olmayan koşullarda yaşamak zorunda olmaları ifade edilir.

в отвратительной нечистоте (korkunç kir içinde, s. 421): Çerkez çocuklarının sağlıklı koşullarda büyütüldüğü aktarılır.

деревянные колодки (ahşap prangalar, s. 421): Çerkez çocuklarının şiddet gördüğü, özgürlüklerinin kısıtlandığı anlatılır.

самое бедное племя (en fakir kabile, s. 421): Osetlerin maddi bakımdan kötü durumunu söylemek için kullanılır. Kafkasların en fakir halkı oldukları vurgulanır.

полунагие (yarı çıplaklar, s. 421): Osetlerin giyim tarzı için söylenir. Diğer yandan kıyafetlerinin dahi bir fakirlik göstergesi olduğu kastedilir.

низенькие осетинские мельницы (alçak Osetya değirmenleri, s. 422): Osetlerin değirmenlerinin basit ve ilkel olduğu ifade edilir. Ayrıca *собачьи конуры* (köpek kulübelere benzeyen): epitetiyle bu görüşünü destekler.

черный хлеб (kara ekmek, s. 423): Türk esirlerin kara ekmekten şikâyet ettiği aktarılır. Kullanılan kültürel epitle, Türkler ve Ruslar arasındaki yemek kültürünün farkına dikkat çekilir.

пузастый бурдюк (basık ve geniş içki tulumu, s. 424): Gürcülere ait geleneksel içki tulumunun açıklayan kültürel bir epittir. Epitle tulumun büyüklüğü ve biçimsizliği vurgulanır.

грузинское гостеприимство (Gürcü misafirperverliği, s. 428): Gürcüler için olumlu bir özellik olarak söylenir.

воинственный народ (savaşçı halk, s. 431): Gürcüler için kullanılır. Onların savaşçı ve direnişçi bir halk olduğu anlatılır.

тихое, потаенное сокровище (sessiz, gizli hazine, s. 431): Gürcü kültürü ve insanları için söylenir. Onlar henüz keşfedilmemiş bir hazineye benzetilir.

*бедные сакли*⁸ (*sefil kulübeler*, s. 433): Gürcü köylerindeki evler için söylenir. Halkın fakirlik ve yokluk içinde yaşadığı kastedilir.

любезный и веселый (*hoş ve neşeli*, s. 460): Tiflis'teki insan topluluğu için kullanılır. Savaş ortamından uzaklaşan yazarın yeni ruh hâlini yansıtır.

умная учтивость порядочного человека (*edepli bir insanın zekâ ürünü nezaketi*, s. 424): İranlı şair Fazıl Han için söylenir. En başta onu küçük gören Puşkin'in aldığı yanıt karşısında utanmasının ardından Doğu kültürünü küçümsememesini öğrendiği durumudur.

необыкновенный человек (*olağanüstü bir adam*, s. 421): Çeçen lider Şeyh Mansur'un karakteri için söylenir. Bu kişi, Kafkasya'da Rusya karşıtı çıkan isyanlarda önemli rol oynar.

молодой азиатец (*genç Asyalı*, s. 427): İran tahtının varisi Hozrev Mirza için söylenir. Onun kortejine yapılan saldırı karşısında gösterdiği cesaret Ruslar arasında da takdir toplar. Onun toy ve dinamik karakteri öne çıkarılır.

пестрые лохмотья (*rengarenk yırtık kıyafetler*, s. 435): Ermeni köyündeki kadınların yırtık kıyafetlerini bir yandan içlerindeki canlılığı ve renkliliği aktarır.

обезглавленный и обрубленный (*kellesi ve kolu kesilmiş*, s. 443): Öldürülen Kozak askeri için kullanılır. Savaşın vahşeti ve acımasızlığına dikkat çekilir.

пустая баснь (*boş bir fabl*, s. 444): Yezîdîlerin şeytana taptıklarını reddeden bir açıklamadır.

необыкновенная картина (*olağanüstü bir manzara*, s. 448): Bir Tatar beyinin ölmekte olduğu sahne için kullanılır. Yanı başında bir molla durmakta ve dua okumaktadır. Yazar savaşın dramatik ve insanî yönünü bu sahneyle öne çıkarır.

Türk halkı, doğası ve kültürü için kullanılan epitetler:

темная ночь (*karanlık gece*, s. 437): Kars sınırında geceleyen Puşkin, gecenin bilinmezliğini ve tehlikeli oluşunu betimler.

⁸ Kafkasyalı dağlıların evlerine Rusların verdiği addır (Ожегов & Шведова, 2006, s. 692).

библейская гора (kutsal kitaplarda geçen dağ, s. 437): Ağrı Dağı için söylenir. Dağın önemine ve kutsal sayılmasına yönelik önemi vurgulanır.

ужасный говорун (korkunç geveze, s. 438): Türk rehber için kullanılır. Onun çok fazla konuştuğu ve anlaşılamadığı kastedilir.

дурная турецкая мостовая (kötü Türk kaldırımı, s. 439): Kars'ın yolları için kullanılır. Çok bozuk olmalarından dolayı atların ilerlemekte zorlandıkları tasvir edilir.

верх поваренного искусства (aşçılık sanatının zirvesi, s. 440): Puşkin'in yediği kuzu eti için söylenir. Bölgenin yemek kültürüne bir övgü niteliğindedir.

неприступная скала (ulaşılması imkânsız kaya, s. 440): Kars Kalesi için söylenir. Kalenin konumunun stratejik öneminin, coğrafi zorluğunun, kazanılan zaferin büyüklüğünün altı çizilir.

азиатские черты (Asyalı yüz hatları, s. 440): Türk askeri için kullanılır. Onun Doğulu fiziksel özellikleri vurgulanır.

печальные сосны (kasvetli çamlar, s. 442): Kars doğasının savaşın ortasındaki soğuk ve yalnız havasını tasvir eder.

блестящий убор коней (parlak at koşum takımları, s. 443): Türk askerlerinin atları için söylenir. Özenle süslenmiş atların Türkler için önemini altı çizilir.

бледное девическое лицо (solgun, genç bir kız yüzü, s. 445): Genç bir Türk askeri için söylenir. Savaşın masum insanları katleden acımasız doğası, genç bir kız benzetmesiyle tarif edilir.

безвредный огонь (zararsız ateş, s. 447): Türklerin saldırı gücü için söylenir. Türklerin savaş gücünü kaybetmekte ve Rusların güvende olduğunu açıklar.

темные развалины (karanlık yıkıntılar, s. 450): Yıkılmış bir kervansaray için kullanılır. Geçmişin parlak izleri savaşla tarihe gömülür.

увенчанная крепостью (bir kale ile taçlanmış, s. 451): Erzurum için söylenir. Hasankale'nin kent açısından önemi vurgulanır.

грустный вид (hüzünlü bir manzara, s. 451): Erzurum'daki Akdağ için kullanılır. Yalnızlığı simgeleyen dağların melankolik atmosferi, Puşkin ve yanındakilerin hüzünlenmesine neden olur.

несколько непослушных арнаутов (birkaç itaatsiz Arnavut, s. 452): Osmanlı ordusundaki Arnavut askerler için söylenir. Ordunun içindeki karışıklığı ve düzensizliği açıklar.

наклеенные одна на другую (birbiri üzerine yapıştırılmış, s. 452): Erzurum mimarisi için kullanılır. Yüksek bir yerden kenti izleyen yazarın, evlerin iç içe geçmiş hâlini tasvir etmesidir.

удивительная картина (hayranlık uyandıran bir manzara, s. 452): Erzurum kent merkezi için söylenir. Kentin güzelliği ön plana çıkarılır.

ужасный хлопотун (korkunç telaşçı, s. 453): Esir alınan Türk paşası için söylenir. Yaşananlar karşısında paşanın aşırı heyecanlı, yerinde duramayan tavırları kastedilir.

седой старик (ak saçlı ihtiyar, s. 453): Erzurum seraskeri⁹ için söylenir. Zamanında güçlü ve otoriter görüntüsüyle o anki zayıf durumu arasında tezatlık oluşturulur.

в глубоком унынии (derin bir umutsuzluk içinde, s. 453): Erzurum seraskerinin ruh hâli betimlenir.

главный город в Азиатской Турции (Asya Türkiye'sinin ana şehri, s. 454): Erzurum için söylenir. Kentin Asya ve Avrupa arasındaki birleştirici rolü kastedilir.

кровли, покрытые дерном (çimenle kaplı çatılar, s. 454): Erzurum evleri için söylenir. Yeşil renkli çatıları olan evlerin doğa ile olan uyumu ifade edilir.

азиатская роскошь (Asya ihtişamı, s. 455): Erzurum için söylenir. Bu ifadenin muhtemelen Haçlı Seferleri sırasında Batılı askerler tarafından ortaya atıldığını ve bunun bugün var olmadığını paylaşır.

азиатская бедность, азиатское свинство (Asya fakirliği, Asya pisliği, s. 455): Erzurum için söylenir. Artık Asya, eski şaşalı ve zengin günlerinden çok uzaktadır.

⁹ Kitapta seraskerin adı verilmez ancak o dönem Erzurum seraskeri Salih Paşa'dır (?-1933).

многодорожный наш Арзрум (çok yolu olan Erzurum, s. 456): Erzurum için söylenir. Kentin Asya ve Avrupa arasındaki önemli bir kavşak noktasında bulunduğu aktarılır.

бесчисленные переходы (sayısız geçitler, s. 457): Seraskerin sarayı için kullanılır. Sarayın büyüklüğünü ve karmaşık mimarisi anlatılır.

в роскоши позорной (utanç verici lüks içinde, s. 456): Osmanlı'nın batısında lüks içinde bir yaşamın var olduğu ancak Erzurum'un Batı'nın bu yozlaşmış kültüründen uzak kaldığı anlatılır.

впечатления настоящие восточные (gerçek Doğu izlenimleri, s. 457): Muş'tan gelen bir Paşa'nın oğlunun Erzurum Seraskeri'nin emriyle öldürülmesi olayıdır. Paşa, yeğeninin yerini sormak için General Paskeviç'e gelir. Hep birlikte seraskerin sarayında dolaşırken bir odanın önünde durur, o odada daha önce oğlu öldürülmüştür. Puşkin bu dramatik ve trajik olayı Doğu kültürü ile ilişkilendirir.

тишина мусульманского города (Müslüman şehrinin sessizliği, s. 457): Erzurum için söylenir. Kentin muhafazakâr yapısı öne çıkarılır.

старик с белой почтенной бородою (beyaz, saygıdeğer sakallı yaşlı adam, s. 458): Osman Paşa'nın babası için kullanılır. Beyaz ve uzun sakalı, onun tecrübesinin ve saygıdeğer kimliğinin bir göstergesidir.

красные загноенные глаза (kızıl irinli gözler, s. 459): Türk dilenci için kullanılır. Onun sağlık durumunun kötü ve hâlinin perişan oluşu tasvir edilir.

как пьяный (sarhoş gibi, s. 460): Vebalılarının olduğu kamptaki bir hasta için kullanılır. Çiçek hastalığının olumsuz etkilerinden dolayı yazar onu bu şekilde tasvir eder.

Европейская робость (Avrupa korkaklığı, s. 460): Yazar, bu ifadeyi kendisi için söyler. Vebalı hastanın koluna giren iki Türk'ün kayıtsızlığıyla Batı'nın korkaklığını karşılaştırır. Batılıların daha çekingen, Doğuluların soğukkanlı olduğu anlatılır.

BULGULAR

Araştırma kapsamında Puşkin'in "Erzurum Yolculuğu" eserinde sıfat niteliğinde cümlelerin ögesi olan ya da onunla söz öbeği oluşturan epitetler incelenmiştir. Üç ana başlık altında toparlandığında Puşkin'in eserinde kullanılan epitetler bağlamında doğa temasının, Doğu ve Türk halklarına ait motiflerin ayrı bir önem taşıdığı görülmüştür.

Kafkasya'nın karlı dağları, sulak arazileri, bereketli toprakları, Terek Nehri'nin azametli akışı, Gürcistan'ın boğucu havası ve sıcaklığı kısacası gerek gündelik yaşamı gerekse savaş ortamını yansıtan atmosfer tüm parlaklığıyla eserde epitetler kullanılarak işlenmiştir. Doğaya bir canlı gibi yaklaşan Puşkin, sıkça kişileştirme sanatına da başvurmuştur. Doğaya için kullanılan olumsuz epitelere bakıldığında, bunların genellikle yazarın içine korku salan ve üzüntü veren unsurlar oldukları tespit edilmiştir.

Doğu halklarının karakterlerine, yaşam tarzlarına, kıyafetlerine, yemek kültürüne, fiziksel özelliklerine, inançlarına, hamamlarına kısacası birçok özelliğine bir gözlemci penceresinden eserde epitetler aracılığıyla yer verilmiştir. Genel olarak halkların içten oluşları, sade yaşam tarzları, cesur karakterleri, savaşçı ruhları için olumlu; geri kalmışlıkları, fakirlikleri ve yaşadıkları sıkıntılar için olumsuz epitelere yer verilmiştir.

En fazla olumsuz epitetin kullanılması beklenen bölüm ise Türklerin ve onlara ait unsurların anlatıldığı sayfalardır. Beklenilenin aksine kullanılan epitetlerden de görüldüğü üzere çoğunlukla olumlu ifadelerle rastlanmıştır. Ancak unutulmamalıdır ki Puşkin, bu ifadeleri Erzurum'dan aktarır, yani Doğu'dan bakarak konuşmuştur. Batı'yı eleştiren yazarın ise, bu bölümlerde olumsuz epitetleri kullanma sıklığı artmıştır. Savaşın getirdiği acı tablo, hastalıklar, Batı'ya duyulan özent, yoksulluk ve sefillik gibi durumlar için olumsuz; geriye kalan tüm nitelendirmeler için olumlu epitetler kullanılmıştır. Etraflıca bakıldığında Türk ve Doğu halkları için kullanılan olumsuz epitetlerin çoğunlukla ortak nitelik taşıdığı dikkat çekmiştir.

SONUÇ

Puşkin'in "Erzurum Yolculuğu" adlı eserinin hiç okunmadan, yalnızca başlığına ve konusuna bakıldığında Ruslar-diğerleri, dost-düşman, iyi-kötü gibi zıtlıklar temelinde yazılmış olması beklenir ancak eser okunduktan sonra, böyle bir

izlenim elde edilmez. Bu merak ve şüphe uyandıran durum karşısında eserde kullanılan epitetler belirlenmiş ve analiz edilmiştir. Yapılan inceleme sonucunda, Puşkin'in doğa ve coğrafya betimlemelerinde genellikle olumlu ifadeler yer verdiği görülmüştür. Doğa için kullanılan olumsuz epitetler ise doğanın gücünü vurgulamak içindir. Özetle Puşkin için doğa hem sınırsız güzelliklerin kaynağı hem de bilinmezlikleriyle ve potansiyel tehlikeleriyle dikkat edilmesi gereken bir güçtür.

Bir diğer başlık olan Doğu ise Puşkin için daha çok güzellikleriyle anımsanan bir kültürdür. Paradokstur ki yazar, kendisini bir Avrupalı sayar ve bunu da sözlerinde dile getirir. Ancak Batılı bir bakış açısıyla Doğu'yu küçük görmez aksine öyle yapmaya çalıştığında (İran saray şairi Fazıl Han ile karşılaşmasında) gerekli dersi çıkarır. Doğu-Batı karşıtlığı eserde sıkça vurgulanır. Yazarın Batı'ya karşı tavrı olumsuzken Doğu'ya karşı tam tersidir. Yazarın Türkler, Osmanlı, Kafkas halkları ve Kafkasya için ifade ettiği az sayıdaki olumsuz epitetin çoğunlukla bölgenin ya da yerel halkın karşı karşıya kaldığı zor koşulları betimlemek ya da Doğu-Batı çatışmasını eleştirel bir şekilde vurgulamak için kullandığı belirlenmiştir. Savaş koşullarının etkisi göz önünde bulundurulduğunda, olumsuz epitetler yine de çok azdır. Puşkin'in eserinde olumlu epitetlerin genellikle doğaya, Türk ve Doğu halkları ile onların tarihsel, kültürel değerlerine; olumsuz epitetlerin ise savaşılan halkların yerine ağırlıklı olarak Batılı devletlere ve onların politikalarından zarar gören değerlere yönelik olduğu ortaya çıkmıştır. Mecazi anlamda oryantalizm, Batı'dan Doğu'ya bakmak olarak tanımlanırsa Puşkin anti-oryantalisttir. Nitekim Oryantalist bakış açısının olumsuz yanlarından biri olan Batı'dan Doğu'yu küçük görmek Puşkin'de Doğu'dan Batı'yı eleştirmek şeklinde karşılık bulmuştur. Yazar, Doğu'nun geri kalmışlığını görmüş ve eserinde yer vermiş olsa da bunu alaycı bir eleştiri malzemesine dönüştürmemiştir. Sonuç olarak Puşkin'in bir canlı olarak gördüğü doğaya, Türk ile Doğu halklarına ve onların kutsallarına hümanist bir perspektifle yaklaştığı görülmüştür.

KAYNAKÇA

Başgöz, İ. (1998). Dede Korkut Destanında Epitetler (çev. Nebi Özdemir). *Millî Folklor*, 37, 23-35. Erişim adresi: <https://www.millifolklordergisi.com/Yayin/37>

- Bekki, S. (2012). Türkiye’de Epitetler Üzerinde Yapılan Çalışmalar ve Köroğlu’nun Bir Şiirinin Tahlili. *Millî Folklor*, 95, 202-215. Erişim adresi: <https://www.millifolklordergisi.com/Yayin/95>
- Beqiraj, X. (2023). Syntactic Functions of Adjectives: A Comparative Approach with Examples from Albanian, English, German, French and Italian Languages. *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*, 21(1): 142-154. Erişim adresi: DOI: 10.57239/PJLSS-2023-21.1.0012
- Bulut, Y. (2018). Oryantalizm. *Türk Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*. Cilt 33. Nesih-Osmanlılar. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 428-437. Erişim adresi: <https://islamansiklopedisi.org.tr/oryantalizm>
- Dell, C. (2016). *Okült, Cadıcılık ve Büyü, Resimli Tarih*. İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
- Gülensoy, T. (2010). Puşkin’in “Erzurum Yolculuğu” ve Bilmediğimiz Gerçekler. *Kültür Evreni*, 5, 13-20. Erişim adresi: <https://kulturevreni.com/portfolio/kultur-evreni-sayi-5/>
- Stavropoulos, D. N. (2010). *Oxford Greek-English Learner’s Dictionary*. Oxford, Oxford University Press.
- Tokdemir Özüdoğru, I. (2020). Feminizm Bağlamında John William Waterhouse’un Kirke Resimleri. *İDİL*, 73, 1390-1396. DOI:10.7816/idil-09-73-03
- Türk Dil Kurumu. (1998). *Türkçe Sözlük*. (Cilt 1. A-J. İsmail Parlatır vd. Haz.). Ankara, Türk Tarih Kurumu Basım Evi.
- Uydu Yücel, M. (2001). Kalmuklar. *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*, 24. Cilt. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 267-268. Erişim adresi: <https://islamansiklopedisi.org.tr/kalmuklar>
- Wehmeier, S. (chief editor). (2005). *Oxford Advanced Learner’s Dictionary* (7th ed.). Oxford, Oxford University Press.
- Жданович, Н. В. (2007). Проблема сущности эпитета в русской лингвистике. *Весті БДПУ*. № 4 (1). 79-83. Erişim adresi: <https://bspu.by/arhiv-zhurnala>
- Москвин, В. П. (2011). Эпитет как предмет теоретического осмысления. *Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания»*. №4 (14), 1-5. Erişim adresi: <http://grani.vspu.ru/jurnal/19>
- Москвин, В. П. (2016). *Язык поэзии. Приёмы и стили. Терминологический словарь*. А. Х. Гольденберг (Отв. ред.). Волгоград, ВГСПУ.

- Николюкин, А. Н. (Гл. ред. & сост.). (2001). *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Москва, НПК «Интелвак».
- Ожегов, С. И. & Шведова, Н. Ю. (2006). *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* (4-е изд., доп.). Москва, ООО «А ТЕМП».
- Пушкин, А. С. (1960). Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. *Собрание сочинений в 10 томах*. Том 5. Романы, повести. Под общей редакцией: Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксманам. 412-462. Москва, ГИХЛ.
- Пушкин, А. С. (1997). *Стихотворения*. (Ю. М. Лотман & С. А. Фомичев, Отв. ред.). СПб., Наука.
- Тынянов, Ю. Н. (1936). О “Путешествии в Арзрум”. *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 2. Ю. Г. Оксман (Ред.). 57-73. Москва, Издательство АН СССР.
- Ушаков, Д. Н. (2013). *Толковый словарь современного русского языка*. Москва, Аделант.

A. S. PUŞKİN’İN “BAHÇESARAY ÇEŞMESİ” POEMASINDA KAHRAMANI ŞEKİLLENDİREN BAĞLI MOTİFLER

Mehmet Fırat Aramacı, Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü,
mfirat.aramaci@selcuk.edu.tr

ÖZET

Çalışmamızın temel hareket noktası, Aleksandr Sergeyeviç Puşkin’in 1820 ile 1822 yılları arasında kaleme aldığı *Bahçesaray Çeşmesi (Bahçisarayskiy Fontan)* adlı poemada kahramanları şekillendiren bağlayıcı motiflerdir. Puşkin’in Doğu üzerine kaleme aldığı hem lirik hem de düz yazı türündeki eserlerde olay örgüsünü ve kahramanları şekillendiren pek çok bağlı motif yer almaktadır. Bu nedenle çalışmamızda *Bahçesaray Çeşmesi* adlı poema, kahramanları ve dolayısıyla olay örgüsünü şekillendiren motiflere ağırlık verilecektir. Bu motifler incelenirken metne bağlı formalist bir analiz yöntemi benimsenmiştir. Kahramanların içinde bulundukları mekân, olay gibi unsurlarla bağlantılı olarak sahip olduğu motiflerin, Puşkin’in Doğu ile alakalı eserlerinde oldukça yoğun görüldüğü tespit edilmiştir. Çalışmamız, Puşkin’in söz konusu poemasını kahramanların motifleri üzerinden incelemek ve Puşkin’in Doğu ile ilgili yazdığı eserlerin kahraman odaklı olarak ele alınması amaçlar.

Anahtar Kelimeler: A. S. Puşkin, Bahçesaray Çeşmesi, Kahraman, Motif.

АННОТАЦИЯ

Основной отправной точкой нашего исследования являются связанные мотивы, формирующие главных героев поэмы «Бахчисарайский фонтан», написанной Александром Сергеевичем Пушкиным в 1820-1822 годах. В произведениях Пушкина о Востоке, как в лирическом, так и в прозаическом жанрах, много связанных мотивов, которые формируют сюжет и героев. Поэтому в нашем исследовании особое внимание будет уделено мотивам, формирующим главных героев и, соответственно, сюжет поэмы «Бахчисарайский фонтан». При анализе этих мотивов был использован метод формалистического анализа в зависимости от текста. Было установлено, что в произведениях Пушкина, связанных с Востоком, мотивы, связанные с такими элементами, как место и событие, в котором находятся герои, достаточно интенсивны. Цель нашего исследования - проанализировать рассматриваемое стихотворение Пушкина

через мотивы героев и рассмотреть произведения Пушкина о Востоке в героико-ориентированном ключе.

Ключевые Слова: А. С. Пушкин, Бахчисарайский Фонтан, Герой, Мотив.

ABSTRACT

The main starting point of our study is the connective motifs that shape the protagonists in the poem *Bahçesaray Fountain (Bahçisarayski Fontan)* written by Alexander Sergeyevich Pushkin between 1820 and 1822. In Pushkin's works on the East, both in lyric and prose genres, there are many connective motifs that shape the plot and the protagonists. For this reason, our study will focus on the motifs that shape the protagonists and thus the plot of the poem *Bahçesaray Fountain*. While analyzing these motifs, a text-dependent formalist analysis method was adopted. It has been determined that the motifs that the protagonists have in connection with the elements such as the place and the event they are in are quite intense in Pushkin's works related to the East. Our study aims to analyze Pushkin's poem in question through the motifs of the heroes and to examine Pushkin's works about the East in a hero-oriented way.

Keywords: A. S. Pushkin, Fountain of Bakhchisarai, Hero, Motive.

GİRİŞ

Doęu, çağlar boyu ona yabancı olan herkes için ilgi çekici olmuştur. Özellikle Batı'dan ve Rusya'dan gelen yazarlar, şairler, ressamalar ve diğer entelektüel insanlar, doğu temalı eserlerinde izlenimlerini çeşitli imge ve motifler ile aktarmıştır. Söz gelimi, XIX. yüzyıl Rus ressamaları, başta İstanbul olmak üzere doğu imparatorluklarında deneyimledikleri izlenimleri eserlerinde motiflerle işlemiştir. Kuşkusuz bu durum, dönemin Rus edebiyatı için de geçerli bir durumdur. Doęu motifleri, XIX. yüzyılın başında doğuda çeşitli sebeplerden ötürü bulunan şairler tarafından canlı bir biçimde ortaya konur.

Çalışmamızın konusu, A. S. Puşkin'in *Bahçesaray Çeşmesi* poemasında kahramanı ve olay örgüsünü şekillendiren motiflerdir. Bu motifler, poemada yazarın doğu izlenimlerini yansıtırken aynı zamanda poemanın olay örgüsü açısından da kilit bir rol oynamaktadır. Puşkin'in yaratıcılığının bir sonucu olan bu poema, onun

sanatındaki önemli dönüm noktalarından biridir (Olçay, 2008, s. 373). Bu nedenle *Bahçesaray Çeşmesi*'ndeki motifleri açıklamak, Puşkin'in sanatına kısaca değinmeyi gerektirmektedir.

1. A. S. Puşkin'in Sanatına Genel Bir Bakış

A. S. Puşkin 1799 yılında Sergey Lvoviç Puşkin ve Nadejda Osipova Puşkina'nın oğlu olarak Moskova'da dünyaya gelir. Babası soylu bir aileden gelen şair anne tarafından Habeşistan kökenlidir. Puşkin bu durumu "Büyük Petro'nun Arabı" adlı eserinde ayrıntılı olarak işler. Şairin çocukluğu aydın bir çevrede geçer. Daha sekiz yaşındayken Fransızca öğrenen, XVIII yy. Fransız aydınlarının eserlerini okuyan ve evinde yabancı öğretmenlerden ders gören Puşkin'in edebi yaratıcılığında etkili olan asıl unsur dadısı Arina Radionovna'dan dinlediği Rus halk masalları ve M.V. Lomonosov, A.P. Sumorokov, A.N. Radişçev ile N.M. Karamzin, gibi Rus şairlerinin eserleriyle tanışmasıdır. Ancak V.K. Trediakov, M.V. Lomonosov ve A.P. Sumorokov'dan başlayıp yeni Rus Edebiyatı'nı dünya edebiyatının parçası ve mirasçısı yapmak gibi büyük bir çaba içinde olan A.N. Radişçev, N.M. Karamzin ve V.A. Jukovski'nin çalışmaları, fikirleri ve sanatı onun çalışmalarına öncülük etmeseydi, bu büyük dâhinin eserleri zayıf kalırdı (Puşkin, 2016, s. 11).

Puşkin on iki yaşında evdeki öğrenimini tamamladıktan sonra dönemin soylularının eğitim gördüğü Peterburg'taki Tsarskoye Selo Lisesi'nde eğitimine devam eder. Ayrıca Puşkin'in gelişiminde Batı şairleri, özellikle Byron'ın etkileri kilit rol oynar. Aynı dönemde Anavatan Savaşı'nın etkisiyle alevlenen ulusal düşünce ve savaş sonrasında gelişen özgürlük temasından da etkilenen şair ileride bu konularda şiirler yazar.

1817 yılında öğrenimini tamamladıktan hemen sonra Dışişleri'ne atanan Puşkin yenilikçi şiirleriyle dönemin gençliğinin en sevdiği şairdi (Behramoğlu, 2014, s. 9). Mitolojik öğeleri barındıran *Ruslan ve Lyudmila (1820)* poemasını hocası V.A. Jukovski'ye okuduğunda Jukovski ona arkasında "Kaybeden öğretmenden kazanan öğrencisine." yazan bir tablo hediye eder. Şair retorikten uzak yalın anlatımı ve özlü lirizmiyle olduğu kadar, alaycı zekasıyla da Rus şiirinde egemen olan klasikçi (Derjavin) ve gizemci-romantik (Jukovski) anlayışlara meydan okur (Puşkin, 2014, s. 9).

Şairin bu dönemlerde yazdığı *Çadayev'e (1818)*, *Köy (1819)* gibi şiirler içerdiği özgürlük teması ve toprak köleliğine yönelik eleştiriler dolayısıyla Çar I. Aleksandr yönetimini rahatsız eder. Bu yüzden Puşkin “atama” adı altında sürekli başkentten uzak tutulur. Son olarak Sibirya'ya gönderilmek istense de Puşkin'in yakın çevresinin de çabalarıyla güneye gönderilir.

Dört yıl süren güney sürgünü boyunca Kafkasya doğasının etkisiyle şair *Kafkas Tutsağı (1820-1821)*, *Bahçesaray Çeşmesi (1823)* ve *Çingeneler (1823-1824)* gibi çeşitli poemalar kaleme alır. Kafkasya görkemli ve vahşi doğası, insan ilişkilerindeki doğallık ve sertlikle, özgürlükçü şairin yaratıcılığına bambaşka bir ufuk kazandırmıştı (Puşkin, 2014, s. 10). Bu dönemde yazılan poemalarda görülen bir diğer unsur ise doğu imgeleridir. Özellikle *Bahçesaray Çeşmesi* adlı poemada ön plana çıkan doğu imgeleri şairin ilgisinin bir sonucudur. Ancak Puşkin'in doğuyu farklı ulusların folklorü ilgisini çektiğinden romantik modaya sağlanmış yüzeysel bir katkının ötesinde eserlerinin ana kaynaklarından biriydi (Puşkin, 2016, s. 11).

Özetle Puşkin'in yaratıcılığı, kendisinden önceki şairlerin yaratıcılığı ile kendi dehasının bir ürünü olma özelliği gösterir. Bu durum, onu güney sürgünü sırasında doğuyu canlı bir biçimde resmetmesinde etkili olur. Bu motifler, aynı zamanda poemanın kahramanlarının eylemlerini belirleyen önemli unsurlardır.

2. Bahçesaray Çeşmesi Poemasında Kahramanı Şekillendiren Motifler

Puşkin, *Bahçesaray Çeşmesi* adlı poemayı 1823 yılında kaleme alır. Poemanın 1824 yılında Moskova'da yayımlanmasıyla birlikte okuyucu ve eleştirmenler arasında bir heyecan yaratır. Bunun nedeni Puşkin'in poemasıyla birlikte doğu teması daha çok işlenmeye başlanır (Gubina, 2019, s. 37). Dahası, poemanın basımından hemen sonra tüm kopyaları satılır. Bu başarı, şairin doğu temasını oldukça canlı motiflerle işlemesiyle açıklanabilir. Ayrıca *Bahçesaray Çeşmesi*'ndeki kahramanlar da söz konusu motifler ile şekillenir. Poemadaki kahramanları şekillendiren motifleri açıklayabilmek için ilk olarak olay örgüsüne kısaca değinmek gerekir.

Sadi Şirazi'nin *Bostan* adlı eserinden bir alıntıyla başlayan poemanın giriş bölümünde uzun süren savaşlardan ve siyasi entrikalardan yorulan Kırım hükümdarı Giray Han'ın sarayında öfkeli bir şekilde otururken hizmetkârlarını uzaklaştırması görülür. Şair, kahramanın kafasındaki kuruntuları, içinde biriken entrika korkusunu

ve artan öfkesini anlatırken bu durumu bölgenin hava değişimiyle bağdaştırarak aktarır.

*“Sarayında yalnız başına oturuyor;
Daha özgürce göğüs geçiriyor,
Şimdi daha endişeli olan sert çehresi
Yüreğindeki çalkantıyı anlatıyor.
Fırtına bulutlarını böyle yansıtır
Körfezin kımultılı aynası...”* (Puşkin, 2012, s. 79).

Poemanın ilerleyen kısımlarında karşımıza Giray Han’ın haremi karşımıza çıkar. Şairin eserde “koruyucu bir zindan” olarak bahsettiği harem içindeki kadınların dış dünyadan habersiz bir şekilde yaşadığı bir yer olarak betimlenir. Puşkin oradaki tutsakların aşktan, tutkudan yoksun ve miskinleşmiş yaşamına değinirken yine doğayı özellikle çiçek motifini kullanır. Aynı zamanda eserde zalimliği ve acımasızlığıyla ön plana çıkan harem ağasının kadınlar üzerinde sürekli bir denetimi söz konusudur. Onları uykularında bile kontrol eden Harem ağasının Giray Han ile ortak korkusu iktidarı sarsabilecek bir entrika ya da ihanettir.

*“Hayır, ürkek karıları Giray hanın
Düşünme ve isteme hakkından yoksun
Bu iç karartıcı sessizlikte serpiliyorlar;
Dikkatli ve soğuk bir gözetimin altında
Hüzünlü bir can sıkıntısının bağrında
İhanetlerden habersizdir onlar.
Koruyucu zindanın gölgesinde
Saklıdır onların güzellikleri;
Arabistan çiçekleri de böyle
Gelişir sera camlarının gerisinde.
Günler, aylar, yıllar birbiri ardından
Onlar için kederle geçer
Ve beraberinde farkına varmadan
Gençliği de, aşkı da alıp götürür.”* (Puşkin, 2012, s. 80).

Giray Han haremine geldiğinde söylenen şarkılarla karşımıza aşkına ihanet edilmiş Kafkasyalı Zarema çıkmaktadır. Zamanında Han ile büyük bir aşk yaşadktan

sonra Hanın gönlünün Leh prensesi Mariya'ya kaymasıyla Zarema büyük bir mutsuzluk içine girmiştir.

*“Giray hor gördü güzelliğini
Ve gecelerin soğuk saatlerini
Geçiriyor tek başına ve mutsuz
Onun haremine Leh prensesi
Kapatıldığı zamandan beri.”* (Puşkin, 2012, s. 80).

Leh prensesi ise Tatar akınlarından önce babasının şatosunda varlık ve mutluluk içinde yaşamaktaydı. Akınlardan sonra babasını kaybedip Giray Han'ın haremine kapatılan Mariya korku ve mutsuzluk içinde bir tutsak hayatı sürmektedir.

Aynı gece Zarema, Mariya'nın odasına girerek ondan Giray Han'ı kendisinden vazgeçirmesini ister ve bunu yapmazsa onu öldürmekle tehdit eder. Poemanın ilerleyen kısımlarında Mariya ölür ve Zarema denize atılır. Kısacası iki mutsuz kadının rekabeti trajik bir şekilde son bulur. Giray Han ise çıktığı seferlerin ardından Prenses Mariya anısına bir 'Gözyaşı Çeşmesi' inşa ettirir.

Yukarıda görüldüğü üzere *Bahçesaray Çeşmesi*'nde üç başkahraman görülür; bunlar Giray Han, Zarema ve Leh prensesi Mariya. Bu üç başkahramanı şekillendiren motifler birbirinden farklıdır, fakat üç kahramanı da birbirine bağlamaktadır. Giray Han, poemada savaştan, entrikalardan bıkmış bir hükümdardır. Bu nedenle onu oluşturan motiflerin başında bıkkınlık, yorgunluk ve öfke olduğu söylenebilir. Kahramanı meydana getiren motifler, eserde onun düşüncelerine işaret eden şu dizelerle ortaya çıkar:

*“...
Gururlu ruhunu devindiren ne?
Nasıl düşünceler yatıyor aklında?
Rusya'nın üzerine mi yürüyor yine,
Kendi yasasını mı getiriyor Polonya'ya,
İçini tutuşturan bir kan davası mı,
Bir komplo mu ortaya çıkardı orduda?
Dağlı halklardan mı korkuyor, yoksa
Sinsi Ceneviz'in oyunlarından mı?
Hayır, usandırmış onu savaşın şanı,*

*Dehşet salan kolu yorulunca;
Savaş düşüncesini silmiş kafasında.
...” (Puşkin, 2012, s. 79).*

Poemadaki kadın kahramanları şekillendiren ortak motif ise tutsaklık, geçmiş günlerin anıları ve Giray Han’a olan aşktır. Zarema ve Mariya tamamen farklı coğrafyalardan hareme gelirler. Buna karşın poemada iki kadın kahramanın da geçmişlerine ve olay örgüsünün geçtiği hareme nasıl geldikleri aktarılır. Yazgıları ne kadar ortak olsa da bu iki kahramanın kesişmesiyle ortaya kıskançlık gibi daha farklı bir motif çıkar. Çünkü Zarema, her ne kadar tutsak bir kadın olsa da Giray Han’a olan aşkı bu kıskançlığın ortaya çıkmasını sağlar. Temelde poemanın üç başkahramanını bir araya getiren bağlayıcı motif aşktır. Bununla birlikte tüm kahramanları kendi içinde şekillendiren kıskançlık, öfke gibi motifler de olay örgüsünü şekillendirmektedir.

SONUÇ

Doğunun kültürü, çağlar boyunca pek çok yazar, şair ve sanatçıyı kendisine çekmiştir. Doğuyu ziyaret eden bu sanatçılar, izlenimlerini, eserlerinde çeşitli şekillerde yansıtmıştır. Özellikle XIX. yüzyılda farklı nedenlerle doğunun kültürel sınırlarında bulunan Rus yazarlar, şairler ve sanatçılar, eserlerinde doğuyu farklı açılardan ele alıp birden fazla motifle işler.

Çalışmamızın odak noktası, A. S. Puşkin’in *Bahçesaray Çeşmesi* adlı poemasında kahramanı şekillendiren bağlayıcı motiflerdir. Odak noktamızın anlaşılabilmesi doğrultusunda ilk olarak şairin yaşamı ve yaratıcılığına kısaca değinilmiştir. Puşkin’in yaşamı ve yaratıcılığına bakıldığında, onun doğu coğrafyası ile ilişkili olduğu görülmektedir. Güney sürgünü dönemindeki izlenimlerini canlı imge ve motiflerle aktaran şairin bu bağlamda ortaya koyduğu eserlerden birisi de 1824 yılında yayımlanan *Bahçesaray Çeşmesi* adlı poemadır.

Poemanın olay örgüsü incelendiğinde Giray Han, Zarema ve Mariya adında üç başkahraman karşımıza çıkar. Bu üç kahramanı şekillendiren bağlı motiflerin iki grupta olduğu görülür; ilki kahramanları kişisel olarak şekillendiren motifler, ikincisi de hem kahramanları şekillendiren hem de onları etkileşim içine sokan motiflerdir. İlk grupta yer alan bağlı motifler, kahramanların geçmişleri ve olay örgüsü içindeki durumları ile ilgilidir. Söz gelimi Zarema ve Mariya’nın hareme kapatılmadan önceki

geçmişleri ile poemadaki durumları onların şekillenmesini sağlayan bağlı motiflerdir. Ayrıca Giray Han'ın içinde bulunduğu bıkkınlık, entrika korkusu gibi motifler onu şekillendiren motiflerdir. Kahramanların birbiri ile kesişmesini sağlayan motiflerin başında ise aşk gelmektedir. Zarema'nın Giray Han ile yaşadığı aşk, sonrasında Giray Han'ın Mariya'ya gönlünün kayması kıskançlık gibi daha farklı bir motif karşımıza çıkar.

Özetle Puşkin'in *Bahçesaray Çeşmesi* poemasında bağlı motifler yalnızca olay örgüsünün ilerlemesini sağlamayıp aynı zamanda karakterlerin birbiriyle olan kesişmeleri ve karşıtlıklarına da zemin hazırlamıştır.

KAYNAKÇA

- Gubina, Y. (2019). *Vostoçniye motivi v tvorçestve A. S. Puşkina*. Belgorodskiy gosudarstvennyy natsiyonalnyy issledovatel'skiy universitet.
- Olca, T. (2010). 19. yy. Rus Edebiyatında Romantizm Üzerine. *Atatürk Üniversitesi Kazım Karabekir Eğitim Fakültesi Dergisi*, (17), 367-381.
- Puşkin, A. S. (2012). *Poemalar*. (Çev. Kayhan Yükseler). Yapı Kredi Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2014). *Seviyordum Sizi, Seçme Şiirler*. (Çev. Ataol Behramoğlu). İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2016), *Stihotvoreniya, Skazki, Poemi*. İzdatelstvo E.

PUŞKİN’İN ESERLERİNDEKİ UNVAN ASİMETRİSİ ANLATILARININ GÜÇ MESAFESİ KAVRAMIYLA İLİŞKİLİ OLARAK DEĞERLENDİRİLMESİ

Uğur Keskin, Anadolu Üniversitesi İşletme Fakültesi, ugurkeskin@anadolu.edu.tr.

ÖZET

Bu çalışmada Puşkin’in eserleri, yönetim bilimi bağlamında ele alınmaktadır. Puşkin’in eserlerinin Türkçe çevirisi yapılmış olup bu çalışma, yazarın söz konusu çevirileri üzerinden gerçekleştirilmiştir. Yönetim bilimi kapsamında okuma yapıldığında Puşkin’in eserlerindeki Doğu dünyasına özgü asimetrik ilişkiler açık bir şekilde algılanabilmektedir. Nitekim Rusya’nın hem Doğu hem de Batı dünyasının bazı özelliklerini yansıtır olması, bu çalışmadaki bulgu ve analizleri ortaya çıkarma bakımından anlamlı katkılar sağlamıştır. Puşkin’in eserlerine ilişkin olarak izlenimlerin, bilimsel bir incelemeye konu edilebilmesi için sistemli bir çalışmaya gereksinim duyulmaktadır. Bu çalışmada nitel araştırma yöntemlerinden olan doküman incelemesi şeklinde yürütülen sistemli incelemeler, Puşkin’in eserlerindeki unvan asimetrisi bağlamındaki ilişki biçimlerini ortaya koymaktadır. Birey, topluluk ya da örgüt gibi farklı analiz birimlerinin hepsinde asimetrik ilişki ortaya çıkabilmektedir. Özellikle yönetsel unvanlar bakımından aralarında asimetrik farklar bulunan bireyler arasında güç mesafesi oluşmaktadır. Güç mesafesi konusu ise sosyolojik bir olgu gibi görünmesine karşın, sosyal bilimlerde başta yönetim alanı olmak üzere, çeşitli çalışma alanlarına konu edilebilmektedir. Bu çalışma kapsamında gerçekleştirilen Puşkin okumalarında edinilen bulgular, analize tabi tutularak tartışma, sonuç ve öneriler şeklinde ortaya konulmuştur.

Anahtar Kelimeler: Unvan Asimetrisi, Güç Mesafesi, Puşkin.

АННОТАЦИЯ

В данной работе произведения А. С. Пушкина рассматриваются в контексте науки управления. Произведения поэта были переведены на турецкий язык, и настоящее исследование основывается на этих переводах его произведений. При прочтении произведений Пушкина с точки зрения управленческой науки чётко прослеживаются асимметричные отношения, характерные для восточного мира. Немаловажно и то, что Россия отражает черты как Востока,

так и Запада, что существенно обогатило полученные в исследовании выводы и анализ. Для того чтобы впечатления от произведений Пушкина могли быть предметом научного анализа, необходим систематический подход. В данном исследовании используются методы качественного анализа, в частности, метод анализа документов, позволяющий выявить формы отношений в произведениях поэта в контексте асимметрии титулов. Асимметричные отношения могут проявляться на всех уровнях анализа — между отдельными людьми, сообществами или организациями. Дистанция власти возникает между индивидами, обладающими асимметричными различиями, особенно в контексте управленческих должностей. Хотя дистанция власти может восприниматься как социологическое явление, она также является предметом изучения различных дисциплин социальных наук, в особенности — науки управления. Выводы, полученные в результате анализа произведений Пушкина в рамках данного исследования, были рассмотрены в формате обсуждения, результатов и предложений.

Ключевые Слова: Асимметрия Титулов, Дистанция Власти, Пушкин.

ABSTRACT

This study examines Pushkin's works in the context of management science. The poet's works have been translated into Turkish, and this study is based on these translations of his works. When reading within the context of management science, the asymmetrical relationships specific to the Eastern world in Pushkin's works can be clearly perceived. Indeed, the fact that Russia reflects some characteristics of both the Eastern and Western worlds has made significant contributions in terms of revealing the findings and analyses in this study. A systematic study is needed in order for the impressions regarding Pushkin's works to be subject to a scientific examination. In this study, systematic examinations conducted in the form of document review, which is one of the qualitative research methods, reveal the relationship forms in the context of title asymmetry in Pushkin's works. Asymmetrical relationships can emerge in all different units of analysis such as individuals, communities or organizations. Power distance occurs between individuals who have asymmetrical differences, especially in terms of managerial titles. Although the subject of power distance seems like a sociological phenomenon, it can be the subject of various fields of study in social sciences, especially in the field

of management. The findings obtained from the Pushkin readings carried out within the scope of this study were analyzed and presented in the form of discussion, results and suggestions.

Keywords: Title Asymmetry, Power Distance, Pushkin.

1. GİRİŞ

Rus edebiyatçısı Puşkin, edebiyatın çeşitli alanlarında birçok eser yazmıştır. Şiirlerinin yanı sıra cesur söz ve davranışları nedeniyle göze batmış, bu nedenle de atama adı altında dört yıl süreyle Kafkasya'ya sürgün edilmiştir (Behramoğlu, 2020, s. x). Puşkin, unvanı/mevki/makam bakımından üstlük-aslık ayrımına eserlerinde çokça yer vermektedir. Bu çalışmada, Puşkin'in eserlerindeki bahse konu ayrıma ilişkin aktarım, anlatım, yorum ve değerlendirmelere yer verilmektedir. Puşkin'in, unvan asimetrisini işlediği anlatımlar bir hayli kapsamlı olduğu için bu eksendeki ilişkilere dair anlatıların sistematik biçimde incelenmesi neticesinde bu çalışma gerçekleştirilmiştir.

Puşkin üzerine yapılan bilimsel yayınlar incelendiğinde büyük çoğunlukla edebiyat alanındaki çalışmalar ön plana çıkmaktadır. Bunun yanı sıra ana akım bilimsel çalışmalar olarak Puşkin'in eserlerinin sanat dalları açısından değerlendirildiği de görülebilmektedir. Puşkin'in eserlerinin yönetim bilimi ve yakın ilişki içindeki alanlar bağlamında ele alınan çalışmalar incelendiğinde ise söz konusu türden çalışmaların görece daha az sayıda olduğu görülmektedir (Ortaylı, 1976; Yılmaz, 2015; Ilıca, 2016; Serdar 2022; Kongaz, 2022; Yılmaz, 2023). Yönetim alanı ile dolaylı ilişki kurulabilecek sınırlı sayıda araştırma ve inceleme yapılmış olması nedeniyle bu çalışma kaleme alınmıştır.

Genel anlamda Doğu dünyasında, biraz daha özel özele indirgendiğinde Rusya'da unvan, mevki ve makam gibi unsurlar bakımından güç mesafesinin yüksek olduğu kabul edilen bir gerçekliktir. Sezgisel bir varsayım şeklindeki bir kabul olmanın ötesinde Rusya'ya ilişkin söz konusu durum, bilimsel olarak da araştırma ve incelemelere konu edilmiştir. Nitekim, topluluklar düzeyindeki kültür yapısını belirleyerek kültür boyutlarını ortaya çıkaran kapsamlı çalışmalar, GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness) Projesi kapsamında gerçekleştirilmiştir. Toplumsal açıdan fiili davranış düzeylerinin belirlendiği bu

çalışmalarda, toplumların kültürel değerler bakımından sergiledikleri davranış biçimleri ortaya konulmuştur. Toplumlar bazında kültürel değerler açısından değerlendirme bulguları, Rusya'nın içinde bulunduğu ülke grubunu kapsayacak şekilde şöyle ifade edilmektedir (Mirze, 2018, s. 418): “Bu kümede yer alan toplumların kültürel boyutlar itibarıyla davranış özelliklerinde en dikkat çeken husus, grupsal kolektivizm ve güç aralığı boyutlarıdır. Bu boyutların puanı yüksek olup, diğer ülke kümeleri ortalamalarından fazladır.”

2. KAVRAMSAL ÇERÇEVE

Asimetri: Asimetri kavramı; ülkeler, örgütler ya da bireyler arasındaki bağımlılık (dolayısıyla da güç dengesi) ilişkilerini açıklamada kullanılabilecek izah gücüne sahip bulunmaktadır. Taraflar arasında maddiyat, unvan ve kaynak gibi unsurlar bakımından asimetrisinin varlığı, tek taraflı bir bağımlılık durumu ortaya çıkarmaktadır. Gasset'e (2018, s. 20) göre başka iyi şeylerin olmadığı yerde daha iyisi de olmamaktadır. İyi şeylere ilgi duyuldukça daha iyisi ve en iyisi de bir mevki kazanabilmektedir. Bu nedenle de askersiz kumandan olmamaktadır. Unvanlar arasındaki asimetrinin en belirgin olduğu örgüt olarak Gasset tarafından verilen bu örnek, literatürde birçok bilimsel çalışmaya konu edilmiştir. Örneğin Handy, bürokratik/askeri örgütleri; mekanik örgüt yapısının prototipi olarak kabul etmektedir. Bu yönüyle Handy, askeri kurumları, hiyerarşik kademeler bakımından sivri yapılanmalar ve unvanlar arasındaki güç mesafesinin fazlalığı yönüyle örnek teşkil eden örgütler olarak ele almaktadır (Handy, 1986: 24). Handy tarafından rasyonel kararlar, hiyerarşi, statü, statüye uygun roller gibi alt unsurlarla özdeşleştirilen söz konusu yapı; Quinn ve McGrath tarafından “hiyerarşik”, Cameron ve Quinn tarafından “yapılaşmış”, Schneider tarafından “kontrol”, Deal ve Kenneddy tarafından “kapalı hiyerarşi”, Vries ve Miller tarafından “bürokratik”, Cooke ve Rousseau tarafından “geleneklere ve üst yönetime bağlılık” gibi örgütlenme tipolojileriyle açıklanmaktadır (Doğan, 2012, s. 128-136).

Taraflar arasındaki ilişkisel süreçlerde asimetri, mikro düzeydeki birey-birey ilişkileri ile orta düzeydeki birey-grup ve grup-grup gibi etkileşimlerde de söz konusu olabilmektedir. Üst düzey olarak nitelenebilecek örgüt seviyesi ilişkiler ise örgüt-grup ya da örgüt-birey şeklinde belirebilmektedir. Tepe düzey denilebilecek ölçekte ise örgüt toplulukları şeklinde ortaya çıkan popülasyonlar, toplumsal bir yapı ortaya koymaktadır. Nitekim “Asimetrik toplum” kavramını kullanan James S. Coleman'a

göre, (işletmeler, sendikalar ve devlet kuruluşları biçimindeki) örgütsel aktörlerin çoğalması nedeniyle bireyler ile örgütler arasındaki asimetri daha belirginleşmiştir. Bunun sonucu olarak güç, kademeli bir süreçle bireylerden örgütlere geçmiştir (Marshall, 2005, s. 41-42).

Güç Mesafesi: Bu kavram, belirli bir toplulukta ya da örgütte gücün bireyler arasındaki dağılımını ifade etmektedir. Gücün bireyler arasındaki dağılım biçimi ile söz konusu dağılımın topluluk veya örgüt bireyleri tarafından benimsenme derecesi, bu kavramla açıklanmaktadır. Üst konumda olduğu farz ve kabul edilen taraf ile ast arasında ortaya çıkan ve genellikle ast tarafından algılanan durum, bireyler arasındaki etkileme gücünün ölçüsünü belirlemektedir. Topluluk ya da örgütte gücü az olan bireyler, eşit olmayan bu güç dağılımını kabullendikleri ölçüde, güç mesafesinde de artış gerçekleşmektedir. Bir diğer söyleyişle, görece az gücü olan üyeler, gücün eşit dağılmasına rıza gösterdikleri ölçüde güç mesafesi artmaktadır (Mirze, 2018: 110). Daha güçlü olanların söz, emir, talimat ya da yaptırımlarının her ne pahasına olursa olsun yerine getirilmesi gerektiğine kanaat getirdikleri ölçüde güç mesafesi, güçlü olanın konumunu pekiştirmektedir. Unvan asimetrisi, güç mesafesinin fazla olmasıyla birlikte daha belirgin bir biçimde ortaya çıkmaktadır.

Skabiçevski, Puşkin üzerine yazılan en eski biyografilerden birini kaleme almıştır. Skabiçevski'nin (2021, s. 39) şu ifadeleri oldukça dikkat çekici hususlar içermektedir: “Liseden ayrılmadan önce Puşkin, askerliğin hayalini kuruyordu... Yüce Divandan gelen karar, doğrudan muhafız birliklerine girme hakkı veriyordu ve Puşkin'in 12 arkadaşı hemen askeri alana yöneldi. Ordu hayatı genç şaire bir hayli cazip geliyordu. Puşkin askerliğe Tsarskoye Selo'da bulunan subay çevresiyle çoktandır aşinaydı.” Yalnızca Rusya özelinde değil, dünya genelindeki silahlı kuvvetler teşkilatlarında rütbe ve makama dayalı unvanlar arasındaki güç mesafesine dayalı asimetri, diğer bütün kurumlara kıyasla çok daha belirgin bir biçimde ortaya çıkmaktadır. Skabiçevski tarafından verilen bu biyografik bilgiden yola çıkıldığında, Puşkin'in unvan asimetrisine olan ilgi ve aşinalığı oldukça erken yaşlarına dayanmaktadır.

3. ÇALIŞMANIN YÖNTEM VE SINIRLILIKLARI

Bu çalışmada, nitel analiz yöntemine bağlı kalınarak incelemeler gerçekleştirilmiştir. Doküman incelenmesi kapsamında yürütülen çalışmalarda, Puşkin'in birincil kaynak eserleri üzerine odaklanılmıştır. İçerik incelemesi, edinilen

verileri, belirli kavramlar ve temalar ekseninde yapılandırarak okuyucunun kavrayabileceği şekilde düzenlenerek değerlendirmeyi ifade etmektedir (Yıldırım ve Şimşek, 2016, s. 189). Bu çalışma kapsamındaki incelemede, Puşkin tarafından kaleme alınan birincil kaynaklar ağırlıklı olarak ele alınmış olup, şaire ilişkin ikincil kaynaklar çalışmanın sınırlılıkları dışında tutulmuştur. Bunun başlıca nedeni ise çalışmada üzerinde durulan unvan asimetrisi ve güç mesafesi konularında yeterli veri ve bulguya ulaşılmasından ileri gelmektedir. Zira kapsamlı bir külliyat olarak nitelendirilebilecek olan Puşkin'in eserleri, veri edinme yönünden kâfi ölçülerde cömertlik göstermekte ve veri doygunluğu sağlamaktadır.

4. BULGULARIN DEĞERLENDİRİLMESİ: PUŞKİN'İN ESERLERİNİN UNVAN ASİMETRİSİ YÖNÜYLE İNCELENMESİ

Unvan; toplumsal, örgütsel ya da kişisel farklılıklar ortaya koymak amacıyla bilinçli bir şekilde oluşturulmaktadır. Mesleki, örgütsel veya kadro unvanları şeklinde kullanılabilir (Koçel, 2013, s. 190). Puşkin'in eserlerindeki unvan bakımından avantajlı konumda bulunanlara bakıldığında soylu, kentli, yönetici ve devlet çalışanı gibi kesimleri temsil ettikleri görülebilmektedir. Bunlar karşısında dezavantajlı olanlar ise taşralı, köylü ve fakir gibi kesimler şeklinde konumlanmaktadır. Soyluluk unvanı temeline dayalı ayrımın neden olduğu asimetri konusunda Puşkin'in yazdıkları, sanat ve eleştiri çevrelerinde oldukça katı yargılarla karşılaşmıştır. Puşkin (2020a, s. 391), karşılaştığı söz konusu türden eleştirel yaklaşımları şu şekilde nakletmektedir: “Dergilerde hayrete düştüler, basit bir köylü kadına nasıl *genç kız* denilebilir de, buna karşılık soylu hanımefendiler daha aşağı, *küçük kızlar* diye adlandırılabilirmiş!”

Puşkin'in *Bahçesaray Çeşmesi* adlı eseri, Kırım Hanı'nın saray yaşantısını konu etmektedir. Zarema adlı anlatım karakteri, sarayda mutluluk içinde yaşamaktadır. Kırım Hanı'nın ona ihanet etmesi sonrasında ise büyük bir yıkıma uğramaktadır. Giray Han, “Aşka kayıtsız, sevgide gaddar” olarak ifade edilmekte ve güç mesafesi nedeniyle Zarema açısından erişilemez bir konumda betimlenmektedir. Giray Han'ın olumsuz davranışlarına rağmen Zarema'nın elinden herhangi bir şey gelmemekte, ilişkinin mahkûm tarafında yer almaktadır (Puşkin, 2018, s. 48). Taşrada çok mutlu bir hayatı olan Mariya, çıkan bir savaşta esir edilerek Kırım Hanının haremine konulmaktadır. Yurdu ve ailesinden koparılan Mariya, sürekli olarak üzünlük yaşamakta ve kendini diğer insanlardan tecrit etmektedir.

Etrafındaki insanlardan davranışsal olarak farklılaşmakta, yaşam sevincini büyük ölçüde yitirmektedir. Giray Han ile aralarındaki güç mesafesi, aşılamaz duvarlar örmektedir. Pek çok kişi onunla evlenmeye talip olmasına rağmen Mariya'nın, bu taleplere karşılık vermeyerek kayıtsız kaldığı aşağıda aktarılan dizelerde ifade edilmektedir (Puşkin, 2018, s. 49).

Bir sürü soylu ve zengin adam
Talip oldu dest-i izdivacına
Fakat ermiş kimse yok amacına.
Gizli gizli sevda çekenler de var.
Kızın kalbi değil aşktan haberdar.

Boris Godunov adlı tragedyasındaki Düzmece Dimitri karakteri, Leh Kralı'nın kızı Marina'ya karşı tek taraflı güçlü bir sevgi beslemektedir. Marina, bu sevgiye gerçek anlamda değil fakat göstermelik bir şekilde karşılık vermektedir. Zira Marina, içten gelen bir sevgi hissetmemekte, Moskova tahtına mirasçı (tarihte Düzmece Dimitri, çarlığın gerçek varisi olmasa da en azından o şekilde iddia ediyor) olmasından dolayı Düzmece Dimitri'yi seviyor gibi görünmektedir. Sevgi ilişkisinde Marina, unvan bakımından ise Düzmece Dimitri baskın konumda yer almaktadır. İkilinin arasındaki ilişkiler genel itibarıyla değerlendirildiğinde, karşı tarafı acz içinde bırakma yönüyle sevgi asimetrisi, unvan asimetrisine üstün gelmektedir. Buna karşın, *Boris Godunov* eserinin genel temasına bakıldığında çarlık unvanını elde edebilme amacıyla girişilen çabalar içinde oluşan sevgi ilişkisi, görece sınırlı bir kapsam teşkil etmektedir. Nitekim Marina, hissettiği duyguların, gerçek sevgi olmadığını Düzmece Dimitri'ye karşı açık bir biçimde şu sözlerle dile getirmektedir (Puşkin, 2019, s. 61):

MARİNA

... Şunu aklımdan hiç çıkarma; ben elimi,
Güzelliğime vurgun bir delikanlıya değil,
Kaderin bağışlamasıyla ölümden kurtulan
Moskova tahtının mirasçısına,
Bir çariçeye uzatıyorum iftiharla.

DÜZMECE

Beni değil de unvanımı seçtiğini söyleme!
Marina! Sözlerinin kalbimde ne onulmaz
Bir yara açtığını biliyor musun?

Puşkin'in *Ruslan ve Ludmila* başlıklı masal türündeki poemasında bir çoban karakteri betimlenmektedir. Çoban, uzun yıllar süresince zorlu mücadeleler vererek kahramanlık, şan, şöhret ve zenginlik içeren unvanlar edinmektedir. Naina karakterini etkilemek amacıyla giriştiği amansız mücadeleler, çoban açısından istediği sonuçları doğurmamaktadır. Kahramanlıklar elde eden çobana karşı Naina kayıtsız bir tutum takınmaktadır. Çobanın sergilediği kahramanlık unvanı edinmesinin öncesi ve sonrası aşağıdaki dizelerde dile getirilmektedir (Puşkin, 2017, s. 23-24):

Savaşta kazanacağım ünle de
Naina'nın gururlu ilgisini hak etmeyi.
... Tam on yıl karları ve dalgaları
Kızıla boyadık düşman kanıyla.
... Tutkuyla esriyordum karşısında,
... Dikiliyordum uysal bir tutsak gibi;
Ama benden kaçtı Naina,
Aldırışsız bir tavırla:
"Kahraman, seni sevmiyorum!" dedi.

"Onegin'in Mektubuna Tatyana'nın Sözlü Cevabı" başlıklı şiirinde Puşkin, *Yevgeni Onegin* adlı eserindeki anlatılara göndermede bulunmaktadır. Soylu ve kent kökenli Onegin karakteri, Tatyana'yı taşralı oluşu nedeniyle hakir görmektedir. Bu ise aralarında asimetrik bir ilişkinin ortaya çıkmasına neden olmaktadır. Soylu bir tavır takındığı düşüncesi içindeki Onegin, esas itibarıyla Tatyana'ya karşı zorbaca bir tutum sergilemektedir. Söz konusu olumsuz iletişim biçiminin bile soylu olmanın haklı gerekçesine dayandığı Tatyana tarafından kabul görmekte ve onun şu ifadelerine yansımaktadır (Puşkin, 2003, s. 35):

... O soğuk bakışı düşündükçe
Ve o vaazı... Ama siz
Bir soyluluk gösterdiniz,
Suçlamak: O nasıl kelime,
Haklıydınız, elbette siz,
Minnettarım, bilersiniz...

Onegin, soyluluğu ve kent yaşamını tecrübe eden biri olarak köye gelmiş olması yönüyle kendisini; bilgi, görgü ve tecrübe sahibi gibi görmektedir. Sahip

olduğunu farz ve kabul ettiği ve kendisine asimetrik bir üstünlük sağladığını vehmettiği bu niteliklerini ön plana çıkararak Tatyana'ya vaaz vermeye kalkışmaktadır. Soyluluk asimetrisini, açık bir tahakküm aracına dönüştüren Onegin, Tatyana'nın kendisine karşı beslediği sevgi hislerini savurgan bir biçimde harcamaktadır. *Yevgeni Onegin* adlı eserin sonlarına gelindiğinde ise söz konusu asimetrik ilişki tersine dönmektedir. Söz konusu dönüşüm ise şu dizelerle dile getirilmektedir (Puşkin, 2020a, s. 379-380):

Dersinizi sizin ben dinlemiştim öyle
Bugün ders vermek sırası bende.
... Neden ben sizin gözünüzün erimindeyim?
Yüksek toplumun seçkin yerindeyim,
Orada görünmek zorundayım diye mi,
Şimdi zenginim ve soyluyum diye mi,

Kolomon'daki Küçük Ev başlıklı poemasında Puşkin, soylu ve zengin bir derebeyinin eşi olan kontes ile fakir Praşa arasındaki unvan asimetrisini işlenmektedir. Unvan asimetrisi, kontes lehine olmasına karşın, mutlu bir hayat sürme bakımından Praşa, tümüyle karşıt bir görünüm sergilemektedir (Puşkin, 2012, s. 219-220):

Hatırlıyorum, her zaman bir kontes gelirdi
... Genç ve zengin biriydi;
... Praşa onun karşısında
Sefil görünürdü, daha bir sefil hatta.
Bazen kontes kibirli bakışlarını ona
Küçümseyerek fırlatırdı. Ama Praşa
... Yüz misli daha mutluydu ondan,
Sıradan, iyi kalpli benim Praşam.

Atış adlı hikâyedeki A. Bestujev Marinsky karakteri, ailesel nedenlerle yoksul bir köye yerleşmektedir. Yazı geçirmek üzere köye gelecek olan kont karşısında hissettiği kendi konumunu şu sözlerle ifade etmektedir (Puşkin, 2020c, s. 82-83): “En yakın komşuları ve sadık bendeleri (köleleri) olarak kendimi onların yüksek katlarına sunmak üzere... köyüne yollandım... yabancı zenginliklere kapalı olduğumdan ürkekleşmişim. Taşralı bir ricacı, bakanı nasıl bir yürek çırpıntısıyla

beklerse, kontu öyle beklemeye başladım.” Unvanlar arasındaki güç mesafesinin nedensel yüksek olduğu bu anlatımda açık bir biçimde görülebilmektedir.

“Ançar” başlıklı şiirinde Puşkin, sahip-köle ilişkisi üzerinde durmaktadır. Ançar kelimesini, “zehirli ağaç” şeklindeki bir dipnotla açıklayan şair, zehirli ağacı, sahibi tarafından kölesine ihsanda bulunulan yiyecek, içecek ve barınma gibi unsurlar olarak ifade edilmektedir. Sahip-köle asimetrisinde sahip, söz bile söylemeye gereksinim duymaksızın, buyurgan bir bakışla köleyi eyleme geçirebilmekte ve ona istediğini yaptırabilmektedir. Direktif veya talimat şeklinde de verilebilen emir, yönetsel anlamda ast konumundaki bir işgörenden belirli bir iş ya da görevi yapmasını söz, yazı ve sair surette istemeyi ifade etmektedir. Buradaki tanımsal nitelikteki son cümlede geçen “sair suretle” verilen (tevdî edilen) emir karşısında kölenin herhangi bir yorum yapma durumu söz konusu olamamakta, kendisinden mutlak itaat beklenmektedir. Sahip tarafından “sair suret” olarak yapılan buyurgan bakış, köle tarafından bir emir telakki edilmekte ve emrin gereği eksiksiz bir biçimde ve canı pahasına da olsa yerine getirilmeye çalışılmaktadır. Söz konusu efendi-köle ilişkisi şeklinde ortaya çıkan unvan asimetrisinin yansıması, Puşkin (2020b, s. 71) tarafından şu dizelerle dile getirilmektedir:

Fakat bir adam bir başka adamı
Gönderdi Ançar’a buyurgan bir bakışla,
Uysalca yola düştü öteki
... sonra bitkin düştü ve yatıp kaldı
Üstünde bir hasrın,
Ve can verdi zavallı köle
Ayakları dibinde yenilmez hükümdarın.

Puşkin’in (2020c, s. 3) *Büyük Petro’nun Arabı* adlı hikâyesi aşağıdaki cümlelerle başlamaktadır: “Yenileştirilen devlet için gerekli bilgileri edinsinler diye, Büyük Petro’nun yabancı ülkelere gönderdiği gençler arasında çarın vaftiz oğlu Arap İbrahim de vardı. Paris savaş okulunda öğrenim gören delikanlı, topçu yüzbaşısı olarak okulu bitirdi, İspanya savaşında başarılar kazandı ve ağır bir yara alarak Paris’e döndü.” Buradaki anlatımda, ülkesine katkıda bulunmak amacıyla öğrenim görmesine ve katıldığı savaşta yararlılıklar göstererek gazilik mertebesine ulaşmasına rağmen İbrahim, hikâyenin devamında Arap kökenli olması nedeniyle Rus sosyetesini tarafından kabul görmemektedir. Eğitim ve savaş kahramanlığı gibi sonradan

edinilen soyluluk unvanı, kan bağıyla gelen soyluluk karşısında adeta hiçe sayılmakta ve asimetri unsuru ortadan kalkmamaktadır. Söz konusu olumsuz bakış açısı, hikayedeki şu ifadelerde açıkça ortaya çıkmaktadır (Puşkin, 2020c, s. 31): “... Rus soylusu, şimdiki sonradan görmelerden, börekçilerden, gâvurlardan belki de daha değerlidir ya, eski kafa bir adamım ben.” Bu ifadelerden de açıkça görülebileceği üzere, Rus soylusu ile “sonradan görme” burjuvalar arasında zaman içinde değişen güç dengesi, burjuvalar lehine gelişse de geleneksel görüşe sahip ve “eski kafa” olarak nitelendirilen bireyler, bu durumu içlerine sindirememektedirler. Büyük dedesi tarafından Arap olan Puşkin, kan bağı bakımından Rus soylusu olanların, diğer soyluluk türlerine karşı kendilerine asimetric bir üstünlük vehmettiklerine bizzat kendi hayat tecrübeleriyle şahitlik etmiştir.

Menzil Bekçisi adlı hikâyede, hafif süvari yüzbaşı Minski, silahlı kuvvetler mensubu olarak ordunun örgütsel/kurumsal gücünü ve rütbesinin/unvanının rüzgarını arkasına almakta, kendisine eş olarak seçtiği Dünya’yı kayınbabasının gönül rızasını gözetmeksizin taşra hayatından adeta koparıp almaktadır. Güzellik konusunda asimetric bir üstünlüğe sahip Dünya, babasının fakir yaşantısından kaçarcasına Minski ile evlenmektedir. Minski ile Dünya, aradan uzun yıllar geçip üç çocuk sahibi olduktan sonra menzil bekçisi babanın evine uğradıklarında, onun yıllar önce ölmüş olduğunu öğrenmektedirler. Unvan asimetrisine sahip Minski’nin, güzellik asimetrisine sahip Dünya ile yaptığı bu evlilik, kızının üzüntüsü nedeniyle aşırı içki tüketimine yönelen menzil bekçisi babanın hazin bir biçimde ölümüne vesile olmaktadır.

1829 Seferi Sırasında Erzurum’a Yolculuk adlı romanında Puşkin (2020c, s. 548), Erzurum’da bir Türk paşası ile yaptığı konuşmayı nakletmektedir. Türk paşası Puşkin’e hitaben şunları söylemektedir: “Bir şairle karşılaşmak her zaman hayırlıdır. Şair, dervişin kardeşidir. Onun ne vartanı vardır ne de dünya nimetlerinde gözü. Biz zavallılar şan, iktidar ve para peşinde koşarken, o, yeryüzünün hükümdarlarıyla aynı sırada durur ve herkes onun karşısında eğilir.” Bu sözlerin hemen devamında Puşkin, duygularını şu şekilde dile getirmektedir: “Paşanın tam bir Doğulu olarak söylediği bu sözler hepimizin hoşuna gitti.”

5. DEĞERLENDİRME VE SONUÇ

Puşkin’in eserlerindeki asimetri unsurların incelenmesi söz konusu edildiğinde, şair olması sebebiyle öncelikle sevgi ilişkilerindeki asimetri konusu

çağrışım yapmaktadır. Sevgi asimetrisi, özellikle de Doğu dünyasında “gül” ve “bülbul” metaforik anlatımıyla aralarında asimetrik sevgi bulunan taraflara ilişkin anlatılar, Puşkin’in eserlerinde belirgin bir biçimde görülebilmektedir. Puşkin, Doğu edebiyatında sıklıkla vurgulanan bülbul-gül, seven-sevilen gibi sembolik ikili ayrımlar aracılığıyla taraflar arasında oluşan asimetrik farklar nedeniyle bir tarafın karşı taraf üzerinde tahakküm oluşturma durumunu birçok eserinde işlemekte ve bu durumu eleştirmektedir (Puşkin, 2003, s. 19; Puşkin, ty., s. 9; Puşkin, 2020b, s. 63). Doğu şiirinin vazgeçilmez sembollerinden, bülbulün güle olan tek yönlü asimetrik sevgi/aşk ilişkisini Puşkin, “Bülbul ile Gül” başlıklı şiirinde aşağıdaki dizelerle ifade etmektedir (Puşkin, 2003, s. 49):

... Doğu bülbulü, gülü için şen şakrar.
Sevgi dolu gül, ne yazık ki, duymuyor,

Rus gerçekçi edebiyatının öncülerinden olan Puşkin, salt romantik sayılabilecek ve yukarıda aktarılan türden asimetri ilişkilerinin çok ötesine geçmiştir. Başta unvan asimetrisi olmak üzere, bilgi ve özgürlük gibi konulardaki asimetrik ilişki biçimlerine de eserlerinde sıklıkla yer vermiştir. Puşkin’in eserlerindeki asimetrik unsur içeren anlatılarının tümünü bir araya getirerek bunları bulgu analizi biçimine dönüştürmek, bilimsel bildiri metnini aşacağı için, yazım hacmi bakımından daha kapsamlı olan makale ya da kitap yazımını bir bakıma gerekli kılmaktadır. Değerlendirme ve sonuç bağlamında burada ifade edilen bütün anlatımlar, Puşkin’in eserlerinin, çok daha kapsamlı anlatımlarla yeniden ele alınması gerekliliğini yinelemekte ve bu konuda yapılacak daha ileri çalışmalara davet niteliği taşımaktadır.

KAYNAKÇA

- Behramoğlu, A. (2020). “Puşkin’in Dehası ve Şiiri Üzerine”, *Seviyordum Sizi Seçme Şiirler*, Çev. Ataol Behramoğlu, İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, içinde ss. vii-xv.
- Doğan, B. (2012). *Örgüt Kültürü*, İstanbul, Beta Yayınları.
- Gasset, J. O. (2018). *Quijote Üzerine Düşünceler*, Çev. Mehmet Sait Şener, İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
- Handy, C. (1986). *Süper Yönetim Şirketler Nasıl Yönetiliyor, Gelecekte Nasıl Yönetilecek?*, Çev. Saden Hatay, İstanbul, İlgi Yayıncılık.
- Ilıca, S. (2016). Puşkin ve Dekabristler. *Avrasya İncelemeleri Dergisi*, 4(2), 204-223.
- Koçel, T. (2013). *İşletme Yöneticiliği*, İstanbul, Beta Yayıncılık.

- Kongaz, İ. D. (2022). Rus Kimliği Bağlamında A.S. Puşkin'in Yaratıcılığında Çar I. Petro'nun Etkisi. *Uluslararası Toplumsal Bilimler Dergisi*, 6(3), 226-247.
- Marshall, G. (2005). *Sosyoloji Sözlüğü*, Çev. Osman Akınhay, Derya Kömürcü, Ankara, Bilim ve Sanat Yayınları.
- Mirze, S. K. (2018). *Uluslararası İşletmecilik ve Yönetim*, İstanbul, Beta Yayınları.
- Ortaylı, İ. (1976). Tiyatroda Tarihî Oyunlar Üzerinde Siyasal Bir Analiz Denemesi. *Tiyatro Araştırmaları Dergisi*, 7(7), 217-232.
- Puşkin, A. S. (2003). *Aşk Şiirleri*, Çev. Kanşaubiy Miziev ve Ahmet Necdet, İstanbul, Everest Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2012). *Poemalar*, Çev. Kayhan Yükseler, İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2017). *Ruslan ve Rudmila*, Çev. Kayhan Yükseler, İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2018). *Bahçesaray Çeşmesi*, Çev. Azad Ağaoğlu, İstanbul, Ötüken Neşriyat.
- Puşkin, A. S. (2019). *Boris Godunov*, Çev. Özcan Özer, İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2020a). *Yevgeni Onegin*, Çev. Azer Yaran, İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2020b). *Seviyordum Sizi Seçme Şiirler*, Çev. Ataol Behramoğlu, İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- Puşkin, A. S. (2020c). *Yüzbaşının Kızı -Bütün Öyküler Bütün Romanlar-*, Çev. Ataol Behramoğlu, İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.
- Puşkin, A. S. (ty.). *Seviyordum Sizi Seçilmiş Şiirler*, Çev. Azer Yaran, Ataol Behramoğlu, Kanşaubiy Miziev, Ahmet Necdet, Sefer Aytekin, Haluk Madencioğlu, Sacide, Simge Yayınları.
- Serdar, İ. (2022). A.S. Puşkin'in Tarihsel Çalışmalarına Bir Bakış. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, 10(32), 119-128.
- Skabiçevski, A. (2021). *Puşkin'in Eserleri*, Çev. Emel Saatçi, Ankara, Dorlion Yayınları.
- Yıldırım, A. ve Şimşek, H. (2016). *Sosyal Bilimlerde Nitel Araştırma Yöntemleri*, Ankara, Seçkin Yayıncılık.
- Yılmaz, R. (2023). Nikolai Gogol'ün Müfettiş Adlı Eserinde Yönetim ve İnsan İlişkileri. *Toplum, Eğitim ve Kültür Araştırmaları Dergisi*, 2(3), 193-199.
- Yılmaz, S. (2015). Sovyetler Birliği'nde İdeolojik Bir Araç Olarak Tarihî Roman. *Konya: III. Milletlerarası Tarihî Roman ve Romanda Tarih Bilgi Şöleni Bildiriler Kitabı*, 282-292.

ЦИКЛ ЗАНЯТИЙ ПО СТИХОТВОРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А.С. ПУШКИНА НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 5-6-Х КЛАССАХ КЫРГЫЗСКОЙ ШКОЛЫ

Жолдошалиева Жылдызкан Эркиновна, к.п.н., и.о. доцента кафедры русского языка и литературы КГУ имени И. Арабаева, Бишкек, Кыргызстан, zh.zholdoshalieva@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена творчеству А.С. Пушкина. Поэзия считается одним из средств воспитания чувств подрастающего поколения. Она способствует формированию и обогащению идейного кругозора, нравственного облика, эстетического вкуса школьников. Необходимо начинать чтение стихов детям еще тогда, когда они не все могут понять услышанное, но многое способны почувствовать, поэзия действует на них, как музыка – прямо через сердце, мимо головы, для которой настанет свое время, свой черед. Для занятий были отобраны специальные издания повышенного уровня текстологической доступности. Лирика Пушкина – в издании местной школьной библиотеки, с пояснениями, притекстовыми словариками и, в ряде случаев, с параллельными поэтическими переводами на кыргызский язык.

Ключевые Слова: А. С. Пушкин, Лирика, Воспитание, Уроки-Викторины, Кыргызская Школа.

ÖZET

Makale, A. S. Puşkin'in eserlerine adanmıştır. Şiir, genç kuşağın duygularını eğitmenin araçlarından biri olarak kabul edilmektedir. Şiir, öğrencilerin düşünsel ufkunu, ahlaki karakterini ve estetik zevkini şekillendirmeye ve zenginleştirmeye katkı sağlar. Şiir okumalarına, çocuklar henüz duyduklarını tam olarak anlayamasalar bile, hissettiklerinin çoğunu algılayabilecekleri bir dönemde başlanmalıdır; çünkü şiir onlara, tıpkı müzik gibi, doğrudan kalpten etkiler, kafalarına ise zamanla ulaşacaktır. Dersler için metinlere yüksek derecede erişilebilirlik sağlamak amacıyla özel baskılar seçilmiştir. Puşkin'in lirizmi, yerel okul kütüphanesinin baskısında, açıklamalar, metin öncesi sözlükler ve bazı durumlarda, Kırgızca'ya paralel şiirsel çevirilerle sunulmaktadır.

Anahtar Kelimeler: A. S. Puşkin, Lirizm, Eğitim Aracı Olarak Şiir, Ders-Sınavlar, Kırgız Okulu.

ABSTRACT

The article is devoted to the work of A.S. Pushkin. Poetry is considered one of the means of educating the feelings of the younger generation. It contributes to the formation and enrichment of the ideological horizons, moral character, and aesthetic taste of schoolchildren. It is necessary to start reading poetry to children even when they cannot understand everything they hear, but are able to feel a lot; poetry affects them like music - directly through the heart, past the head, for which its time and turn will come. Special editions of an increased level of textual accessibility were selected for the lessons. Pushkin's lyrics - in the edition of the local school library, with explanations, textual dictionaries and, in some cases, with parallel poetic translations into the Kyrgyz language.

Keywords: A. S. Pushkin, Lyrics, Education, Quiz Lessons, Kyrgyz School.

Поэзия по праву считается одним из мощных средств воспитания человеческих эмоций. Знакомство детей и молодежи с поэзией способствует формированию и обогащению их идейного кругозора, нравственных качеств и эстетического вкуса. В этом был глубоко убежден В.Г. Белинский. Он полагал необходимым начинать чтение стихов детям еще тогда, когда они не все могут понять в услышанном, но многое способны почувствовать: “Пусть ухо их приучается к гармонии русского слова, сердца преисполняются чувством изящного; пусть и поэзия действует на них, как музыка – прямо через сердце, мимо головы, для которой настанет свое время, свой черед”, – писал великий критик (Белинский, 2001, с. 295). Сказанное Белинским во многом применимо и к тому, как учащиеся в кыргызских и русских школах осваивают русскую поэзию.

Было проведено несколько уроков, в процессе самостоятельного чтения к заключительному уроку. В анкете, которая предлагалась школьникам для заполнения до и после проведения работы по стимулированию самостоятельного чтения, мы проводили фрагмент из стихотворения «Няне» и побуждали учеников поразмыслить над его содержанием и ответить на вопрос:

почему автор показывает портрет пожилой женщины? Сейчас в нынешнее время в няни берут пожилых женщин? Во время предварительного опроса 46 из 70 учащихся экспериментальных классов (т.е. 64,2 %) не ответили на этот вопрос вообще, а 12 (17 %) сумели лишь уловить то, что поэт говорит о своей няне. Таким образом, 81 % пятиклассников поначалу совсем не смогли понять значение стихотворения в целом и значения таких эпитетов, как: *голубка дряхлая моя, наморщенные руки, забытые ворота, черный отдаленный путь*. Лишь 12 реципиентов (17 %) в какой-то мере приблизились к пониманию смысла. Нашлись ученики, которые написали продолжение этого стихотворения. Для них стали ключевыми те слова, которые они вначале не понимали. Но смысл стихотворения сохранился. Результаты повторного анкетирования (после проведения обучающего эксперимента) свидетельствуют о том, что учащиеся не только прочитали, осмыслили и выучили наизусть это стихотворение. Почти все ученики верно поняли смысл стихотворения. Характерно: если при предварительном опросе лишь 25 из 70 школьников назвали «Няне» в числе известных им стихов поэта, то во время контрольного анкетирования таких учеников было 68 (97 %).

Большой интерес проявили учащиеся к двум стихотворения А.С. Пушкина про природу: «Зимнее утро» и «Зимний вечер». Ребята уловили их смысл и смогли неплохо объяснить, как поэт блестяще подчеркнул все красоты зимнего утра и как он описывает уютную атмосферу, царящую в деревенской избе зимним вечером. Многие ученики из экспериментальных классов (более двух третей) охотно выучили их наизусть.

В ходе пофрагментной беседы-викторины учащиеся 5-6-х классов познакомились с историей, которая развернулась вокруг напечатания стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный», посвященного лицейскому другу И.И. Пущину. Школьники узнали, что А.С. Пушкин часто в своем творчестве обращался к друзьям. Самым близким из всех был И.И. Пущин, с которым поэт познакомился еще во время учебы в Царскосельском лицее. У них были схожие интересы и взгляды на жизнь (все подробности их дружбы были рассказаны детям).

Учащимся предлагалось: 1) подумать, почему поэт написал это стихотворение именно в то время, когда находился в ссылке в селе Михайловское; 2) найти те слова, с помощью которых поэт выразил своему

другу поддержку и какими словами он подчеркивает свою нерушимую приверженность юным идеалам; 3) выразительно прочитать «Мой первый друг, мой друг бесценный» наизусть и рассказать, какие мысли и чувства выражает поэт по отношению к другу.

К заключительному уроку значительная часть учащихся сумела понять суть этого стихотворения, ведь от друга юности требовалось большое мужество, чтобы посетить опального поэта. 33,4 % учащихся 5-х классов из экспериментальных классов назвали «Мой первый друг, мой друг бесценный» одним из произведений, который он написал для друзей, а 31,8 % – выучили его наизусть. В контрольных классах оно, соответственно, не было названо и выучено учениками.

Часть заданий пофрагментной беседы-викторины, как отмечалось выше, была посвящена теме дружбы в творчестве А.С. Пушкина. Этим продолжается разговор, начатый на установочном экспериментальном занятии. По-новому восприняты были учениками уже знакомые им стихи. Так, стихотворение «Зимнее утро», входящее в учебную программу, уже давно пользуется любовью наших учащихся.

Во время контрольного анкетирования 33,4 % учеников из экспериментальных классов отметили это стихотворение в числе тех, в которых автор описывает красоту русской природы в зимний период.

Углубленную аналитическую работу провела часть наших школьников со стихотворением «19 октября 1827 года».

Школьники еще раз отметили, что дружба была одной из основных тем лирики А.С. Пушкина. Он на всю жизнь сохранил сердечные отношения с товарищами ранней юности, одноклассниками по Лицею.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
... И в бурях, и в житейском горе,
краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

Одним из упомянутых здесь друзей был И.И. Пущин, многие ученики отметили, как только услышали задание. (Об этом шла речь на установочном уроке. На нем же демонстрировалась картина Н.Н. Ге «И.И. Пущин в гостях у Пушкина». Кроме того, ученикам предлагалось найти и выписать в рабочие тетради строки из стихотворения «19 октября 1827 года»). Осталось определить остальных друзей поэта. Некоторые ученики смогли написать краткие сообщения об И.И. Пущине и П.Я. Чаадаеве.

Последнее задание беседы-викторины оказалось для учащихся наиболее трудновыполнимым. Перед учениками была поставлена задача, написать список воспитанников первого Лицея. Параллельно нужно было подготовить краткие сообщения о жизни и деятельности лицеистов пушкинского выпуска (благо, среди них было немало ярких, незаурядных личностей).

И пусть учащимся не удалось за время, которое им было отпущено (7-10 дней) на подготовку к заключительному занятию, выполнить целиком задание (общими усилиями они смогли найти и занести в свой список лишь 3 лицеистов). Важно другое: некоторые ученики с увлечением выполняли такую работу поисково-исследовательского характера (с помощью интернет-ресурсов). Они искали и находили рекомендованную литературу, внимательно читали ее в поисках упоминания имен тех, кто когда-то учился и жил рядом с будущим великим поэтом. Наши наблюдения показывают, что задания беседы-викторины, аналогичные последнему, с особой эффективностью могут выполняться на занятиях школьного кружка русской словесности. В этом убеждены и учителя русского языка и литературы, участвовавшие в проведении эксперимента.

Включение в эксперимент подобных занятий имело свои положительные стороны: оно помогло приобщить к их выполнению и тех учеников, которые не являются реципиентами; привлечь внимание всех учеников, возбудить их интерес, а затем, на заключительном уроке, продемонстрировать возможности решения поставленных задач. Казалось бы, такое задание лишь косвенно связано с пушкинской темой. Но опыт подсказывает, что в нашей республике, где особо почитаются семейные, родовые и общинные традиции (по обычаю полагалось помнить имена своих предков до седьмого колена; в эпосе важное место занимает генеалогия героев и подробные характеристики их друзей), вопросы о предках, потомках, друзьях великого поэта вызывает особый

интерес. А выяснение данных вопросов углубляет интерес к личности самого писателя, к атмосфере Лицея, к теме дружбы в пушкинской лирике. Это, в свою очередь, дает импульс развитию читательской активности многим учащимся.

В нижеследующей таблице мы приводим до- и постэкспериментальные данные чтения нашими пяти- и шестиклассниками стихотворений А.С. Пушкина. Материал здесь, как и последующих двух таблицах ранжирован по результатам работ, выполненных в экспериментальных классах.

Определенный, иногда заметный, рост количества позитивных ответов и в работах учащихся из контрольных классов объясняется большим интересом значительной их части к работе, проводившейся нами в параллельных классах (пяти- и шестиклассники из контрольных групп даже высказывали обиду по поводу того, что не их класс выбран нами в качестве экспериментального).

Таблица 3

№	Стихотворения А.С. Пушкина, названные реципиентами	Контрольные классы (63 чел.)		Экспериментальные классы (92 чел.)	
		до/после эксперимента		до/после эксперимента	
1	«У лукоморья дуб зеленый»*	-	-	3,2	93,8
2	«Я сам не рад болтливости своей»	-	-	-	89,0
3	«В тот день осенняя погода»	68,3	74,7	69,9	89,0
4	«Эхо»*	-	-	-	87,4
5	«Октябрь уж наступил – уж роща отряхает»	44,5	62,0	58,8	81,1
6	«Зимний вечер»	23,8	49,3	28,6	68,3
7	«Зимнее утро»	14,3	17,5	25,4	50,8
8	«Ветер, ветер, ты могуч»*	-	-	-	39,7
9	«Дар напрасный, дар случайный»*	-	-	-	33,4
10	«Няне»	-	32,0	17,3	33,6
11	«Уж небо осенью дышало»	-	27,0	-	19,1
12	«Буря»	-	-	-	16,0
13	«И.И. Пущину» (Мой первый друг, мой друг бесценный)	-	11,0	-	20,3

Что касается стихотворения «Уж небо осенью дышало» и «И.И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный...»), то работа по формированию интереса учеников к этим произведениям проводилась в контрольных классах учителем по собственной инициативе.

Выше мы указывали, что материал беседы-викторины был ориентирован на сочетание темы дружбы и сказочных сюжетов в творчестве А.С. Пушкина. Исследования, проведенные ранее, засвидетельствовали большую тягу школьников 5-6-х классов к сказкам. Отметим, что и наши реципиенты с огромным интересом отнеслись к сказочной части пушкинской викторины. Они с видимым удовольствием вспоминали здесь звездочкой выделенные произведения А.С. Пушкина, не входящие в программу кыргызской школы.

С интересом читали многие учащиеся наперебой, «хором», пролог к «Руслану и Людмиле», буквально забросали учителя примерами в ответ на предложение вспомнить такую характерную для русских сказок деталь, как троекратные повторения и вообще частое использование числа *три*.

В УОК-Л №1 им. Ч. Айтматова две ученицы самостоятельно подготовили совместную композицию, посвященную «Сказке о рыбаке и рыбке». Сюда вошли чтение наизусть, и свободный пересказ с использованием таких специфических для русских сказок образных оборотов, как *злато-серебро*, *Окияне-море*, *старик-простофиля*.

Особый интерес школьников вызвало одно из самых знаменитых, но не изучаемых в школе произведений Пушкина – «Конь (Что ты ржешь, мой конь ретивый...)». Учащиеся подчеркнули, что и у кыргызов конь издревле тоже был самым дорогим для хозяина, что человек, не имевший или потерявший коня, сравнивался с птицей без крыльев. Ребята без труда вспоминают примеры из сказок и устно-поэтических произведений кыргызского народа, в которых богатырский конь выступает как ближайший друг и самый верный помощник своего могучего седока.

Часть учащихся успешно справились с вопросами викторины: «Какой характер несет речь, обращенная к коню?» И еще «Какими словами поэт описывает доверительные отношения героя и его четвероногого товарища?». Ребята с большим интересом прочитали строки о том, что спину коня покроют подстилкой, сделанной из кожи любимого хозяина. Эта поэтическая легенда, которая до сих пор воспринималась учащимися как прекрасное творение поэта, вдруг открылась им новой, неожиданной гранью. 40,2 % наших респондентов после экспериментальной работы назвали это произведение в числе лучших стихотворений великого русского поэта (при предварительном анкетировании

«Конь (Что ты ржешь, мой конь ретивый...)» в данной ипостаси не был назван ни разу).

Исключительна роль наглядности в процессе преподавания русского языка и литературы. «Особенно важно снабдить... наглядностью уроки в пятых и шестых классах потому, что при изучении текста воссоздающее воображение работает менее активно» (Добрынина, Троицкая, 1998, с. 44). Исходя из этих соображений, при подготовке к викторине ученикам было рекомендовано прочесть «Конь (Что ты ржешь, мой конь ретивый...)» в тех изданиях, где ключевым словесным образам сопутствуют опорные иллюстрации, в данном случае – рисунки В. Васнецова или Н. Кочергина. На экспериментальных уроках были продемонстрированы слайды, изготовленные нами по изданию «Конь». Учащимся предлагалось ответить на вопросы: какие картины Виктора Михайловича Васнецова вы знаете; каких героев он чаще всего рисовал? Многие ученики сразу же называли «Богатырей»; часть – вспомнила «Аленушку». Сам В.М. Васнецов, которого современники считали «историком», энергично возражал против этого, утверждая: «Я не историк, я – сказочник, былинник, гусяр живописи!» (Голубков, 2002, с. 203). Именно данную сторону творческого облика великого русского живописца сумели уловить и отметить наши реципиенты. Большой интерес вызвали также слайды с иллюстрациями Н. Кочергина, которые демонстрировались на экспериментальном уроке.

О большом интересе, проявленном нашими пяти- и шестиклассниками к сказочной (легендарной) части беседы-викторины, свидетельствует таблица 4. Материал здесь ранжирован в соответствии с итогами работы в экспериментальных классах.

Анализ данной таблицы убеждает прежде всего в резком повышении интереса учащихся к тем внепрограммным произведениям, внимание к которым стимулировалась в ходе эксперимента – к «Коню», «19 октября 1827 года», «И. Пущину».

Таблица 4

№	Произведения Пушкина сказочного (легендарного) характера, названные учениками 5-6-х классов	Контрольные классы		Экспериментальные классы	
		До / после		До / после	
1	«Конь (Что ты ржешь, мой конь ретивый...)»	1,6	12,7	3,1	79,5
2	«Сказка о рыбаке и рыбке»	57,2	68,3	39,7	65,2
3	«Сказка о царе Салтане...»	46	58,8	23,8	61
4	«Сказка о мертвой царевне...»	9,5	34,9	12,6	41,3
5	«Сказка о золотом петушке»	6,3	23,7	7	24
6	«Русалка»	-	7	-	-
7	«Руслан и Людмила»	47	62,8	30,2	72
8	«Сказка о попе и... Балде»	-	1,6	-	30
9	«19 октября 1827 года»,	-	11	-	48
10	«И. Пущину».	12	15,6	-	34

Значительно возрос интерес и к пушкинским сказкам: они не были предметом специального рассмотрения на экспериментальных занятиях, но акцентирование сказочно-легендарных сюжетов отозвалось *рикошетом* на повторное обращение к издавна любимым учениками произведениям или на их припоминании. В контрольных классах, как уже говорилось выше, имел место своеобразный резонанс работы, проводившейся в классах экспериментальных; он выразился также преимущественно в усилении интереса учеников к сказкам Пушкина.

Увлекательной и специфической для реципиентов является такая форма работы, как сличение поэтических оригиналов с их переводами на родной язык учащихся. Подготовка ответов на некоторые вопросы беседы-викторины предполагала вдумчивое прочтение учениками наряду с пушкинскими стихотворениями и стихи других русских поэтов.

На заключительном уроке-викторине размышления учащихся о стихотворениях великого русского поэта; рассказы связанных с этими стихами фактах биографии их автора; чтение пушкинских стихотворений или отрывков из них наизусть.

В подавляющем большинстве ученических анкет, заполненных после проведения экспериментальной работы, называлось по несколько пушкинских стихотворений, прочитанных учениками самостоятельно.

Весьма существенны данные о том, какие пушкинские стихотворения были выучены школьниками наизусть (см. табл.5)

Таблица 5

№	Произведения Пушкина или отрывки из них, которые уч-ся знают наизусть	Контрольные классы		Экспериментальные классы	
		До / после		До / после	
1	«Няне»	23,8	27	20,6	28,6
2	«Уж небо осенью дышало...»	24	26	22	29
3	«В тот год осенняя погода...»	14	20,6	29	31
4	«Узник»	12,5	16	16	19,9
5	«Зимняя дорога»	16,2	18	14	20,2
6	«Зимний вечер»	17	19	15	19
7	«Зима! Крестьянин торжествуя...»	-	-	13	19,4
8	«Конь»	12	14	12,8	19,7
9	«Руслан и Людмила» (отр.)	11	12,6	12	23
10	«Туча»	7,9	12	-	7,5
11	«Друзьям»	-	1,6	-	12
12	«Товарищ»	-	-	-	11
13	«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» (отр.)	-	1,6	1,6	1,6
14	«Осень»	7,9	6,3	1,6	1,6
15	«Буря»	1,6	1,6	-	-
17	«Сказка о мертвой царевне...» (отр.)	-	3,2	1,6	4,7
18	«Зимнее утро»	2,7	6,8	1,6	7,2
19	«У лукоморья дуб зеленый...»	3,6	3,6	-	7,0
20	«19 октября 1827 года»	12	26,8	34	74,6
21	«И.И. Пущину»	49	66,2	45	83,2
22	«Сегодня я поутру дома...»	-	-	-	3
23	«К письму»	-	-	-	2,4
24	«Опрятней модного паркета...» (отр.)	9,9	11	11,7	14,9
25	«Волшебница – зима» (отр.)	17	17	12	19,3
26	«К Чаадаеву» (отр.)	-	3,5	6,7	8

Здесь особенно значимы свидетельства о заучивании учениками тех внепрограммных произведений, которые фигурировали на экспериментальных занятиях: «И.И. Пущину», «19 октября 1827 года», «Зимний вечер», «Конь» и др. Характерно и внимание к стихотворениям, которые по своей теме и образной системе перекликаются с прозвучавшими на установочном уроке или на уроке-викторине, – к таким, как «Друзьям», «Товарищам», «Туча». Что касается программных стихотворений и некоторой активизации работы по заучиванию пушкинских стихов в контрольных классах, то здесь, очевидно, также сказались эффекты резонанса и *рикошета* экспериментальных уроков, отмеченные нами выше. «Звездообразное» расширение круга чтения и заучивания наизусть поэтических текстов таблица удостоверяет достаточно наглядно.

Таким образом, наблюдения за ходом проведения нового вида работы по приобщению учащихся 5-6-х классов к самостоятельному чтению стихов А.С. Пушкина, ярко проявившееся отношение самих учащихся к пофрагментной беседе-викторине с опорными материалами для отсроченных ответов и результаты контрольного анкетирования свидетельствуют об эффективности подобной формы стимулирования внеклассного чтения.

Обобщая итоги эксперимента с учащимися 5-6-х классов по произведениям А.С. Пушкина, можно сделать следующие выводы:

1. Существенно раздвинулась “пушкинская галактика” в читательских ориентациях учащихся экспериментальных классов. Так, если при предварительном анкетировании среди известных реципиентам из контрольных и экспериментальных классов стихотворений А.С. Пушкина было названо 12 произведений (в большинстве своем – входящих в программу по русской и родной литературе), то после проведения соответствующей работы число знакомых пятиклассникам стихов великого русского поэта выросло до 43. Причем необходимо отметить, что этот заметный количественный рост наблюдается целиком в “поэтическом багаже” тех учащихся, с которыми проводилась пофрагментная беседа-викторина. Среди “новых” текстов, названных учениками, бросается в глаза большое количество произведений, прочитанных учениками по собственному выбору (здесь фигурируют и поэмы, известные и не очень известные широкому кругу читателей стихотворения: «Я

вас любил: любовь еще, быть может», «Я помню чудное мгновенье», «Сапожник» (притча) и мн. др.).

2. Особенно ощутимо выросли в количественном и качественном отношении списки известных учащимся экспериментальных классов стихов про русскую природу А.С. Пушкина и его произведений на легендарные (сказочные) сюжеты (см. табл. 3 и 4). Многие из этих стихотворений или отрывки из них учащиеся выучили наизусть (см. табл. 5).

3. Заметно усилилось стремление ребят узнать побольше об истории создания тех или иных пушкинских произведений. С полным основанием мы можем утверждать, что многие стихотворения А.С. Пушкина не остались для наших учащихся лишь набором звучных и прекрасных рифмованных строчек, а превратились в факты жизни и духовно-нравственных устремлений опального поэта. Это ярко проявилось в тяге школьников к тому, чтобы “привязать” строки внешне безобидных стихов к важным событиям биографии Пушкина.

Следует учесть, что описываемая работа проводилась самостоятельно, преимущественно ненапряженного чтения учащихся на русском языке. Поэтому задача организации разноаспектного анализа соответствующих текстов нами не ставилась. Привлекалось внимание лишь к отдельным, особо впечатляющим и семантически значительным моментам их содержания и образной системы. В целом оправдало себя обращение к изданиям, в которых пушкинские произведения представлены на текстологически повышенном уровне доступности, и к приемам работы, призванным обеспечить педагогически актуализированный уровень доступности.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский, В.Г. (2001). Разделение поэзии на роды и виды. *Собр. соч.: В IX-ти т. – 7-е изд., доп., перераб. – Т. 3. С. 294-349. М.*
- Голубков, В.В. (2002). *Методика преподавания литературы*. 11-е изд., доп., перераб. – 495 с. М.
- Добрынина, Н.Е., Троицкая Е.Е. (1998). Изучение читательских интересов – основа руководства чтением. *Современный читатель*. С. 44-46. М.
- Жолдошалиева, Ж.Э. (2022). канд. дисс. *Дидактические основы формирования интереса к чтению у учащихся 5 – 6-х классов на уроках русского языка и литературы*. 187 с.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР ПУШКИНА

Макбуля Сабзиева, Анатолийский Университет, makbulesabziyeva@anadolu.edu.tr

ÖZET

Aleksandr Sergeyeviç Puşkin'in yaratıcılığı, her zaman müzisyenler ve besteciler için tükenmez bir ilham kaynağı olmuştur. Birçok sanat eserine konu olan Puşkin'in eserleri, günümüzde de önemini korumaktadır. Puşkin şiirinin geniş çapta müzisyenlerin dikkatini çekmesi ve bestecilerin onun eserlerine duyduğu derin ilgi, birçok bilim insanı tarafından şairin söylem özellikleri ele alınarak araştırılmıştır. Bu çalışmada Puşkin'in müziğe yaklaşımı göstergebilimsel açıdan incelenerek şairin söylem özelliklerinin sesin ötesinde derin anlamlar ve kültürel kodlar içerdiği ortaya konmaya, Puşkin'in müziği sadece bir ses olayı olarak değil, aynı zamanda kültürel, duygusal ve sembolik anlamlar taşıyan bir gösterge sistemi olarak ele aldığı farklı eserlerinden ve bağlamlardan çeşitli örneklerle sergilenmeye çalışılmıştır. Sonuç olarak, Puşkin'in eserlerinde müzik, sadece dekoratif bir unsur olmanın ötesine geçmiş ve karakterlerin psikolojilerini, toplumsal dinamikleri, kültürel değerleri ve hatta metafiziksel kavramları ifade eden karmaşık bir gösterge sistemi olarak işlev görmüştür. Puşkin, müziğin duygusal gücünü, kültürel bağlamını ve sembolik potansiyelini ustaca kullanarak eserlerinin anlam katmanlarını zenginleştirmiş ve müzisyenler için yüzyıllardır süregelen bir ilham kaynağı yaratmıştır.

Anahtar Kelimeler: Puşkin, Müzik, Üslup, Göstergebilim

ABSTRACT

The creativity of Alexander Sergeyevich Pushkin has always been an inexhaustible source of inspiration for musicians and composers. The works of Pushkin, which have been the subject of many works of art, maintain their importance today. The widespread attention of musicians to Pushkin's poetry, the source of composers' deep interest in his works, has been examined by many scientists by addressing the poet's discourse features. In this study, Pushkin's approach to music is examined from a semiotic perspective, aiming to reveal that the poet's discourse features contain deep meanings and cultural codes beyond sound. It is shown through various examples from different works and contexts that Pushkin considers music not only as a sound phenomenon but also as a sign system carrying cultural, emotional, and symbolic meanings. As a result, in Pushkin's works, music goes beyond being merely a

decorative element and functions as a complex sign system that expresses the psychologies of characters, social dynamics, cultural values, and even metaphysical concepts. Pushkin masterfully used the emotional power, cultural context, and symbolic potential of music, enriching the layers of meaning in his works and creating a source of inspiration for musicians that has continued for centuries.

Keywords: Pushkin, Music, Style, Semiotics

Творчество Александра Сергеевича Пушкина во все времена являлось неиссякаемым источником вдохновения для музыкантов и композиторов. «Более 1000 композиторов, включая современников поэта, неоднократно обращались к его творчеству. Около 500 сочинений поэта – поэзия, проза, драмы – легли в основу более 3000 музыкальных произведений» (Глумов, 1950, с. 5).

Почему поэзия Пушкина так широко привлекала музыкантов? Чем был обусловлен глубокий интерес композиторов к его творчеству? Эта тема была исследована в работах Е. С. Берлянда-Черной (Берлянд-Черная Е. С. «Пушкин и Чайковский» Москва: Музгиз, 1950), Н. Г. Винокура (Винокур Н. Г. «Пушкин в музыке» Москва: Совет. композитор, 1974), А. Н. Глумова (Глумов А. Н. «Музыкальный мир Пушкина» Москва, Ленинград: Музгиз, 1950) и многих других. Как и выявлено исследователями секрет большого интереса к творчеству поэта заключался в музыкальности его слога. Музыкальные образы и метафоры пронизывают не только поэзию, но и драматические произведения поэта. Он мастерски использовал ритм, рифму, аллитерации, ассонансы и другие звуковые приемы, создавая мелодичное звучание. Создаваемая им мелодическая структура может рассматриваться как первичный семиотический уровень, где звуки языка уже несут определенную эмоциональную окраску.

Пушкин умел глубоко и тонко передавать самые разнообразные чувства, что делало его стихи идеальным материалом для создания романсов и опер. В поэзии Пушкина много ярких и запоминающихся образов, которые вдохновляли композиторов на создание музыкальных картин. Особая мелодичность и ритмичность делала поэзию Пушкина легко запоминающейся и прекрасно лежащей на музыку. Музыкальность слога Пушкина объясняется

тем, что он сам был глубоко музыкальным человеком. Музыка была для него не просто развлечением, а источником вдохновения и эстетического удовольствия. Пушкин часто посещал концерты, балеты и оперы, был знаком со многими музыкантами своего времени. В поэме «Евгений Онегин» Пушкин писал:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей;
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.

.....

Он вечно тот же; вечно новый.

Он звуки льет — они кипят.

Они текут, они горят.

Как поцелуи молодые... (Пушкин, 1960, с. 191).

Лирический герой, близкий к самому Пушкину, испытывает радостное предвкушение от предстоящего посещения оперы. Эпитет "упоительный" по отношению к Россини передает его глубокое восхищение музыкой композитора. Описание музыки Россини через глаголы "льет", "кипят", "текут", "горят" передает отношение поэта к музыке, эмоциональное и чувственное воздействие на него музыки. Сравнение звуков с "поцелуями молодые" делает восприятие музыки особенно ярким и чувственным, ассоциируя ее с нежностью и страстью. Таким образом, эти выражения становятся метафорами поэтического вдохновения и выражения чувств через слово. Посещение персонажами оперы является социальным ритуалом, отражающим культурные предпочтения и статус персонажей.

Любовь к музыке, пронизывающая всё творчество поэта, отражена и в следующих строках:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия (Пушкин, 1960, с. 344).

Придавая музыкальность строкам, поэт одновременно создаёт картины музыкального мира своего времени. Чтобы усилить эмоциональный эффект своих произведений, он описывает атмосферу светских балов, где звучит музыка, танцуют пары. Тем самым вырисовывается образ бала — символа

светской жизни, развлечений и одновременно искушений. Эти музыкальные формы являются социальными маркерами, указывающими на принадлежность к определенному классу и времени, а также регулирующими социальное взаимодействие. Показывая реальные картины из жизни светских салонов Пушкин часто упоминает названия танцев.

Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа **мазуркой** занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шепот модных жён (Пушкин, 1960, с.22).

.....
Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится **вальса** вихорь шумный;
Чета мелькает за четой (Пушкин, 1960, с. 110).

В стихах поэта часто упоминаются разные музыкальные инструменты, мелодии, песни и танцы. Музыкальные инструменты и жанры (арфа, флейта, романс, опера) несут с собой культурные и исторические коннотации. Символом поэзии и вдохновения в его произведениях часто выступает образ лиры. Звуки лиры ассоциируются с гармонией и красотой. Арфа символизирует поэзию, вдохновение и нежность и часто упоминается в его лирических произведениях. Фортепиано ассоциируется с аристократическим образом жизни и светскими салонами. Древнерусский инструмент гусли символизирует народную музыку и поэзию. Пушкин часто использует образ гуслей для создания атмосферы русской старины. Флейта ассоциируется с пастушеской жизнью, природой и мелодичными звуками, скрипка – инструмент страсти, любви и меланхолии. Пушкин использует эти коннотативные значения для передачи более глубоких смыслов и нюансов чувств своих персонажей.

Изображая деревенскую жизнь, Пушкин обращается к народной поэзии и народным песням. В поэму «Евгений Онегин» поэт включил песню девушек, собирающих в поле ягоды, отмечая при этом, что им было велено петь песни, чтобы случайно не забросить в рот ягоды.

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь девицы,
Разгуляйтесь, милые! (Пушкин, 1960, с. 77).

Пушкин, часто не используя тексты песен, умеет создавать их характер. Например описанием в поэме “Цыганы” цыганских песен передаётся меланхолия, тоска и страсть. Обильное употребление эпитетов в поэме создаёт атмосферу цыганского быта, кочевой жизни и ощущение безысходности и разрушения. Песни цыган становятся фоном для любовной драмы Алеко и Земфиры. Вот описание песни старого цыгана:

И старый цыган напев завел,
Унылый, жалобный и нежный,
Как вольный крик степной орла,
Как томный шум ночного дола.
А также упоминается песня Земфиры:
Поёт, и голос её свирен
И волен, как степной напев... (Пушкин, 1960, с. 177).

В поэме «Бахчисарайский фонтан» песни пленниц в гареме создают атмосферу тоски и безысходности. Песни пленниц появляются в тот момент, когда читатель знакомится с жизнью обитательниц гарема крымского хана Гирея. После описания роскоши и томной неги, царящей в гареме, Пушкин представляет хор пленниц, чьи голоса разносятся по мраморным покоем. Печальные и тоскливые мелодии песен создают гнетущую атмосферу заточения и безысходности, контрастирующую с внешней роскошью гарема. Они погружают читателя в эмоциональное состояние пленниц. И хотя у пленниц нет индивидуальных голосов и историй, их коллективные песни позволяют почувствовать их общее горе и страдание. Звучание этих песен предвещает трагические события, которые разворачиваются в поэме. Вот как Пушкин описывает эти песни в поэме:

И в мраморных стенах дворца
Звучали песни горестно;
То девы юные, толпяся,
В часы безмолвные ночей,
Вздыхали, тайны сердца
Доверясь лире сладостной своей.
И звуки их лились, летели,
Вкруг гарема уныло шли,
Как будто жалоба томила в них...

.....

Они мечтали о свободе,
О дальней родине своей (Пушкин, 1960, с. 144).

Таким образом, Пушкин передает суть песен пленниц: их тоску по родине, воспоминания о прошлой жизни, ощущение заточения и, возможно, скрытую любовную тоску.

В поэме “Руслан и Людмила” сказочный певец Финн исполняет песни, которые обладают магической силой. В “Сказка о царе Салтане” белка, поющая песни и вылуцивающая золотые скорлупки с изумрудными ядрами, явно не является обычным животным. Её необычные способности создают атмосферу волшебства и чудес, характерную для народных сказок. Пение белочки в “Сказке о царе Салтане” – это элемент, который способствует созданию волшебной атмосферы, подчеркивает богатство и процветание острова, развлекает и несёт символический смысл, связанный с удачей князя Гвидона.

Наряду с описанием содержания песен в некоторых произведениях Пушкин, пользуясь знанием устного народного творчества, сам составляет тексты песен. Например, в стихотворении “Песня о вещем Олеге”, в основе которого лежит летописный рассказ, приведённый Карамзиным в “Истории Государства Российского” (Карамзин, 1988, с. 87), песня кудесника о славе Олега переложена Пушкиным следующим образом:

Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;

И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан (Пушкин, 1959, с. 186).

С таким же творческим подходом мы встречаемся в пьесе “Русалка”, где показана песня девушек на свадьбе.

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Веря ль, веряюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехать.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся,
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится (Пушкин, 1960, с. 396-397).

Таким образом, в творчестве Пушкина встречаются тексты песен различных жанров: исторические, лирические, фольклорные и оперные. Хотя автор не всегда приводит тексты песен, стилевое соответствие играет важную роль в создании образов и атмосферы произведений.

Заключение

Александр Сергеевич Пушкин был не только великим поэтом, но и человеком, глубоко ценившим музыку. Его творчество оказало огромное влияние как на развитие русской литературы, так и на развитие русской музыки. Его стихи до сих пор вдохновляют композиторов по всему миру.

Стихи поэта отличаются мелодичностью и ритмичностью, что делает их особенно привлекательными для композиторов. Его произведения легли в

основу множества опер, романсов и других музыкальных произведений. Среди наиболее известных композиторов, обращавшихся к творчеству Пушкина, можно назвать Михаила Глинку, Петра Чайковского, Модеста Мусоргского и многих других. В целом, поэзия Пушкина стала неиссякаемым источником вдохновения для русских композиторов на протяжении многих поколений, способствуя развитию русской оперной и романсной школы.

Музыка была неотъемлемой частью жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина. Она вдохновляла его, помогала ему выразить свои чувства и создавала неповторимую атмосферу в его произведениях. Пушкин видел и слышал музыку во всём. Звуки природы - шум моря, пение птиц, шелест листвы – все это использовалось им для создания атмосферы и передачи эмоций. Музыкальные образы помогали ему создавать определенную атмосферу, а звуковые образы делали его поэзию более яркой и запоминающейся. Музыкальные инструменты, танцы, песни, упоминающиеся в стихах, являлись символами различных чувств и состояний, отражая светскую жизнь, народные традиции и страстные чувства.

Музыка в творчестве Пушкина не просто звуковое сопровождение, а сложная система знаков, несущая культурные, эмоциональные и символические значения. Анализируя любовь поэта к музыке с семиотической точки зрения, мы видим, что музыка в его творчестве - это не просто украшение, а многослойная знаковая система. Поэт использует музыку для передачи эмоций, социальных контекстов, культурных идентичностей и метафорических смыслов. Взаимодействие музыки и языка в его произведениях создает богатую семиотическую палитру, обогащающую интерпретацию текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлянд-Черная, Е. С. (1950). *Пушкин и Чайковский*. Москва, Музгиз.
- Винокур, Н. Г. (1974). *Пушкин в музыке: справочник*. Сост.: Н. Г. Винокур, Р. А. Каган. Москва, Совет. композитор.
- Глумов, А. Н. (1950). *Музыкальный мир Пушкина*. Москва, Ленинград, Музгиз, тип. Известий в Москве.
- Карамзин, Н. М. (1988). *История Государства Российского*. Т.1, Кн.1, М., Книга.
- Пушкин, А. С. (1959). *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 1, М., ГИХЛ.
- Пушкин, А. С. (1960). *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 3-4, М., ГИХЛ.

EKLER

ANADOLU ÜNİVERSİTESİ
EDEBİYAT FAKÜLTESİ
RUS DİLİ VE EDEBİYATI BÖLÜMÜ

SEMPOZYUM

Puşkin'in Eserlerinde Doğu: Algı, Anlayış, Kavrayış

17 Aralık 2024

10.00 - 17.00

Anadolu Üniversitesi Öğrenci Merkezi
Yunus Emre Salonu, Eskişehir

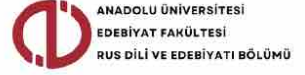
Zoom Toplantı Katılım Linki

<https://zoom.us/j/93657713750>

Zoom Toplantı Kimliği: 936 5771 3750

Bu yayın sadece
elektronik olarak
dağıtılmaktadır.

Международная научно-практическая конференция
«А.С. ПУШКИН И ВОСТОК: ВОСПРИЯТИЕ,
ПОНИМАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ»

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

“A.S. PUŞKİN VE DOĞU: ALGI, ANLAYIŞ,
KAVRAYIŞ”
Uluslararası Sempozyum

SEMPOZYUM PROGRAMI

17.12.2024

09.45 – 17.00 (UTC+3)

Anadolu Üniversitesi, Öğrenci Merkezi,
Yunus Emre Salonu, Eskişehir, Türkiye

Zoom Meeting URL:

<https://zoom.us/j/93657713750>

Zoom Meeting ID: 936 5771 3750

SEMPROZYUM PROGRAMI / ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

(Sempozyum hibrit formatında gerçekleştirilecektir. Конференция будет проводиться в гибридном формате.)

Tarih / Дата: 17.12.2024

Yer / Место проведения: Anadolu Üniversitesi,
Öğrenci Merkezi, Yunus Emre Salonu, Eskişehir, Türkiye

Zoom Meeting URL: <https://zoom.us/j/93657713750>

Zoom Meeting ID: 936 5771 3750

*Oturumlara şifresiz olarak giriş yapılacaktır. Для участия в заседаниях пароль не требуется.

10.00:	Açılış / Открытие конференции A. S. Puşkin anısına Müzik-Şiir Dinletisi / Литературно-музыкальная композиция, посвящённая памяти А. С. Пушкина.
10.30 – 11.00:	Açılış Konuşmaları / Приветственные выступления
11.00 – 12.30:	I. Oturum / Заседание секции I
12.30 – 14.00:	Öğle Yemeği Arası / Перерыв на обед
14.00 – 15.30:	II. Oturum / Заседание секции II
15.30 – 16.00:	Çay-Kahve Molası / Кофе-брейк
16.00 – 17.00:	III. Oturum / Заседание секции III
17.00:	Kapanış ve Sertifika Dağıtımı Заккрытие конференции, вручение сертификатов участникам

I. OTURUM / ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИЙ I

Oturum Başkanları / Руководители секции:

Prof. Dr. Makbule SABZİYEVA, Doç. Dr. Nilüfer DENİSSOVA

Sunum süresi / Регламент:

10 dakika / 10 минут

11.00-12:30:	BİLDİRİLER / ДОКЛАДЫ Prof. Dr. Ataol BENRAMOĞLU Benim Puşkin'im Kaşauby MİZİEV, Türkolog, çevirmen Puşkin'in "Yevgeniy Onegin" Manzum Romanı Çevirisi Тюркан ОЛДЖАЙ, профессор, доктор Пушкин в Турции (к истории перевода) (дистанционное) A. K. ТУСУПОВА, к.ф.н., ассоц. Профессор Проблемы перевода произведений А.С. Пушкина (дистанционное) С. В. АНАНЬЕВА, к.ф.н., ассоц. Профессор Пушкин в Казахстане: переводы, исследования, художественные произведения (дистанционное) Е.Р. ЯДРОВСКАЯ, д.пед.наук, профессор Общечеловеческий ценностный потенциал пушкинской цитаты (дистанционное) Б.Т.КОЙЧУЕВ, д.ф.н., профессор Мотив «памятника нерукотворного» в творчестве А. С. Пушкина в контексте всемирной литературы (дистанционное)
12.30 - 14.00	Öğle Yemeği Arası / Перерыв на обед

II. OTURUM / ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИЙ II

Oturum Başkanları / Руководители секции:

Doç. Dr. Zeine ORAZBEKOVA, Doç. Dr. Nilüfer DENİSSOVA, Dr. Öğr. Üyesi Hakan SARAÇ

Sunum süresi / Регламент:

10 dakika / 10 минут

14.00 – 15.30:	BİLDİRİLER / ДОКЛАДЫ Емине ИНАНЫР, профессор, доктор Восток в творчестве и жизни А. С. Пушкина. Мифы и реальность (дистанционное) С. Т. ЖАРБУЛОВА, к.ф.н., профессор Отражение творчества А. С. Пушкина в произведениях казахской литературы (дистанционное) С. А. АБДРАХМАНОВ, д.ф.н., профессор Коран в творчестве А.С.Пушкина (дистанционное) РАХМАНОВА Альбина Ходжаевна, д.ф.н., профессор Многоаспектность звучания «подражаний корану» А.С. Пушкина (дистанционное) Öğr. Gör. Dr. Sevinç NASİBOVA К вопросу о пушкинском «Пророке» как защите некоторых исламских ценностей Минаханым Нуриева Теклели, д. ф.н., профессор Тюркская среда на Кавказе и тюркизмы в произведениях Пушкина (дистанционное) З. С. ОРАЗБЕКОВА, к.ф.н., Ph.D Восточные топонимы в травелогe А. С. Пушкина «Путешествие в Арзурум» Мехмет Фырат АРАМАДЖЫ, Докторант А. S. Puşkin'in Bahçesaray Çeşmesi Poemasında Kahramanı Şekillendiren Bağlı Motifler (дистанционное)
15.30-16:00:	Çay-Kahve Molası / Кофе-брейк

III. OTURUM / ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИЙ III

Oturum Başkanları / Руководители секции:

Prof. Dr. Gülmira KURUOĞLU, Doç. Dr. Nilüfer DENİSSOVA, Dr. Öğr. Üyesi Onur AYDIN

Sunum süresi / Регламент:

10 dakika / 10 минут

16.00 – 17.00:	BİLDİRİLER / ДОКЛАДЫ Ж. ЖОЛДОШАЛИЕВА, к. п. н. А. С. Пушкин – Неповторимый национальный гений (дистанционное) Dr. Öğr. Üyesi Onur AYDIN “Erzurum Yolculuğu” Eserindeki Epitetler Temelinde Puşkin’in Oryantalist Bakış Açısı Гюльжигит СООРОНКУЛОВ, д.ф.н., профессор Шедевр «Стамбул гяуры нынче славят...» (Этимологические размышления о турецком псевдониме А.С. Пушкина) (дистанционное) Анжу Рани, Ph.D Пушкиниана Индии (дистанционное) Шрадха Пал, Ph.D Пушкин и романтический дух: Параллели между индийской и русской литературными традициями (дистанционное) Ильсевер РАМИ, Ph.D Восток и запад в творчестве К. Леонтьева: «Письма о восточных делах» (дистанционное)
17.00:	Кapanış ve Sertifika Dağıtım Заккрытие конференции, вручение сертификатов участникам

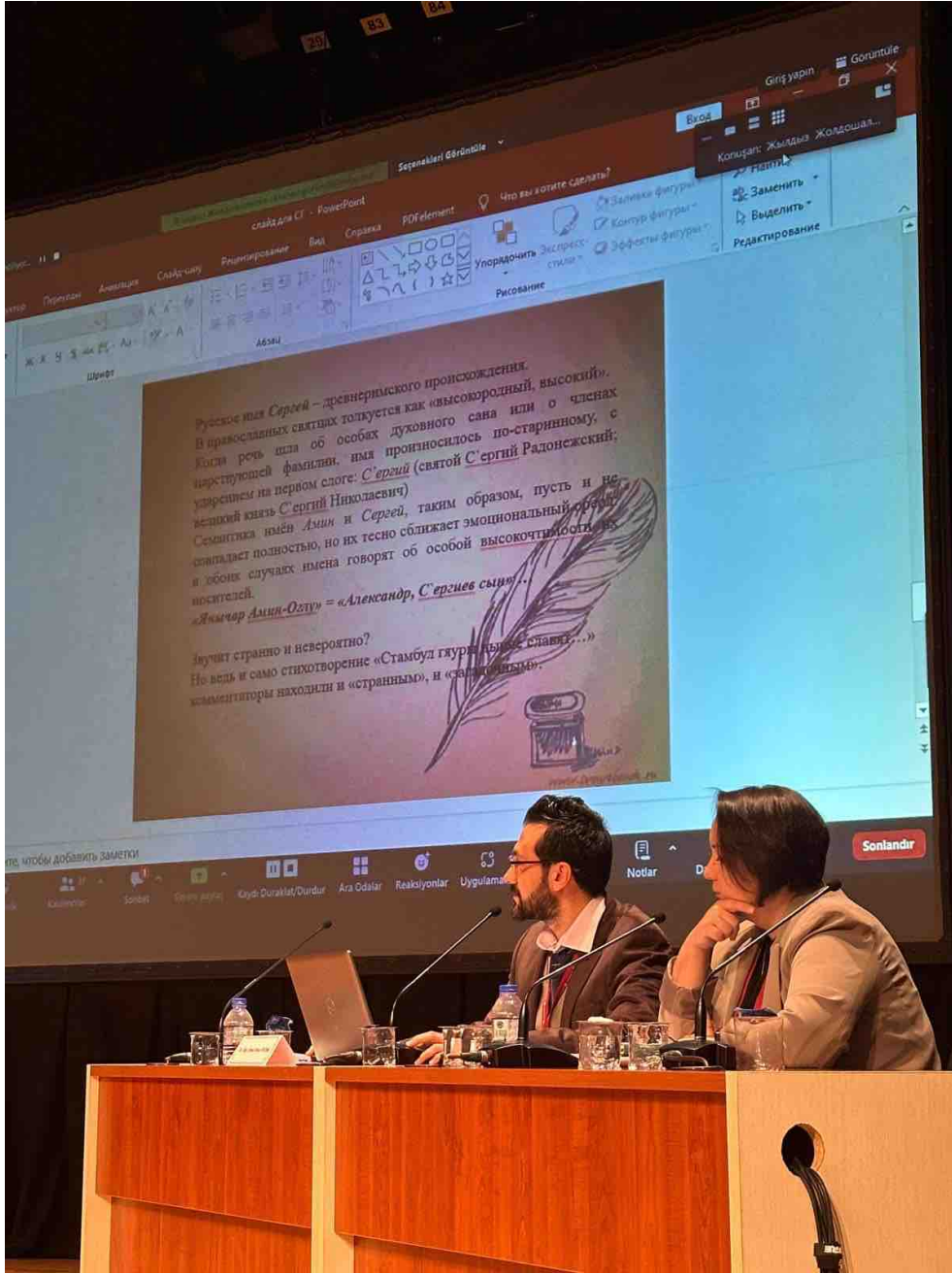

KapatKatılımcılar (46)

şA

şekip aktay (ben)

SA

Sempozyum... (Oturum Sahibi)

A

Aybuke (Ortak oturum sahibi)

OA

Onur Ay... (Ortak oturum sahibi)

Z

zeren (Ortak oturum sahibi)

3

Emir (Ortak oturum sahibi)

AI

Adem iPhone'u

A

Anju Rani

AT

Arda T

BM

Berfin melek kaçmaz

B

Burak Öztürk

Davet Edin